

Пермское Прикамье не является территорией этногенеза и ранних этапов этнической истории чувашского народа. Чувашское население в Пермском Прикамье в разные исторические периоды было представлено переселенцами с основной территории проживания этноса в Поволжье. Миграции чувашей в Пермское Прикамье характерны для XVII–XX веков. Они не были многочисленны, носили периодический и волнообразный характер, каждая переселенческая волна была вызвана определённым комплексом причин и имела свои особенности. По большей части все миграционные волны в Пермское Прикамье были результатом более масштабных миграционных процессов, характерных как для чувашского населения страны, так и других регионов России.

ЧУВАШИ В ПЕРМСКОМ ПРИКАМЬЕ В XVII–XVIII ВЕКАХ

Первые сведения о чувашском населении Пермского Прикамья относятся к XVII веку. Переселение в районы Пермского края в этот период можно назвать первой миграционной волной чувашского населения. Однако в этот период миграции чувашей в Пермское Прикамье были немногочисленными. Значительно больше чувашей оседает в более южных территориях – в Уфимском уезде (территория современной Республики Башкортостан), где, как отмечают исследователи, уже к середине XVII века стали складываться группы закамских и приуральских чувашей¹. Причинами переселения в этот период были геополитические и социально-экономические изменения в Поволжье, связанные с присоединением этой территории к Русскому государству, увеличением размеров государственных налогов и повинностей, распространением христианства². На фоне значительной миграции чувашей в более южные регионы Приуралья происходило проникновение отдельных групп переселенцев и в южные районы Пермского Прикамья.

Одной из территорий Пермского Прикамья, которую в XVII веке активно осваивают народы Поволжья и Приуралья, является поречье Сылвы и Ирени. Сохранившиеся переписные книги этой территории, административно относившейся к Кунгурскому уезду, позволяют

проследить как динамику миграционных процессов, так и этнокультурную ситуацию в этом регионе в XVII – первой половине XVIII века.

Писцовые книги М. Кайсарова 1623–1624 годов в Сылвенско-Иренском поречье отметили 67 юртов «остяцких» и татарских, четыре юрта марийских и один юрт мордовский³. Как видно из данных источников, чувашского населения в этот период в Сылвенско-Иренском поречье не отмечено.

Однако в более поздних документах уже фиксируется присутствие чувашей в Сылвенско-Иренском поречье. Переписные книги 1678–1679 годов Д. Жукова и П. Ахматова отразили в Кунгурском уезде сложный и полиэтнический состав населения, который включал татар, марийцев, удмуртов и чувашей, а также русских. Татарских юртов насчитывалось 252 с мужским населением 785 человек, марийских – 100 с мужским населением 311 человек, удмуртских – шесть с 15 человеками мужского населения⁴. Чувашаи являлись по количеству юртов и мужского населения третьей этнической группой: в поречье имели 10 юртов с мужским населением в 20 человек⁵. Из четырёх четвертей с нерусским населением в Кунгурском уезде чувашаи не отмечены только в Верх-Сылвенской четверти. В Карьевской четверти переписные книги учли два чувашских юрта с населением в четыре человека⁶. Чувашаи проживали в деревне Старая Карьева вместе с татарами, удмуртами и марийцами, в которой находился один чувашский юрт и числилось два человека⁷. Второй чувашский юрт наряду с татарскими юртами отмечен в деревне Байсино, в нём также проживало два человека. В Шаквинской четверти чувашское население, составляющее один юрт и четыре человека, отмечено в деревне Уразово с основным татарским населением⁸. Второй чувашский юрт в Шаквинской четверти с одним человеком отмечен в татарской деревне Копчиково⁹. Таким образом, в Шаквинской четверти также находилось два чувашских юрта с населением пять человек. В Верх-Иренской четверти чувашей отмечено больше всего: шесть юртов с мужским населением 11 человек. Чувашаи проживали в татарской деревне Екпердино, где находился один чувашский юрт с мужским населением три человека¹⁰. Больше всего их отмечено в татарской деревне Телес, Курамышева тож, где находилось пять юртов оброчных чувашей с мужским населением восемь человек¹¹.

В «Переписной книге ясачных и оброчных татар, черемисов, вотяков, чувашей Кунгурского уезда 1704 г.» зафиксировано восемь чувашских семей, расселённых в двух этнически смешанных поселениях, где кроме них проживали также татары, марийцы и удмурты¹².

Среди деревень, в которых проживали чувашаи – деревня Телес Верх-Иренской четверти, в которой они были отмечены и в предыдущих переписных книгах, и деревня Кошаево Верх-Сылвенской четверти¹³. Как видим, число чувашских юртов в уезде сократилось. А в переписях 1719 и 1725 годов¹⁴ чувашское население на этой территории уже не было зафиксировано.

В настоящее время лишь в исторических преданиях пермских татар и башкир сохранились сведения о присутствии чувашей в этом регионе и их участии в этнических процессах. В татарской деревне Усть-Арий Октябрьского района, например, рассказывают о горе *Чуваш тау*, на которой когда-то поселились чувашаи, показывают место старого чувашского кладбища в окрестностях деревни. Жители деревни рассказывают о сложном этническом составе населения территории в прошлом: *«В нашей деревне татары первыми поселились, а в Колтаево – башкиры. Ары (удмурты) были здесь, чувашаи были, чувашей татары прогнали. В Колтаево сейчас башкир нет, все татарами считаются»*.

Осваивалось чувашаи, видимо, и поречье Тулвы, однако и здесь их численность была незначительной. О чувашах этой территории также рассказывают некоторые исторические предания, записанные в Тулвинском поречье от татар и башкир. Например, жители Чувашаево Бардымского района считают, что название их деревни происходит от названия проживавшего здесь народа: *«Чувашаево, раньше чувашаи жили. Языки их отличались. Мулла в деревне старый был, он про чувашей рассказывал. А потом пришли татары...»*; *«Раньше деревня была дальше, а потом приехал чуваш. Был дедушка Яматай. В честь него и назвали деревню»*¹⁵. Сегодня сложно судить о достоверности этих преданий, однако проникновение отдельных чувашских семей из сопредельных территорий Среднего Поволжья в XVII–XVIII веках в южные районы Прикамья можно считать доказанным историческим фактом.

Таким образом, в XVII – начале XVIII века на волне общей миграции из районов Поволжья и Приуралья чувашаи также проникали в южные районы Пермского Прикамья – в Сылвенско-Иренское и Тулвинское поречья. Однако миграции этого периода в регион были незначительны. Чувашаи не создали отдельных поселений, а были расселены в татарских или этнически смешанных деревнях. Поэтому в данный период в Прикамье не было создано компактного островного или дисперсного ареала расселения чувашей. Возможно, немногочисленное чувашское население мигрировало за пределы региона, а скорее всего, было ассимилировано и вошло в состав сылвенско-иренских

татар и тулвинских башкир и татар. Причиной того, что чувашаи в этот отрезок времени не осваивают активно Пермское Прикамье, в отличие от более южных районов, является и поиск переселенцами наиболее близких к старой родине и привычных природно-климатических зон и ландшафтов, что, в том числе, обусловило преобладание миграций в лесостепные, нежели таёжные районы Приуралья.

В дальнейшем, на протяжении около двух столетий, вплоть до конца XIX века, в Пермском Прикамье не наблюдалось миграций чувашского населения. Только с конца XIX века можно говорить о новой волне переселения чувашей в западные уезды Пермской губернии.

ЧУВАШИ В ПЕРМСКОМ ПРИКАМЬЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Вторая половина XIX – начало XX века – начало нового этапа активной миграции чувашей из Поволжья на восток, в районы Урала и Сибири. Причинами миграционного движения в этот период стали безземелье и малоземелье в районах традиционного расселения, высокая плотность населения, сокращение лесных массивов¹⁶. Факторами, способствовавшими миграционным процессам, были отмена крепостного права, развитие отходничества в районах Поволжья, а также проводимая государственная политика по переселению в восточные районы страны, прежде всего, в малоосвоенные территории Сибири (деятельность Крестьянского поземельного банка, учреждение Переселенческого управления в составе МВД и т. д.)¹⁷. Активизации миграций способствовала также развивающаяся в этот период железнодорожная сеть, связавшая регионы Поволжья с Уралом и Сибирью (открытие Самарско-Оренбургской, Самарско-Златоустовской и Казанской железных дорог). Однако основные миграционные потоки опять же направлены в южные районы¹⁸, Сибирь¹⁹ и лишь незначительно задевают территорию Пермской губернии.

Первая перепись населения Российской империи 1897 года отметила в Пермской губернии незначительное число чувашей – 67 человек, большая часть из которых проживала в Пермском уезде (см. таблицу)²⁰. Из них к городскому населению отнесено восемь (11,9%) человек (все мужчины). Среди других уездов западной части Пермской губернии – территории современного Пермского края – чувашаи отмечены в Кунгурском, Соликамском и Оханском уездах, однако численность их была незначительна. Доля мужчин среди чувашского населения

значительно преобладала над числом женщин: 51 человек (76,1 %) против 16 человек (23,9 %). Об этих чувашах сегодня практически ничего неизвестно. В материалах переписи, в разделе, посвящённом роду занятий, отмеченные выше чуваша отнесены к категории «остальные народы» (всего 185 человек). Самыми распространёнными занятиями названы «земледелие» (61 человек) и «извозный промысел» (62 человека)²¹. Нельзя исключать, что именно эти занятия и были основными для прикамских чувашей того времени.

Таблица 1

Чуваши Пермской губернии по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года*

	Всего чувашей	Муж.	Жен.
Пермский уезд	31	20	11
в г. Перми	1	1	—
в уезде без города	30	19	11
Верхотурский уезд	12	11	1
Екатеринбургский уезд	1	1	—
Ирбитский уезд	—	—	—
Камышловский уезд	—	—	—
Красноуфимский уезд	3	3	—
Кунгурский уезд	8	4	4
в г. Кунгуре	1	1	—
в уезде без города	7	3	4
Осинский уезд	—	—	—
Оханский уезд	4	4	—
в г. Оханске	—	—	—
в уезде без города	4	4	—
Соликамский уезд	8	8	—
в г. Соликамске	1	1	—
в уезде без города	7	7	—
Чердынский уезд	—	—	—
Шадринский уезд	—	—	—
Всего по губернии	67	51	16

* Составлено и подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 29–32. Губернии: Орловская, Пензенская, Пермская, Подольская. СПб., 1904. Т. XVI. С. 96–97.

Как свидетельствует перепись 1897 года, в западных уездах Пермской губернии – Пермском, Кунгурском, Оханском и Соликамском – проживало незначительное число чувашей, 51 человек. Они были

расселены дисперсно в уездах губернии. Эти данные показывают, что переселенческое движение чувашей второй половины XIX века почти не коснулось Пермской губернии. Более активные миграции чувашей в Прикамье приходится на начало XX века. В это время чувашаи осваивают земли в Сивинском имении Крестьянского поземельного банка Оханского уезда Пермской губернии, а также в Богородской волости Красноуфимского уезда Пермской губернии.

ЧУВАШИ В СИВИНСКОМ ИМЕНИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ПОЗЕМЕЛЬНОГО БАНКА. ОХАНСКИЙ УЕЗД ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Формирование нескольких чувашских посёлков и хуторов в Пермском Прикамье в начале XX века связано с деятельностью Крестьянского поземельного банка. Пермским отделением этого банка в 1898 году «от Конкурсного Управления по делам умершего несостоятельного должника гвардии ротмистра Никиты Никитича Всеволожского» было приобретено большое имение в северо-западной части Оханского уезда Пермской губернии²².

Сивинское имение Крестьянского поземельного банка состояло из Бубинской, Екатерининской, Сивинской и Сатинской дач, а в административном отношении находилось в трёх волостях Оханского уезда: Бубинской, Екатерининской и Сивинской. Несмотря на то, что в имении уже проживало русское старожильческое население, численность которого составляла в трёх волостях 11 518 человек, оставался значительный фонд неосвоенных земель²³.

Для ликвидации имения и распродажи свободных земельных угодий в 1899 году было предпринято межевание Сивинского имения на крупные земельные участки, которое было закончено к 1901 году²⁴. С 1900 года земли в Сивинском имении стали приобретать переселенцы из разных губерний России, в том числе и из поволжских. В освоении Сивинской дачи принимали участие, кроме чувашей, также русские, белорусы, украинцы, коми-пермяки, латыши, поляки, представленные выходцами из более чем 25 губерний России, в том числе Виленской, Витебской, Волынской, Вятской, Гродненской, Каменец-Подольской, Казанской, Киевской, Ковенской, Лифляндской, Минской, Могилёвской, Новгородской, Орловской, Пермской, Полтавской, Псковской, Санкт-Петербургской, Тверской, Уфимской, Херсонской, Черниговской (ГАПК. Ф. 204. Оп. 1. Д. 70). Наибольшее число переселенцев в имение из других губерний дала Могилёвская губерния, на втором

месте по числу переселенцев следовала соседняя Вятская губерния, на третьем – Псковская. Лифляндская губерния стояла на четвёртом месте²⁵. Среди этнических групп чуваша составляли лишь незначительную часть переселенцев. Из поволжских губерний среди переселенцев отмечены только выходцы из Казанской губернии: в 1911 году из этой губернии в Сивинском имении отмечено 17 хозяйств переселенцев²⁶.

Переселенцы из Чебоксарского уезда, согласно документам, обосновались на участке № 215. Переселенческий посёлок, возникший на этом участке, известен также как Чебоксарское товарищество Ека-терининской волости Оханского уезда²⁷. В документах Крестьянского поземельного банка сохранились сведения о приобретении товариществом земельного участка. В 1909 году Чебоксарское товарищество приобретает участок № 215 в количестве 116,20 десятины за 19 рублей за десятину, общая стоимость которого составила 3157,8 рубля²⁸. Метрические книги и другие документы показывают, что переселенцы были выходцами из Чебоксарского уезда Казанской губернии Чебоксарской и Покровской волостей (Пётр Иванов, Василий Тимофеев, Дионисий Алексеев), среди них были также выходцы из деревень Вурман²⁹ и Большие Ильбеша³⁰.

Второй участок Сивинского имения, на котором обосновались чуваша, – № 180. На нём поселились выходцы из Янгильдинской волости Козмодемьянского уезда Казанской губернии (Роман Васильев, Марина Николаева, Михаил Капустин)³¹. Исторические предания, записанные в Сивинском районе, также свидетельствуют о переселении чувашей. Жители деревни Ядринцы, расположенной на участке № 180, до сих пор помнят второе её название – Чуваши. Согласно преданиям, в деревне обосновались белорусы и чуваша. При этом чуваша считаются первыми поселенцами в деревне.

Крестьянский поземельный банк, заинтересованный в ликвидации имения, предлагал переселенцам льготные условия для приобретения земли: «При прибытии в имение переселенцам отводятся участки, в течение 1–1,5 годами пользуются участками бесплатно для того, чтобы была возможность обустроиться и обзавестись необходимым инвентарём. В последующие три года, когда идёт раскорчёвка и расчистка леса для обращения подлесной земли в пашню и луга, за аренду с них также фактически не берётся, а взамен этого причитающаяся аренда начисляется на участок в размере платежей по будущей ссуде, с прибавлением земельных повинностей, и впоследствии присоединяется к первоначальной оценке участка. По истечении 4,5–5 лет, когда пере-

селенцы успели обустроиться, завели домашний скот, раскорчевали и распахали часть заторгованной земли, и когда выясняется, что новосёлы уже привыкли к условиям местной земледельческой жизни, они становятся фактически арендаторами земли до назначения испрашиваемой ссуды... Наряду с предоставлением переселенцам льготных условий пользования землёй до назначения ссуды банк практиковал выдачу им различного рода пособий и проводил вообще расходы, имеющие своей целью улучшение переселенческого быта... На домообзаведение выдаётся на семью до 50 руб. с обязательством возвратить их через 5 лет, на расчистки и выкорчёвывания выдаётся почти такая же сумма, и при наличии такого же обстоятельства, причём переселенец, получивший деньги на расчистку первой десятины и не выполнивший эту работу, теряет право на получение для этой цели дальнейших пособий»³². При покупке земли банк требовал внесения 10 % от продажной цены участка, полугодовой платёж по ссуде и оплату товарного леса на участке. Остальная сумма может быть выдана под залог земли ссудой банка согласно его уставу³³. Крестьянский поземельный банк также предлагал рассрочку платежа на значительный срок, максимально до 55,5 года³⁴. В зависимости от срока предоставления ссуды ежегодные платежи составляли с выплатой от 89 руб. 25 коп. со ста рублей в год при 13 годах ссуды и 4 руб. 50 коп. при рассрочке на 55,5 года³⁵. Именно по такой схеме чаще всего и приобретали участки чувашские переселенцы.

Итоги освоения Сивинского имения Крестьянского поземельного банка и наличие чувашского населения в нём можно проследить по материалам переписи населения 1926 года и составленного на её основе Списка населённых пунктов Уральской области. В 1926 году согласно Спискам населённых пунктов в Сивинском районе Пермского округа Уральской области находилось 12 чувашских хуторских поселений, в двух хуторах чуваша проживали с другими народами, на участке № 216 – с русскими, на хуторе Владимира Лепина – с латышами. Общая численность чувашей в этих хуторах составила 68 человек. Большая часть хуторов отмечена на тех же земельных участках, что были основаны и ранее – участке № 215 и Ядринском З. О. (ранее – участок № 180)³⁶. Часть хуторов – вновь возникшие в период с 1917 по 1925 год: хутор Иванова – 1917 год, хутор Алексеева – 1920 год, хутор Бориса Петрова – 1921 год, хутор Ивана Петрова и Германа Петрова – 1925 год³⁷. Возможно, в этот период вновь имел место незначительный миграционный приток, либо данные хутора были основаны выходцами из старых чувашских поселений этого района.

Таблица 2

**Расселение чувашей в Сивинском районе Пермского округа
Уральской области в 1928 году**

Район, населённый пункт	Число хозяйств (ед.)	Численность населения (чел.)	Среди них чувашей (чел.)	Другое население
<i>Пермский округ, Сивинский район</i>				
<i>Екатерининский с/с</i>				
<i>Участок № 21</i>				
Хут. Фёдорова	1	6	6	
<i>Участок № 180</i>				
Хут. Владимира Лепина	2	5	1	Латыши, 4
<i>Участок № 215</i>				
Хут. Алексеева	1	5	5	–
Хут. Иванова	1	8	8	–
Хут. Иванова, хут. Ивана Петрова, хут. Германа Петрова, хут. Бориса Петрова	4	16	16	–
Хут. Капустина	1	5	5	–
Хут. Тимофеева	1	5	5	–
<i>Ядринское З. О.</i>				
Хут. Константина Демидова	1	6	6	
Хут. Марины Николаевой	1	4	4	
Хут. Леонтия Уланова	1	4	4	
<i>Черноусовский с/с</i>				
<i>Участок № 216</i>				
Хут. Участок № 216	12	69	8	Русские, 61
Итого	26	133	68	65

**ЧУВАШИ В БОГОРОДСКОЙ ВОЛОСТИ
КРАСНОУФИМСКОГО УЕЗДА**

Второй район Пермского Прикамья, который активно осваивается чувашами в этот период – Богородская волость Красноуфимского уезда (территория современного Октябрьского района Пермского края). Значительные земельные участки в восточной части Богородской волости на водоразделе начинают заселяться с начала XX века³⁸. Метрические книги церквей села Мосино и посёлка Тюш Богородской волости показывают, что появление первых переселенцев на этой территории приходится на 1910 год, именно этим годом датируются первые записи

о церковных требах выходцев из разных губерний России³⁹. Осваиваются эти территории выходцами из Вятской, Казанской, Могилёвской губерний, соседних уездов и волостей Осинского, Кунгурского и Красноуфимского уездов Пермской губернии. Кроме чувашей среди переселенцев отмечены русские и белорусы.

Чувашское население Богородской волости, зафиксированное метрическими книгами с 1910 года, прибыло из разных уездов Казанской губернии: Чебоксарской волости Чебоксарского уезда, в том числе из деревни Соляной (Михаил Максимов)⁴⁰, Чурачинской (Чуратчинской) волости Цивильского уезда (Дионисий Стефанов, Дмитрий Сорокин)⁴¹, Цивильской волости Цивильского уезда (Василий Гаврилов, Иван Петров, Онисифор Маркелов)⁴².

В начале 1917 года все переселенческие посёлки, в том числе и чувашские, были выделены из Богородской волости и объединены в отдельную Покровскую волость⁴³. К 1928 году в этом районе Прикамья отмечено несколько посёлков и хуторов, в которых проживали чуваше. В посёлке № 74 отмечены только чуваше, в других они проживали совместно с русскими и белорусами. Общая численность чувашского населения в этих посёлках составила 140 человек⁴⁴.

Таблица 3

**Расселение чувашей в Богородском районе
Кунгурского округа Уральской области в 1920-е годы**

Район, населённый пункт	Число хозяйств (ед.)	Численность населения (чел.)	Среди них чувашей (чел.)	Другое население
<i>Верхшуртанский с/с</i>				
Пос. Нижний Чёрный ключ	16	75	11	Русские, 64
Пос. Петровский (Курбатовский)	12	58	2	Русские, 55
Пос. № 72	13	57	23	Белорусы, 24
Пос. № 73	14	59	55	Белорусы, 4
Пос. № 74	6	34	34	
Хут. № 58	5	19	15	Русские, 4
Итого:	66	302	140	

Таким образом, конец XIX – начало XX века – период второй миграционной волны чувашского населения в регион. Особенно активным миграционное движение было в начале XX века. В этот период формируются два ареала компактного сельского расселения чувашей в Оханском и Красноуфимском уездах. Однако и в это время численность чувашского населения в регионе не была значительной.

Чувашские хуторские поселения в данных районах просуществовали до периода коллективизации и были ликвидированы в 1939–1940 годах, а чувашаи переселены в более крупные сельские населённые пункты. Расселение в доминирующем иноэтничном окружении, незначительная численность, а позднее и дисперсный характер расселения способствовали ассимиляционным процессам. В 1959 году в Сивинском районе ещё проживало 37 чувашей, из них только 16 назвали родным чувашский язык⁴⁵. В дальнейшем к ассимиляционным факторам уменьшения чувашского населения в районе добавились миграции за пределы района, в том числе в города. Судьбу чувашей Богородской волости, включённой в состав Богородского, а позднее Щучьеозёрского и Октябрьского районов Пермской области⁴⁶, проследить достаточно сложно, так как на этот район уже в советский период приходится значительный миграционный приток чувашского населения. Скорее всего, в этом районе мы также наблюдаем ассимиляционные процессы и миграцию чувашей за его пределы.

ЧУВАШИ В ПЕРМСКОМ ПРИКАМЬЕ В 1920-е ГОДЫ

На волне активизации национального движения в стране и регионе, формирования новой национальной политики в 1920-е годы в это движение были вовлечены и пермские чувашаи. Источники свидетельствуют, что работа среди чувашского населения губернии велась ещё в начале 1920-х годов. В агитационно-пропагандистском отделе Пермского губкома работало несколько чувашей. С 1920 года инструктором чувсекции губкома РКП работал Алексей Васильевич Аясканин, чуваш по национальности, двадцати пяти лет. В его анкете было указано, что до приезда в Прикамье он был завчувсекции РКП Бугуруслановского уездкома (г. Оренбург), а с 1 октября 1920 года возглавил подотдел в Пермском губернском отделе по делам национальностей. Аясканин был членом партии, имел среднее образование и говорил по-чувашски. В Перми проживал по адресу: ул. Л. Толстого, 72–10⁴⁷. Секретарь подотдела Илья Филаретович Иванов, 26 лет, прибыл с Аясканиным тоже из Бугуруслановского уезда⁴⁸. В источниках сообщается, что подотделом выпускалась газета на чувашском языке «Чулташ», однако о её содержании и месте распространения в источниках информации нет.

О чувашах Пермского Прикамья в первые годы советской власти свидетельствуют материалы первых советских переписей населения региона. Перепись 1920 года отметила в четырёх округах Уральской

области 492 чуваша, что составляло 0,03 % от общей численности населения края. Из них в Кунгурском округе – 389 человек, Верхне-Камском – 29 человек, Пермском – 66 человек, Сарапульском – 8 человек⁴⁹. Как видим, численность чувашского населения региона в этот период была невелика, большая часть чувашей отмечена на тех территориях, которые чувашаи начали осваивать в начале XX века, и на которых ранее образовались чувашские поселения (Пермский и Кунгурский округа). Перепись не отметила в регионе значительных миграций чувашского населения, зафиксировав лишь тех чувашей, которые прибыли в Пермское Прикамье в начале XX века. Хотя в сравнении с переписью 1897 года численность чувашского населения за четверть века в регионе увеличилась в 10 раз.

Таблица 4

Численность чувашей в Прикамье в 1920 году*⁵⁰

Округ	Численность населения в округе	Численность чувашей	Доля в общей численности населения
<i>Верхне-Камский</i>	315 988	29	0,01
<i>Кунгурский</i>	462 834	389	0,2
<i>Пермский</i>	652 513	66	0,01
<i>Сарапульский</i>	530 885	8	0,001
Итого	1 962 220	492	0,03

* Составлено и подсчитано по: Национальный состав населения обоего пола по округам Уральской области (по данным переписи 1920 г.) // Уральский статистический ежегодник 1923–1924 гг. / Сер. 1. Т. 1. Свердловск, 1925. С. 33.

Более полные данные о чувашах Пермского Прикамья дают материалы Всесоюзной переписи населения 1926 года. За шесть лет их численность возросла на 47 % и составила 734 человека, что свидетельствует о процессах миграции чувашского населения в Прикамье в первой половине 1920-х годов. При этом количество чувашей в Верхне-Камском (включая Коми-Пермяцкий округ), Пермском и Сарапульском округах оставалось незначительным. Основной прирост, как и в 1920 году, зафиксирован в Кунгурском округе, где чувашское население составило 524 человека, или 71,4 % всех чувашей Прикамья. В 1926 году чувашаи ещё сохраняли родной язык. Так, 92,1 % чувашей указали, что считают родным язык своего народа, 7,5 % указали на русский в качестве родного. 44 % чувашей Прикамья владели письменным родным языком (из них женщины составляли 29,3 %), это довольно высокий показатель, учитывая, что уровень грамотности в целом по региону составлял 21,8 %. Следует отметить, что среди чувашей были и грамотные по-русски – 15,6 % от всего чувашского населения. Чувашаи были преимущественно

сельским населением – 85,4 % проживали в сельской местности. Наибольшая доля городского чувашского населения зафиксирована в Пермском округе – 19,3 %, наиболее значительная доля сельского населения – в Кунгурском округе, где она составила 99 %.

Таблица 5

Чуваши в Прикамье в 1926 году*

Округ	Всего населения			Родной язык			Грамотность	
	Муж.	Жен.	Общ.	Своего народа (жен.)	Русский (жен.)	Проч. (жен.)	Всего (жен.)	В том числе на языке своего народа (жен.)
Верхне-Камский	20	6	26	25(5)	1(1)	–	19(2)	9(1)
<i>Сельское население</i>	10	3	13	13(3)	–	–	8(0)	7(0)
<i>Городское население</i>	10	3	13	12(2)	1(1)	–	11(2)	2(1)
Кунгурский	264	260	524	507(257)	17(3)	–	213(66)	170(56)
<i>Сельское население</i>	260	259	519	502(256)	–	–	209(65)	170(56)
<i>Городское население</i>	4	1	5	5(1)	–	–	4(1)	–
Пермский	86	63	149	119(47)	29(16)	1(0)	71(14)	17(3)
<i>Сельское население</i>	55	56	111	90(42)	23(14)	–	40(9)	9(1)
<i>Городское население (без Перми)</i>	20	4	24	23(4)	1(0)	–	18(2)	4(2)
Город Пермь	11	3	14	8(1)	5(2)	1(0)	13(3)	4(0)
Сарапульский	17	9	26	20(6)	6(3)	–	19(5)	11(1)
<i>Сельское население</i>	14	9	23	17(6)	6(3)	–	16(5)	8(1)
<i>Городское население</i>	3	0	3	3(0)	–	–	3(0)	3(0)
Коми-Пермяцкий	4	5	9	5(2)	2(1)	–	1(0)	1(0)
<i>Сельское население</i>	4	5	9	5(2)	2(1)	–	1(0)	1(0)
Всего	391	343	734	676(317)	55(24)	1(0)	323(89)	208(61)

* Составлено и подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IV. Вот. р-н, Ур. обл., Башк. АССР. Отдел I. М., 1928. С. 106–147.

Таким образом, к середине 1920-х годов в Пермском Прикамье уже сформировалась этнодисперсная группа чувашей, сосредоточенная преимущественно в южных районах. В этот период чувашаи сохраняли родной язык, процент грамотных на родном языке также был довольно высоким. Компактные группы чувашей в этот период отмечены в Сивинском районе (ранее – территория Сивинского имения Крестьянского поземельного банка) Пермского округа и Богородском районе Кунгурского округа (ранее – Богородская волость Красноуфимского уезда). Однако уже в последующие годы, после проведения переписи 1926 года, в южные районы Пермского Прикамья начался массовый приток сельского чувашского населения, который зафиксирует уже перепись 1939 года.

МИГРАЦИИ ЧУВАШЕЙ В ЮЖНЫЕ РАЙОНЫ ПЕРМСКОГО ПРИКАМЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920 – НАЧАЛЕ 1930-х ГОДОВ

Вторая половина 1920-х годов – это время активного переселения чувашей в южные районы Пермского Прикамья. Миграции этого периода были направлены и в другие территории Урала и Сибири. Сибирские историки считают миграционную волну 1921–1929 годов периодом значительного переселения чувашей в районы Сибири⁵¹. Причин миграционного движения было несколько. По данным чувашских историков, до 80 % населения Чувашии к концу Гражданской войны осталось без средств к существованию, а более половины дворов – без лошадей и коров, был уничтожен почти весь мелкий скот. К февралю 1922 года число голодающих составило около 595 тыс. человек из 850 тыс. населения автономии, а умерших от голода – более 12 тыс. человек⁵². Голод и перенаселенность аграрных территорий подтолкнули власть автономии на такой шаг, как плановое переселение части крестьян за её пределы.

По плану Наркомата земледелия Чувашской АССР 1926 года около 350 тыс. человек должны были быть переселены за территорию Чувашии. Свою роль сыграла сильная засуха, обрушившаяся на республику в 1927 году⁵³. Таким образом, была запущена новая волна массовой миграции чувашей за пределы мест традиционного проживания. Большая часть мигрантов этого периода переселялась в районы Сибири и Зауралья, однако часть обосновалась в Пермском Прикамье. Миграции были направлены в основном в сельскохозяйственные районы⁵⁴, где чувашаи-переселенцы воспроизводили традиционный для них уклад сельской жизни и крестьянское хозяйство.

Миграции 1920-х годов из районов традиционного расселения чувашей, как было уже сказано, затронули и районы Пермского Прикамья. Массовое переселение чувашей в южные районы Сарапульского округа Уральской области приходится на 1927–1929 годы. К сожалению, существенной документальной базы в архивных собраниях об этом периоде переселения не выявлено⁵⁵. В то же время источники личного происхождения и полевые материалы позволяют определить направления миграции, её причины и особенности переселения.

Первые чувашские переселенцы отмечены в южных районах Пермского Прикамья в 1927 году, наиболее массовое переселение приходится на 1928 и 1929 годы, незначительные миграции продолжались и в 1930-х годах⁵⁶. Чувашей-переселенцев приняли несколько районов Сарапульского округа Уральской области (современные южные районы Пермского края) – Большеусинский (Усинский) район, в котором переселенцы отмечены в деревнях и сёлах Батманы, Большая Уса, Большие Кусты, Бормист, Верх-Дойная, Верхняя Барда, Верхний Тымбай, Дойная, Киловка, Китрюм, Коровино, Пантелеевка, Семёновка, Чиганда (большая часть населённых пунктов ныне входит в состав Куединского района, часть – Чайковского и Еловского районов)⁵⁷; Еловский район – в деревнях и сёлах Тойкино, Барановка, Плишкари, Мельничная, Большая Талица, Большие Коптелы⁵⁸; Чернушинский район. Особенность переселенческого движения этого периода – вселение чувашей в уже существующие русские населённые пункты региона, а не основание новых поселений.

К сожалению, по выявленным источникам неизвестно, носило переселение в эти годы организованный или стихийный характер. В источниках о деятельности исполнительной власти Еловского и Усинского районов Сарапульского округа Уральской области в 1927–1929 годах проведение организационных мероприятий, связанных с переселением чувашей, не отмечено⁵⁹. Судя по всему, чуваша самостоятельно приобретали крестьянские хозяйства в русских деревнях.

Переселение именно в южные районы Пермского края в этот период было облегчено наличием транспортной магистрали – Казанбургской железнодорожной линии, проходящей близ этих районов и соединяющей их с районами Поволжья. Другой способ переезда на Урал – пароходное сообщение по Каме и Волге. Стратегия переселения была традиционной для крестьянских миграционных движений – сначала приезжала небольшая группа «ходовков», которые выбирали место для вселения, решали организационные вопросы, а уже затем ехала основная масса переселенцев с семьями. Именно о такой стратегии

переселения идёт речь в воспоминаниях первого поколения переселенцев: *«Ехали на поезде до Янаула [железнодорожная станция]. А папа ещё раньше приезжал, сначала смотреть приезжал, потом с деньгами платить приезжал. И там он с татарами договорился, в какой день мы приедем, тогда встречайте. Нас сразу на вокзале встретили на двух лошадях. Домой сразу. У нас здесь дом купленный был в Пантелеевке, сразу в свой дом заехали. Багаж-то было отправлено, вот кадки и бочки маленько отправили, бочки дубовые были, ухват. У нас скотину там всю продали, а здесь уже купили, и лошадь тут купили, и корову тут купили. А сюда приехали, в Пантелеевку, здесь у нас дом был большой пятистенный, под железной крышей, хороший...»* (д. Дойная Куединского района).

Многочисленные документы свидетельствуют о том, что чувашаи приобретали крестьянские хозяйства в русских деревнях в этот период за наличные средства:

«Несколько граждан д. Чиганды продали чувашам строения и приняли членами в своё земельное общество»⁶⁰.

Н. Ф. Шоркин в д. Батманы Усинского района «прибыл из ЧАССР в 1928 г. Хозяйство купил в 1928 г. за 2000 рублей...»⁶¹.

П. Я. Яковлев в деревню Коровино Усинского района «приехал в 1928 г., купил хозяйство середняцкое»⁶².

В деревню Дойная Усинского района Н. К. Частокотов «прибыл... в 1929 г., где купил хозяйство середняцкое»⁶³; Г. Д. Данилов «прибыл в 1930 г. ... купил середняцкое хозяйство»⁶⁴; Ф. И. Ионов «прибыл в д. Дойная в 1929 г., где купил середняцкое хозяйство»⁶⁵; Г. И. Ильин «прибыл в 1930 г. ... купил середняцкое хозяйство»⁶⁶; И. Е. Кошкин «прибыл в 1933 г., купил хозяйство середняцкое»⁶⁷; Т. Е. Ефимов «прибыл в 1929 г., купил середняцкое хозяйство»⁶⁸.

Согласно документам хутор Окулов, выделенный из деревни Кусты в 1928 году, был запродаан пяти гражданам Чувашской АССР с уплатой последними за постройки и инвентарь 3500 рублей⁶⁹.

Нередко усадьбы приобретались вскладчину двумя или несколькими семьями, и лишь затем сообща возводились новые дома и хозяйственные службы, и хозяйства делились.

Приобретение крестьянских усадеб и хозяйств в русских поселениях Усинского района было обусловлено миграцией русского старообрядческого населения в этот период в Сибирь, вызванной началом коллективизации.

Доподлинно неизвестно, как принималось решение о возможности принятия чувашского населения и разрешении продажи ему хозяйств

в том или ином населённом пункте, наделении землёй. Отчасти ответ на этот вопрос дают воспоминания старожилов, которые отмечают, что далеко не все русские деревни приняли чувашей-переселенцев. Так, деревни Большие Кусты и Малые Кусты приняли переселенцев, а соседняя деревня Кашка – нет, не приняли чувашей и в селе Ошья, хотя в деревне Верхняя Ошья чувашаи обосновались. Скорее всего, в этом случае решение принималось на сельском сходе, возможно, не без вмешательства органов исполнительной власти, что частично зависело от обеспеченности земельными наделами в том или ином населённом пункте. Так, в деревне Чиганда чувашам было продано несколько усадеб, и они были включены в земельное общество. Однако органы исполнительной власти Усинского райисполкома указывали на недопустимость доприселения в Чигандинское земельное общество по причине слабой обеспеченности крестьян деревни земельными наделами, отмечая, что большая их часть имеет незначительные земельные угодья и занимается кустарными промыслами⁷⁰.

Старожилы до сих пор главную причину переселения своих предков связывают с тем, что в Чувашии не хватало леса. Хотя эта причина и озвучивается, и считается ведущей и наиболее значимой, переселение чувашей из районов традиционного проживания вызвал целый комплекс причин, заставив искать и обретать новые земли для поселения. Среди этих причин можно отметить перенаселённость в районах Среднего Поволжья, неурожаи в поволжском регионе в 1920-е годы, в том числе и вызвавшие голод в этих районах, отсутствие необходимых ресурсов для развития крестьянского хозяйства (пахотных земель, покосов и выпасов, лесных массивов), а также поощрение со стороны органов власти переселения на новые земли. Некоторые причины, заставившие покинуть поволжскую родину и переселиться на Урал, раскрывают и семейные предания пермских чувашей: *«Там земли мало, народу, население густое, полтора километра – деревня, ещё два – ещё деревня»* (д. Большие Кусты Куединского района); *«Мой отец приехал... приехал в Коровино на жительство в 1928 г. ... в связи с малоземельем на родине...»*⁷¹; *«Искали лучшую жизнь на счёт дров, скота, здесь лес был, а там нисколько леса не было»* (д. Коровино Куединского района); *«Приехали, здесь лучше, чем в Чувашии, дров больше»* (д. Пантелеевка Куединского района); *«Здесь было очень хорошо, из-за лесу, он был не дорогой»* (д. Дубленёвка Куединского района).

Ещё одной, обычно не называемой причиной переселения отдельных семей была начавшаяся коллективизация сельского хозяйства

и раскулачивание в районах Чувашии, которые также заставили покинуть традиционные места проживания в поисках лучшей доли, начиная с конца 1920 – начала 1930-х годов. Материалы архивно-следственных дел 1930-х годов по чувашам Пермского Прикамья показывают, что среди переселенцев было определённое число тех, кто имел на старой родине зажиточное хозяйство, и переселение на новые места – это возможность уйти от раскулачивания и коллективизации. Среди материалов архивных дел и справки – ответы на запросы о бывшем хозяйстве переселенцев в Чувашии, выданные органами исполнительной власти республики, характеристики, данные односельчанами. Приведём лишь некоторые, позволяющие считать раскулачивание и коллективизацию не менее важными среди других причин переселения.

«На родине в ЧАССР раскулачивали, в 1930 г. приехал в д. Батманы и скрыл своё социальное происхождение, вступил в колхоз...» (д. Батманы Усинского района)⁷².

«На родине хозяйство имел кулацкое, занимался торговлей скотом, уехал, боясь раскулачивания и выселения... Жил он очень богато. Хозяйство имел кулацкое крупное, земли 70 десятин, лошадей до 15 голов, коров до 15 голов, мелкого скота до 50 голов...» (д. Тойкино Еловского района)⁷³.

«В 1930 г. раскулачен, всё имущество изъято, после раскулачивания со всей семьёй сбежал в Уральскую область...» (д. Тойкино Еловского района)⁷⁴.

«Торговал до революции хлебом, арендовал землю у бедняков... В 1929 г. хозяйство было признано зажиточным, боясь этого, ликвидировав своё имущество, переселился на жительство в Сибирский край...» (д. Киловка Усинского района)⁷⁵.

«Выслан в 1930 г., раскулачен и выслан из Цивильского района, в 1932 г. вернулся из ссылки и устроился на работу в Чернушинском районе» (пос. Азино Чернушинского района)⁷⁶.

«Приехал в Усинский район с целью скрыть своё социальное положение, до 1927 г. имел торговую лавку, был церковным старостой, снимал крупные подряды на постройку мостов...» (д. Батманы Усинского района)⁷⁷.

Переселение в Пермский край происходило из разных районов Чувашии, из разных сёл и деревень. Среди переселенцев были выходцы из современных Цивильского, Канашского, Вурнарского, Урмарского, Мариинско-Посадского, Красноармейского районов, большей частью с территории северо-восточных и центральных районов Чувашской Республики. Переселенцы, селившиеся в одном населённом пункте, часто были выходцами с разных территорий. Сведения о местах

выхода жителей некоторых деревень Куединского и Еловского районов приведены в таблицах.

Многочисленные семейные предания раскрывают особенности переселения и личные стратегии в выборе места для нового поселения:

«Я в Чувашии родилась в 1923 году, в 1928 году сюда на Урал уехали. Отец сначала приехал, посмотрел земли здесь. Приезжали сначала узнавать, куда ехать можно. Потом приехали в Верх-Ошью. Наша родина – деревня Кудеснеры Урмарского района, из нашей деревни пять семей приехали, ехали на поезде, потом лошадь нанимали у татар и сюда ехали. Дом здесь у русских купили, староверы здесь жили, они уехали в тайгу, в Сибирь, дома были, дом мы купили» (д. Большие Кусты Куединского района).

«Отец наш привёз сюда. Он знал эти места. Он тут воевал во время гражданской войны в бригаде Азина – в Чернушке, Куеде, Осе. Поглядел: здесь земли много, лесу много, воды много. Сначала в Большие Кусты приехал. А до этого здесь не было чувашей. Он был родом из Урмарского района деревня Камаш. Я один раз в жизни был на его родине, а сам уже здесь родился» (д. Кашка Куединского района).

Из воспоминаний Анны Назаровны и Григория Яковлевича Назаровых (д. Дойная): *«В 1927 году в Чувашии начались засуха и голод. Нам пришлось уехать. В поисках лучшей жизни с 5 детьми пытались прижиться в разных местах. Многие пришлось пережить – терпели унижения, оскорбления, утраты (похоронили двух детей и мать-старушку). В том, что прижились в Дойной, немалую роль сыграл случай. В Большой Усе староста нас не принял, направив дальше, но при этом дал подвыпившего извозчика. Шёл холодный, осенний дождь. Прижавшись друг к другу, задремали. Очнувшись в какой-то деревне, извозчик уехал. Попросились в первый дом, где жил Фрол Гусев. Хозяин, не оборонив ни слова, пустил в сени. Утром, узнав о том, что мы – чуваше, хотел выгнать, но то ли жалость, то ли интерес заставили его оставить нас у себя... Жители долго нас чурались, с опаской и недоверием смотрели вслед. Мы с большим трудом привыкли к староверским обычаям: отдыхать во время перерыва на обед приходилось вдали от других – близко не подпускали, разговор с другими заводить не подлежало. А самое обидное было то, что не разрешали брать воду из родника, объясняя тем, что "грязные"»⁷⁸.*

«В 1928 г. наши приехали из Чувашии в д. Маремья, теперь её уже нет, в Бардымском районе. Родилась я уже здесь, родители у меня из Козловки, где Чебоксары. Земли там мало, а народу много. Леса не было у нас. За дровами за 50 километров ездили. Землю раньше давали паями. А девушкам вообще не давали. Наши сюда на пароходе приехали. А здесь

уже дом купили, скотину. Сначала в Бардабашке жили ещё 6 месяцев, потом в Маремье» (д. Колегово Куединского района).

«Родилась в Чувашии, в Октябрьском районе, меня сюда ребёнком привезли в 1927 году. Тогда чё-то неладно было, кто-то в Сибирь ехал, вот сюда тоже и поехали...» (с. Пантелеевка Куединского района).

«У нас двадцать шестого года приехали. Мы ведь очень давно приехали. Из Чебоксар, Козловский район, село Козлово. Они на пароходе ехали. На пароходе, ага. Всю дорогу, говорит, дедушка с каким-то татаринном в карты, говорит, играл. Абсолютно, говорит, ничего не привезли. Сколь вот немножко шмотки привезли, своё одежду, и всё. Тут построились. Сначала времянку, как землянку. В землянке жили. Выкопали, ну, там. Приехали в двадцать шестом году наши. Мой брат с двадцать седьмого году, он тут родился. Приехали в Верх-Дойную» (д. Дойная Куединского района).

«Я уже тут родилась, а родители приехали... У папы Янтиковский район был, а у мамы Урмарский. Папу раскулачили, бабушку, в Чувашии, раскулачили, и они сюда приехали. Они приехали где-то в сорок втором году, что ли. Их раскулачили, папу, вот они приехали сюда. А здесь родственники были» (д. Дойная Куединского района).

Первым чувашским семьям, добравшимся до Пермского Прикамья, было тяжело освоиться на новом месте. В осваиваемых ими территориях, во многих деревнях основу составляло старообрядческое население. Его отношение к вновь прибывшим изначально было негативным. Среди материалов ООНКЦЧПК сохранились воспоминания семьи Яковлевых о первых днях жизни на новом месте: «Воду пили из отдельных кружек, на сенокосе во время перерывов отдыхали в стороне, близко не подпускали. Разговор с другими заводить не надлежало», – говорится в источнике⁷⁹. Чувашиам не разрешалось брать воду из родника, им не продавали скотину, детям не разрешали играть вместе с местными русскими. Тем не менее, к концу 1920-х годов чувашаи прочно обосновались в деревнях и стали принимать активное участие в их развитии.

Уже на новой родине в конце 1920-х – начале 1930-х годов чувашами было основано несколько выселков в Усинском районе, где они составляли основное население – выселок Салам, основанный выходцами из деревни Верх-Дойная, выселок Вурмеры, выселок Чёрный ключ. В некоторых деревнях Усинского района были созданы колхозы – «Канаш», промколхоз «Чуваш», занимавшийся изготовлением мочала и ткачеством кулей. Для чувашских переселенцев актуальными были становление и развитие школьного образования. В селе Пантелеевка

Усинского района в 1930 году была построена новая школа колхозной молодёжи (ШКМ) для чувашских детей. Начальные чувашские школы были открыты в деревнях Коровино, Чиганда, селе Дубленёвка Усинского района⁸⁰. В некоторых деревнях параллельно функционировали две школы – русская и чувашская. Остро ощущалась проблема педагогов для чувашских школ, в которых преподавание велось как на русском, так и на родном языке. С целью подготовки педагогов для чувашских школ в Пантелеевке были организованы специальные курсы. Однако в середине 1930-х годов программа развития национального образования для детей чувашей была свёрнута, после 1937 года преподавание чувашского языка и преподавание на чувашском языке не велось⁸¹.

К началу 1930-х годов в ЧАССР программа переселения была свёрнута. По мнению чувашских историков, основной причиной стало нежелание чувашских крестьян покидать родные места⁸². Однако и в дальнейшем, в середине 1930-х – 1940-х годах, после завершения массового переселения, отдельные семьи чувашей переезжали в Пермское Прикамье, как правило, используя родственные связи и подсяляясь в те деревни, где уже обосновались родные, знакомые, бывшие односельчане.

Таблица 6

**Список чувашских семей населённых пунктов
Усинского района с указанием мест рождения глав семей
(по сведениям середины 1930-х годов)⁸³**

Населённый пункт	Семья	Глава семьи	Место рождения главы семьи	Год переезда
1	2	3	4	5
д. Батманы	Шоркины	Николай Фёдорович Шоркин, 1873 г. р.	Чув. АССР, Канашский район, д. Тобурдан	1928
	Николаевы	Василий Николаевич Николаев, 1891 г. р.	Чув. АССР, Канашский район, д. Яманово	
	Васильевы	Максим Васильевич Васильев, 1890 г. р.	Чув. АССР, Урмарский район, д. Яманово	
	Ястребовы	Иван Захарович Ястребов, 1898 г. р.	Чув. АССР, Канашский район, д. Яманово	
	Алексеев	Алексей Алексеевич Алексеев, 1877 г. р.	Чув. АССР, Покровский район, д. Бичурино	
	Бариновы	Михаил Петрович Баринов	Чув. АССР, Урмарский район, с. Ковали	

1	2	3	4	5
д. Чиганда	Валентиновы	Михаил Валентинович Валентинов, 1895 г. р.	Чув. АССР, Урмарский район, д. Анаткасы	
с. Б. Уса	Петровы	Павел Петрович Петров, 1902 г. р.	Чув. АССР, Цивильский район, д. Нюрши	
	Григорьевы	Иван Николаевич Григорьев, 1911 г. р.	Чув. АССР, Траковский район, д. Тюръяри	
	Ефремовы	Терентий Ефремович Ефремов, 1890 г. р.	Чув. АССР, Ибресинский район, д. Климово	1929
	Павловы	Иван Павлович Павлов, 1914 г. р.	Чув. АССР, Чебоксар- ский район, д. Ишаня	
	Денисовы	Павел Михайлович Денисов, 1906 г. р.	Чув. АССР, Козловский район, д. Янтиково	
	Русаковы	Василий Николаевич Русаков, 1896 г. р.	Чув. АССР, Ибресинский район, д. Янгильзино	
	Шурбины	Борис Никифорович Шурбин, 1899 г. р.	Чув. АССР, Б.-Батыревский район, д. Ново-Челны-Судбеево	
д. Киловка	Петровы	Михаил Николаевич Петров, 1911 г. р.	Чув. АССР, Цивильский район, д. Малые Тиуши	1930
	Майоровы	Константин Степанович Майоров	Чув. АССР, Цивильский район, д. Малые Тиуши	1930
	Петровы	Роман Петрович Петров, 1889 г. р.	Чув. АССР, Урмарский район, д. Вурманкасы	
	Артемьевы	Филипп Ксенофонтович Артемьев, 1918 г. р.	Чув. АССР, Урмарский район, д. Ойкасы	1928
	Хлебниковы	Афанасий Романович Хлебников, 1894 г. р.	Чув. АССР, Урмарский район, д. Вурманкасы	1929
	Законовы	Илья Кузьмич Законов	Чув. АССР, Урмарский район, д. Бишево	1928
д. Китрюм	Павловы	Степан Павлович Павлов, 1909 г. р.	Чув. АССР, Цивильский район, д. Н. Кибекшей	
д. В. Барда	Ивановы	Пётр Иванович Иванов, 1909 г. р.	Чув. АССР, Канашский район, д. Атнашево	
д. Коровино	Яковлевы	Пётр Яковлевич Яковлев, 1875 г. р.	Чув. АССР, Цивильский район, д. Хыркасы	1928
	Абрамовы	Пётр Петрович Абрамов, 1893 г. р.	Чув. АССР, Канашский район, д. Нижнее Девлизерово	1931
	Чайковы	Пётр Герасимович Чайков, 1889 г. р.	Чув. АССР, Мар.-Посадский район, д. Вурман-кожен	
	Филипповы	Иван Филиппович Филиппов, 1879 г. р.	Чув. АССР, Хажанский район, д. Однашево	

1	2	3	4	5
	Харитоновы	Матвей Харитонович Харитонов	Чув. АССР, Цивильский район, д. Синья	
	Ивановы	Алексей Иванович Иванов, 1904 г. р.	Чув. АССР, Канашский район, д. Атнашево	1929
	Скворцовы	Тихон Филиппович Скворцов, 1893 г. р.	Чув. АССР, Канашский район, д. Асхва	1928
	Павловы	Александр Павлович Павлов, 1907 г. р.	Чув. АССР, Цивильский район, д. Нижние Кибечи	1933
	Михайловы	Алексей Михайлович Михайлов, 1877 г. р.	Чув. АССР, Чебоксарский район, д. Тимер-Сирма	1928
д. Семёновка	Давыдовы	Степан Семёнович Давыдов, 1918 г. р.	Чув. АССР, Ибресинский район, д. Н. Димитричевская	
д. Верхний Тымбай	Поспеловы	Николай Ананьевич Поспелов, 1900 г. р.	Чув. АССР, Шемуршинский район, с. Шемурша	1934
с. Большие Кусты	Якимовы	Яков Якимович Якимов, 1905 г. р.	Чув. АССР, Мар.-Посадский район, д. Хорньялы	
с. Пантелеевка	Васильевы	Михаил Васильевич Васильев, 1898 г.р.	Чув. АССР, Мар.-Посадский район, д. Стретенский	1929
	Степановы	Георгий Степанович Степанов, 1899 г. р.	Чув. АССР, Мар.-Посадский район, с. Первочурышево	
	Степановы	Семён Степанович Степанов, 1887 г. р.	Чув. АССР, Мар.-Посадский район, с. Первочурышево	
	Гурьевы	Иосиф Гурьевич Гурьев, 1887 г. р.	Чув. АССР, Цивильский район, д. Чириши	
	Михайловы	Павел Михайлович Михайлов, 1904 г. р.	Чув. АССР, Мар.-Посадский район, д. Арзаматово	
д. Верх-Дойная	Никитины	Илларион Никитич Никитин, 1893 г. р.	Чув. АССР, Траковский район, д. Кумагалы	
	Никитины	Александр Никитьевич Никитин, 1903 г. р.	Чув. АССР, Цивильский район, д. Унгасемы	
	Сазоновы	Семён Кириллович Сазонов, 1907 г. р.	Чув. АССР, Урмарский район, д. Шихабылово	

1	2	3	4	5
д. Дойная	Пушкины	Иван Егорович Пушкин, 1912 г. р.	Чув. АССР, Ибресинский район, д. Ново-Высли (Новые Высли)	
	Логиновы	Иван Лукич Логинов, 1895 г. р.	Чув. АССР, Ядринский район, д. Старый Шумат	
	Никитины	Ларион Никитич Никитин, 1834 г. р.	Чув. АССР, Цивильский район, д. Кумагалы	
	Частоколовы	Никифор Кириллович Частоколов, 1888 г. р.	Чув. АССР, Мар.-Посадский район, д. Бичурино	1929
	Даниловы	Гаврила Данилович Данилов, 1897 г. р.	Чув. АССР, Ибресинский район, д. Тойси-Паразуси	1930
	Ионовы	Филипп Ионович Ионов, 1896 г. р.	Чув. АССР, Янтиковский район, с. Янтиково	1929
	Шуркины	Степан Данилович Шуркин, 1904 г. р.	Чув. АССР, Ибресинский район, д. Тойси-Паразуси	1929
	Семёновы	Даниил Семёнович Семёнов, 1865 г. р.	Чув. АССР, Ибресинский район, д. Тойси-Паразуси	
	Кангины	Егор Фёдорович Кангин, 1909 г. р.	Чув. АССР, Мар.-Посадский район, д. Большие Крышки	1929
	Ильины	Герман Ильич Ильин, 1902 г. р.	Чув. АССР, Мар.-Посадский район, д. Большие Крышки	1930
	Кошкины	Иван Егорович Кошкин, 1895 г. р.	Чув. АССР, Больше-Батыревский район, д. Старое Ахпердино	1933
	Ефимовы	Тимофей Ефимович Ефимов, 1886 г. р.	Чув. АССР, Ибресинский район, д. Новое Чурашово	1929
	Сапёровы	Емельян Тихонович Сапёров, 1892 г. р.	Чув. АССР, Мар.-Посадский район, д. Средние Бокаши	1927
	Сериковы	Порфирий Семёнович Сериков, 1902 г. р.	Чув. АССР, Траковский район, д. Унгасемы	
	Кочанов	Григорий Николаевич Кочанов, 1912 г. р.	Чув. АССР, Чебоксарский район, д. Хыркасы	
	Никифоровы	Савелий Иванович Никифоров, 1905 г. р.	Чув. АССР, Вурнарский район, д. Яниш	

1	2	3	4	5
	Лукины	Яков Лукич Лукин, 1867 г. р.	Чув. АССР, Цивильский район, д. Яманах	
	Яковлевы	Григорий Яковлевич Яковлев, 1882 г. р.	Чув. АССР, Мар.-Посадский район, д. Баташи	
	Толстовы	Илья Андреевич Толстов, 1922 г. р.	Чув. АССР, Мар.-Посадский район, д. Эльбарусово	
	Тимофеевы	Платон Тимофеевич Тимофеев, 1890 г. р.	Чув. АССР, Мар.-Посадский район, д. Ирх-Сирмы	
	Бахмутов	Иван Вакович Бахмутов, 1906 г. р.	Чув. АССР, Мар.-Посадский район, д. В. Карабаш	
	Морозовы	Ефим Анисимович Морозов, 1891 г. р.	Чув. АССР, Мар.-Посадский район, д. Мижули	1927
	Матвеевы	Сидор Матвеевич Матвеев, 1884 г. р.	Чув. АССР, Мар.-Посадский район, д. Антя-Крышки	
	Васильевы	Марфа Петровна Васильева	Чув. АССР, Канашский район, д. М. Дугай	
	Флегентовы	Алексей Флегентович Флегентов, 1879 г. р.	Чув. АССР, Траковский район, д. Унгасемы	
	Яковлевы	Гаврил Родионович Яковлев, 1912 г. р.	Чув. АССР, Мар.-Посадский район, д. Ирх-Сирмы Кошек	1936
	Земляновы	Пётр Алексеевич Землянов, 1912 г. р.	Чув. АССР, Мар.-Посадский район, д. Эльбарусово	
	Петровы	Павел Петрович Петров, 1901 г. р.	Чув. АССР, Траковский район, д. Ямалан	1929
	Бочкарёвы	Михаил Яковлевич Бочкарёв, 1898 г. р.	Чув. АССР, Чебоксарский район, д. Анаткас-Марги	
д. Бормист	Спиридонов	Егор Лаврентьевич Спиридонов, 1896 г. р.	Чув. АССР, Мар.-Посадский район, Бичуринский с/с	1928
	Архиповы	Илья Архипович Архипов, 1898 г. р.	Чув. АССР, Урмарский район, д. Килейкасы	
	Ефремовы	Афанасий Ефремович Ефремов, 1900 г. р.	Чув. АССР, Урмарский район, д. Килейкасы	

**Список чувашских семей населённых пунктов
Еловского района с указанием мест рождения глав семей
(по сведениям середины 1930-х годов)⁸⁴**

Населённый пункт	Семья	Глава семьи	Место рождения главы семьи	Год переезда
д. Тойкино	Поляковы	Ефим Кузьмич Поляков, 1867 г. р.	Чув. АССР, Урмарский район, с. Батеево	
	Константиновы	Климентий Константинович Константинов	Чув. АССР, Ядринский район, д. Шумшеваши	1929
	Константиновы	Андрей Константинович Константинов, 1894 г. р.	Чув. АССР, Ядринский район, с. Верхний Анак	
	Аввакумовы	Алексей Аввакумович Аввакумов, 1892 г. р.	Чув. АССР, Канашский район, д. Малая Андреевка	
	Антоновы	Егор Антонович Антонов, 1894 г. р.	Чув. АССР, Цивильский район, д. Поваркасы	
	Ершовы	Михаил Григорьевич Ершов, 1904 г. р.	Чув. АССР, Красночетайский район, с. Верхнее Аккозино	
	Удейкины	Иван Герасимович Удейкин, 1893 г. р.	Чув. АССР, Канашский район, д. Табурданы	1928
д. Барановка	Степановы	Игнатий Степанович Степанов, 1893 г. р.	Чув. АССР, Цивильский район, с. Елюккасы	
с. Плишкари	Тихоновы	Карп Тихонович Тихонов, 1893 г. р.	Чув. АССР, Красночетайский район, с. Николаевское	
д. Мельничная	Владимировы	Иван Владимирович Владимиров, 1876 г. р.	Чув. АССР, Канашский район, д. Шабалки	
	Соловьёвы	Константин Максимович Соловьёв, 1901 г. р.	Чув. АССР, Ядринский район, с. Яровойкасы	1928
д. Б. Талица	Кашкины	Яков Степанович Кашкин, 1901 г. р.	Чув. АССР, Ишлейский район, д. Шибачёво	
	Степановы	Пётр Степанович Степанов, 1901 г. р.	Чув. АССР, Чебоксарский район, д. Самуково	
	Васильевы	Дмитрий Васильевич Васильев, 1881 г. р.	Чув. АССР, Чебоксарский район, д. Паисар Сятра	
д. Б. Коптелы	Силовы	Герман Степанович Силон, 1898 г. р.	Чув. АССР, Чебоксарский район, д. Шоркино	1933

Таким образом, в 1920-е годы Пермское Прикамье приняло значительное число переселенцев-чувашей с территории Поволжья. Это была третья чувашская переселенческая волна в регион. Особенность

миграции этого периода – сельское расселение, поселение в русских сёлах и деревнях. В то же время расселение значительного числа чувашей на отдельной территории обусловило формирование относительно компактного ареала проживания чувашей в этом районе, сохраняющегося и в настоящее время.

ЧУВАШИ ПЕРМСКОГО ПРИКАМЬЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1939 ГОДА

Итоги освоения Пермского Прикамья чувашами в 1920–1930-е годы можно проследить по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 года. К этому периоду чувашаи стали восьмым по численности этносом региона, превысив такие традиционно проживающие в крае этнические общности, как марийцы, немцы, евреи и другие. Всего в Пермской области перепись 1939 года зафиксировала 8821 представителя этого народа, или 0,42 % всего населения области. Таким образом, за десять с небольшим лет, с предыдущей переписи 1926 года, численность чувашей в Пермском Прикамье возросла более чем в 10 раз. Чувашаи были преимущественно сельским населением (7698, или 87,3 % всех чувашей), количество мужчин (4644, или 52,6 %) и женщин (4177, или 47,4 %) было примерно равным. Даже эти косвенные данные свидетельствуют о наличии в Пермском Прикамье в конце 1920-х – начале 1930-х годов значительной сельской миграции чувашей, которые переезжали на новое место жительства семьями⁸⁵.

Для 7660 жителей области (0,37 %) родным языком был чувашский. Скорее всего, на нём разговаривало именно чувашское население. Таким образом, доля говорящих на чувашском языке в общем количестве чувашей составила 86,6 %. Следует добавить, что по распространённости чувашский язык был шестым в области, на нём разговаривало больше, чем на белорусском или башкирском языках⁸⁶. Достаточно высокий процент владения родным чувашским языком свидетельствует о его сохранении в этот период как одного из существенных компонентов культуры и идентичности.

ЧУВАШИ ПЕРМСКОЙ (МОЛОТОВСКОЙ) ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Послевоенный период, особенно 1950-е годы, стал временем нового миграционного притока чувашей с территории Поволжья в Пермское Прикамье. Переселение 1950-х годов можно считать четвёртой и послед-

ней миграционной волной чувашского населения в регион. Миграции этого периода были связаны с политикой привлечения трудовых ресурсов в Молотовскую область и проводимой переселенческой кампанией в регионах страны.

Молотовская область как территория со значительным числом промышленных предприятий была одним из регионов России, остро нуждающихся в трудовых ресурсах. В 1946 году, по подсчетам специалистов Госплана, в области не хватало 39 тысяч рабочих. Решение этой проблемы облисполком видел только в «...привлечении рабочей силы из других областей... намечаемых к использованию в строительстве и лесном хозяйстве»⁸⁷. В 1949 году специалисты Госплана также писали в докладной о балансе рабочей силы на этот год: «Общая дополнительная потребность в работниках государственных учреждений и предприятий... составляет 34,1 тысячи человек. Покрытие дополнительной рабочей силы намечается за счёт завоза из других областей для работы в лесной промышленности 12 тысяч человек, привлечение спецконтингента на лесозаготовки 3 тысячи и на строительство 5 тысяч»⁸⁸.

При составлении баланса рабочей силы на 1950 год Молотовский обком партии уже предлагал переселить в Молотовскую область 15 000 семей из центральных и южных районов СССР, распространив на них льготы, установленные для переселенцев в Карело-Финскую ССР. Заместителю председателя Совмина СССР М. Г. Первухину было направленно письмо: «Молотовская область располагает большими лесосырьевыми ресурсами, освоение которых, особенно в северной части области, до настоящего времени производится крайне медленно.

...В целях развития лесозаготовок Молотовский обком ВКП(б) просит вас разрешить следующие вопросы:

Ввиду острого недостатка рабочей силы в колхозах Молотовской области и невозможности пополнения постоянного кадра лесозаготовительных предприятий за счёт колхозников Молотовской области, необходимо:

1. Переселять в Молотовскую область в 1950 г. из центральных и южных районов СССР 15 тысяч семей сельского населения для работы на лесозаготовительных предприятиях комбината "Молотовлес", распространив на них льготы, установленные для переселенцев в Карело-Финскую ССР.

2. Обязать Министерство высшего образования и Министерство лесной и бумажной промышленности СССР направить в 1950 г. в предприятия комбината "Молотовлес" 150 инженеров и 300 техников

из оканчивающих высшие и средние учебные заведения. И из лесозаготовительных предприятий Украины, Белоруссии, центральных районов РСФСР направить в Молотовскую область часть инженерно-технических работников».

К письму был приложен проект постановления, в котором описываются экономические льготы, ждущие переселенцев:

«Проект Постановления "О мерах по развитию лесозаготовок в Молотовской области"

Переселить в Молотовскую область в 1950 г. из центральных и южных районов СССР 15 тысяч семей сельского населения для работы на лесозаготовительных предприятиях комбината "Молотовлес".

По прибытию на место переселения выдавать переселенцам:

А) единовременное пособие на устройство в размере 2 тысяч рублей и по 500 рублей на каждого члена семьи;

Б) ссуду на приобретение скота в размере 2500 рублей;

Г) предоставлять квартиру с приусадебным участком и сенокосными угодьями»⁸⁹.

Кроме лесной промышленности, куда и планировался основной поток переселенцев, в трудовых ресурсах нуждались сельское хозяйство и промышленность региона. Процессы урбанизации и индустриализации привели к оттоку сельского населения в города и нехватке в колхозах области сельского трудового населения. Дальнейшее развитие промышленности также требовало новых трудовых ресурсов, часть из которых планировалось привлечь из других регионов СССР. Таким образом, колхозы и леспромхозы области, а также промышленные предприятия приняли основной поток трудовых переселенцев в Молотовскую область в этот период.

Чувашская АССР, наряду с Калужской и Горьковской областями, Мордовской и Татарской АССР, Белорусской ССР, была одним из регионов, закреплённых за Молотовской областью для осуществления переселенческой политики. Активная переселенческая кампания началась в области в 1950 году. По сообщению облисполкома от 25.11.1950 г. №101/374, в ближайшее время в установленных правительством областей и республиках предполагалось проводить отбор переселенцев в сельское хозяйство Молотовской области. В 1951 году началась активная переселенческая кампания в Молотовскую область. Она длилась с 1950 по 1954 год, но наибольший приток населения пришёлся на 1951–1953 годы.

Согласно данным переселенческого отдела Молотовского облисполкома, который и занимался организацией переселения, только в 1951 году в область было переселено 210 семей из районов Чувашской АССР⁹⁰. Приток чувашей продолжался и в последующие годы. В справке о выполнении плана приёма переселенцев в лесную промышленность на 01.08.1952 года сообщается, что переселенцев из Чувашской АССР прибыло 287 человек из запланированных на год 500⁹¹. Всего, по данным переселенческого отдела облисполкома, в период с 1951 по 1955 год в Молотовскую область для работы приехало 7872 чуваша, из которых 6452 прибыли в 1952 году⁹².

Мигранты этого периода осели в развивающихся промышленных городах региона (Губаха, Березники, Пермь), леспромпхозах, значительная часть также поселилась в сельских районах современного Пермского края – Сивинском, Куединском, Еловском, Чайковском, Чернушинском, Частинском, колхозы которых нуждались в трудовых ресурсах и принимали переселенцев. План переселения по регионам ежегодно утверждался постановлением Совета Министров СССР. До Молотовской области переселенцы добирались железнодорожным и речным транспортом. Реализацией переселенческой кампании по стране руководили Управление рабочих кадров Минлесбумпрома и Главное переселенческое управление Министерства сельского хозяйства и заготовок СССР⁹³.

Специально для привлечения переселенцев была развёрнута агитационная кампания: выпущены специальный номер газеты «Звезда» – 3000 экз., листовка – 1000 экз., газета «За урожай» Фокинского района; в регионы выселения направлена информация об экономико-географических характеристиках районов вселения. Для организации работы в 1952 году в Чувашскую АССР было направлено девять инструкторов, в 1953 – четыре инструктора (больше, чем в другие регионы)⁹⁴. Также в конце 1952 года на Свердловской киностудии в агитационных целях снят киножурнал «На новых местах», который подготовили режиссёр А. И. Плотский и писатель Ю. Я. Хазанович (съёмки велись в сентябре 1952 года в Чёрмозском, Гайнском и Красновишерском районах)⁹⁵.

Особый интерес вызывает брошюра «Переселяйтесь к нам в Молотовскую область». В издании приведены данные о природе и хозяйственном укладе региона, описаны возможности для трудоустройства. Отдельный раздел брошюры рассказывал о семьях, уже переселившихся на Урал. Выбор респондентов показывает, на какие именно регионы

рассчитывали власти Молотовской области, начиная переселенческую кампанию. Помимо Белорусской ССР, Татарской АССР, Горьковской и Калужской областей в издании неоднократно упоминается Чувашская АССР. Автор буклета рассказывает историю рабочего Бизярского лес-промхоза Ивана Ивановича Пронина, который приехал в Молотовскую область в 1953 году. Учитывая, что одна из причин миграций чувашей на Урал была связана с отсутствием леса на исторической родине, автор делает особый акцент именно на лесных запасах Прикамья. «Подумайте, земляки, о переезде на постоянную работу в лесную промышленность Молотовской области, да и собирайтесь в наш край. Лесов у нас много, лес хороший, деловой, а вот рабочих рук не хватает. Приезжайте к нам на Урал» – такой фразой заканчивается повествование жизненной истории И. И. Пронина⁹⁶.

Для стимулирования переселения были предоставлены существенные льготы при обустройстве на новом месте. Все прибывающие получали жильё в местах вселения, а также ссуду на обустройство⁹⁷. Постановлением Совета Министров СССР от 25 декабря 1952 года № 5263 переселенцам и колхозам, принимающим их, а также переселяющимся колхозам предоставлялись следующие льготы и преимущества:

«1. С переселяющихся колхозов, а также с колхозов, из которых переселяются бригады, по числу переселившихся хозяйств, списываются все числящиеся за ними по месту выхода недоимки по обязательным поставкам государству сельскохозяйственных продуктов, подоходному налогу и страховым платежам.

С колхозов, переселяющихся в полном составе, списываются недоимки прошлых лет по натуроплате за работы МТС.

2. Перевозка имущества переселяющихся колхозов и бригад по железной дороге и водными путями производится за счёт государства.

3. Хозяйства колхозников-переселенцев и организуемые из них колхозы, а также колхозы, принявшие в свой состав переселенцев (по числу доприселённых семей), освобождаются в местах вселения от уплаты сельскохозяйственного налога, страховых платежей, денежного подоходного налога с колхозов и обязательных поставок государству зерновых культур, картофеля, подсолнуха, мяса, шерсти, кожевенного сырья, яиц и брынзы сроком на два года со времени переселения или организации колхоза.

4. Колхозникам-переселенцам предоставляется за счёт государства бесплатный проезд семьи, а также бесплатное медицинское обслуживание в пути.

5. Семьям переселенцев при выезде выдаётся безвозвратное денежное пособие в размере 600 рублей на главу семьи и 200 рублей на каждого члена семьи.

6. С колхозников и переселенцев слагаются в местах выхода все числящиеся за ними недоимки по обязательным поставкам государству сельскохозяйственных продуктов, налогам и страховым платежам.

7. Переселенцам разрешается сдавать в местах выхода заготовительным органам под обменные квитанции продукты сельского хозяйства (зерно, картофель), а также скот, запрещённый к вывозу по карантинным условиям, с правом получения в местах вселения того же количества продуктов и скота.

8. Нуждающимся колхозникам-переселенцам выдаётся кредит: а) на строительство жилых домов и надворных построек в размере до 7 тыс. рублей на хозяйство с погашением ссуды в течение 8 лет, начиная с 3 года после её получения; б) на ремонт домов до 3 тысяч рублей на хозяйство сроком на 5 лет; в) на приобретение скота бескоровным семьям переселенцев в сумме 1,5 тысячи рублей на семью сроком на 5 лет с погашением, начиная со второго года после получения ссуды.

9. Переселенцы и вновь организуемые из них колхозы освобождаются в течение двух лет от ... платы за древесину, заготавливаемую переселенцами и колхозами для нужд жилищно-хозяйственного и культурно-бытового строительства.

10. Колхозникам-переселенцам в зависимости от нуждаемости предоставляется продовольственная ссуда в размере до 3 центнеров хлеба на каждую семью с погашением её натурой в течение 2 лет со дня выдачи.

11. Каждой переселенческой семье выделяется приусадебный участок в соответствии с уставом сельскохозяйственной артели»⁹⁸.

Для переселяющихся в лесные посёлки для работы в леспромхозах также были установлены схожие льготы, однако в некоторой части они были существеннее тех, что предоставлялись переселенцам в колхозы области: «...Переселенцам, едущим на предприятия лесной промышленности Молотовской области, выдаётся единовременное денежное пособие: 1000 рублей на главу семьи и по 300 рублей на каждого члена семьи. Обеспечивается бесплатный проезд семьи переселенца от места выезда до места вселения, а также бесплатный провоз её имущества (до двух тонн) и скота. Переселенцам предоставляется право в местах выхода сдать, а в местах вселения получить в заготовительных организациях соответствующее количество скота, зерна и картофеля.

За рабочими и служащими, переселяющимися в леспромхозы, сохраняется непрерывный стаж, если перерыв в работе в связи с переселением не превышает одного месяца (не считая времени проезда к месту вселения).

По месту вселения переселенцы освобождаются: от уплаты сельскохозяйственного налога в сельской местности, от уплаты подоходного налога с дохода от сельского хозяйства в городских поселениях, от обязательных поставок государству продуктов сельского хозяйства с приусадебных участков и индивидуальных огородов и от поставок продуктов животноводства (кроме молока) сроком на два года.

Каждой переселяющейся семье леспромхозы предоставляют отдельный дом, квартиру или отдельную комнату или надворные постройки. Семья переселенца может получить через леспромхоз долгосрочный кредит на постройку индивидуального дома. Размер кредита – до 10 000 рублей. Кредит этот погашается в течение 10 лет, начиная с третьего года после передачи строения переселенцу. Семьи переселенцев, работающие в леспромхозах комбината "Комипермлес", погашают только 60 % ссуды, взятой на строительство индивидуального дома, а 40 % ссуды погашается за счёт государственного бюджета.

Всем новосёлам предоставляется возможность приобрести корову, завести огород. Семья переселенца может получить кредит на приобретение коровы. На эти цели выдаётся до 1500 рублей, а в леспромхозах комбината "Комипермлес" до 2000 рублей. Кредит на приобретение коровы погашается в течение трёх лет, начиная с третьего года после приобретения скота. Каждой семье отводится до 2 гектаров лесных покосов для обеспечения скота сеном и от 0,75 гектара земли под огород.

При перевыполнении норм выработки вся перевыполненная часть оплачивается по расценкам в полуторном размере. Заработная плата начисляется по результатам работы за две недели.

Для рабочих установлены следующие дневные ставки:

- для трактористов на подвозке леса – 39 рублей;
- для электропильщиков на валке леса, лебёдчиков на подвозке леса, шофёров на газогенераторных машинах – 35 рублей;
- для подвозчиков леса на лошадях, рабочих на обрубке, сборке и сжигании сучьев в лесу при механизированной валке леса – 28 рублей;
- для лесорубов, возчиков на тяжёлых лошадях, навалыщиков и свальщиков, сортировщиков и штабельщиков при работе на лесосеке и на верхнем складе – 26 рублей;
- для рабочих на скупивании древесины – 22 рубля;

– для рабочих по расчистке участков (лесосек) – 18 рублей и т. д.

Сверх оплаты по сдельным расценкам и прогрессивных доплат за перевыполнение норм квалифицированным рабочим, занятым на механизмах, выплачиваются премии за бесперебойную работу механизмов на лесозаготовках в размере 15–30 процентов месячного заработка...

Для рабочих лесной промышленности установлена повышенная пенсия по старости. Мужчинам, достигшим 55 лет, при стаже работы в лесной и бумажной промышленности 20 лет выплачивается пенсия в размере 50 % должностного оклада (тарифной ставки), получаемого ко времени установления пенсии»⁹⁹.

Переселенческая кампания 1950-х годов была организована, в области и в районах переселение было поручено соответствующим структурам. На областном уровне переселение контролировал переселенческий отдел облисполкома Молотовской области, в районах – уполномоченные районных райисполкомов. Были организованы выезды представителей районов вселения и колхозов в районы Чувашской республики для «организованной вербовки рабочей силы». На местах желающие переселиться подавали заявления о переселении, на основании которых выдавались переселенческие билеты, с ними переселенцы и приезжали на новое место жительства и получали соответствующий статус и льготы. Перевоз переселенцев был организован железнодорожным и водным транспортом, нередко выделялись специальные эшелоны, поэтому переселенцы имели возможность привезти домашний скот, мебель, другое имущество¹⁰⁰. На местах были организованы строительство, приобретение и ремонт жилого фонда, составлены планы приёма переселенцев¹⁰¹.

Как проходила переселенческая кампания в колхозах и совхозах Молотовской области, раскрывают архивные материалы по Частинскому району. Переселение в Частинский район Молотовской области из Чувашской АССР планировалось на 1952 год. В декабре 1951 года переселенческий вопрос был рассмотрен исполкомом районного Совета депутатов, по итогам которого было принято «решение исполкома районного Совета депутатов трудящихся от 25 декабря 1951 года за № 532 "О мероприятиях по приёму, размещению и хозяйственному устройству семей переселенцев, переселяемых в Частинский район в 1952 г."»¹⁰². Согласно утверждённым планам район должен был принять в 1952 году 90 семей переселенцев из Чувашской АССР, которые были распределены по пяти хозяйствам района. Согласно графику переселения основной поток переселенцев должен был прибыть в район в феврале-марте 1952 года.

План размещения переселенцев в колхозах Частинского района¹⁰³

Колхозы/месяцы	февраль	март	сентябрь	1952
«Заря»	10	10		20
«Звезда» (Пальниковский с/с)		10	10	20
им. Кирова		10	10	20
им. Молотова		10	10	20
«Путь к коммунизму»		10		10
Итого				90

Для подготовки приёма переселенцев, которых необходимо было обеспечить жильём, Частинский райисполком обращается в Осинский леспромхоз: «На основании решения райисполкома райсовета депутатов трудящихся от 25.12.1951 № 532 Частинский райисполком просит вас отпустить бесплатной деловой древесины для строительства и ремонта домов для переселенцев»¹⁰⁴. В феврале 1952 года комиссией райисполкома была организована проверка готовности колхозов к приёму переселенцев. В итоге «проверкой установлено, что в колхозе "Звезда" Пальниковского с/с свыше месяца не занимаются подготовкой жилых домов и надворных построек для вновь прибывающих переселенцев-колхозников в 1952 г., чтобы подготовить 20 жилых домов с надворными постройками, для этого нужно купить 16 жилых домов с надворными постройками...»¹⁰⁵. По итогам проверки план приёма переселенцев отдельными хозяйствами района был изменён.

В конце февраля 1952 года первая партия переселенцев прибывает в Частинский район. 22 февраля 1952 года в адрес председателя Частинского райисполкома была направлена телеграмма: «Чувашской республики отправляется эшелон переселенцами. Колхозы вашего района направляется 70 семей станции разгрузки Верещагино. Обеспечьте организованный приём размещение переселенцев»¹⁰⁶. Вторая партия прибывает в район в начале апреля 1952 года: «Телеграмма. Частинский райисполком. Первого апреля эшелоном 172 станции Канаш вашему району направлено 17 семей переселенцев. Организуйте встречу Верещагино транспортировку до места вселения»¹⁰⁷. Приём переселенцев на станции проводили уполномоченные по приёму и отбору переселенцев при райисполкомах и представители колхозов, которые обеспечивали прибывающих транспортом. О приёме второй партии переселенцев в райисполком сообщалось: «Телеграмма. Переселенцев 17 семей принял. Лошади только колхоза Молотова. Дополнительно

срочно шлите 30 лошадей. Большой груз»¹⁰⁸. Ещё одна небольшая партия переселенцев прибывает в мае 1952 года: «Телеграмма. Колхозы вашего района эшелонам 423 Канаша 15 мая направлено 3 семьи переселенцев станция разгрузки Верещагино прошу организовать встречу»¹⁰⁹.

Для привлечения рабочей силы в Молотовскую область переселенческий отдел Молотовского облисполкома обращается к Частинскому райисполкому с просьбой: «В целях усиления темпов отбора семей переселенцев на переселение в колхозы Вашего района прошу Вас обеспечить организацию писем прибывших переселенцев и посылку их землякам в Чувашскую АССР... Желательно, чтобы в этих письмах переселенцы рассказали о своём хозяйственном устройстве в местах вселения...»¹¹⁰. В декабре 1952 года Частинский райисполком сообщал, «что семьями переселенцев получены ссуды из Сельхозбанка на приобретение коров и телят в сумме 78 тыс. рублей»¹¹¹.

В 1959 году в этом районе проживало 216 чувашей – большая их часть была переселенцами 1950-х годов.

Из других сельских районов переселенцев этого периода приняли колхозы Куединского, Усинского, Верещагинского, Фокинского, Октябрьского, Еловского и других районов. Часто чувашаи переселялись и обосновывались на территориях, где уже проживало чувашское население, при этом даже в том случае, когда переселять в этот район людей из Чувашской АССР не предполагалось. Так, в отчетах облисполкома сообщается о переселении из Чувашской АССР в Усинский район, который не был предназначен для этого: «Усинский район неплановый, потому к приёму поселенцев вовсе подготовлен не был, но, несмотря на наши протесты, переселенческий отдел при Совете Министров Чувашской АССР в данный район в 1952 году направил 79 семей переселенцев»¹¹². Учитывая, что в Большеусинском районе на тот момент уже сложилось место компактного проживания чувашей, можно заключить, что переселенцы ехали на эту территорию, имея связи с пермскими чувашами. Согласно данным, в Большеусинский район в 1952 году переселилось 240 человек, в 1953-м только колхоз им. Ворошилова принял 146 человек из Чувашской АССР¹¹³. Такая же ситуация была характерна и для Еловского района, который также в том же году принял 180 переселенцев из Чувашской АССР¹¹⁴.

Поток переселенцев в этот период был направлен в лесные посёлки для работы в леспромпхозах Молотовской области. Основным принимающим предприятием был комбинат «Молотовлес» Министерства лесной и бумажной промышленности СССР (Минлесбумпром), в структуре

которого находились тресты «Вишерлес»¹¹⁵, «Комипермлес»¹¹⁶, «Кунгурлес»¹¹⁷, «Уралзападлес»¹¹⁸ и «Чусовлес»¹¹⁹, занимавшиеся добычей леса в Молотовской области. На переселявшихся в леспромхозы, как мы отмечали, также распространялись льготы, схожие с теми, что были установлены для переселенцев в колхозы и совхозы области. В архивах Пермского края есть сведения о численности переселенцев-чувашей в отдельных леспромхозах Пермского Прикамья за 1951–1955 годы. Исходя из приведённых данных, пик переселенческого потока в леспромхозы Молотовской области пришёлся на 1952 год.

Таблица 9

**Численность чувашских переселенцев
в леспромхозах Молотовской области***

№	Место вселения (предприятие)	1951 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.
1	2	3	4	5	6
1	Комбинат «Молотовлес»				
1.1	<i>Трест «Комипермлес»</i>				
1.1.1	Кочёвский ЛПХ	5			
1.1.2	Булатовский ЛПХ	8			
1.1.3	Доеговский ЛПХ	11	257		
1.1.4	Косьвинский ЛПХ		48		
1.1.5	Пятигорский ЛПХ	9			
1.2	<i>Трест «Чусовлес»</i>				
1.2.1	Чёрмозский ЛПХ		11		
1.3	<i>Трест «Уралзападлес»</i>				
1.3.1	Вивенский ЛПХ				4
1.3.2	Вогульский ЛПХ		8		8
1.3.3	Косьвинский ЛПХ		48		
1.3.4	Пермильинский ЛПХ		5		9
1.3.5	Сивинский ЛПХ				27
1.4	<i>Трест «Кунгурлес»</i>				
1.4.1	Асовский ЛПХ	10		156	
1.4.2	Бизярский ЛПХ	2	1210	381	
1.4.3	Осинский ЛПХ	76	712	76	
1.4.4	Кордонский ЛПХ			154	
1.4.5	Нижне-Луховской ЛПХ		2		
1.4.6	Таборский ЛПХ				5
1.4.7	Тукачёвский ЛПХ		149		
1.4.8	Фокинский ЛПХ		335		
1.4.9	Щучьеозёрский ЛПХ		605	271	

1	2	3	4	5	6
2	Колхозы Молотовской области				
2.1	Большеусинский район (колхоз «им. Ворошилова»)		633	208	
2.2	Добрянский район		83		
2.3	Еловский район (колхозы «им. Жданова», «им. Ленина»)		561		
2.4	Нытвенский район (колхоз «Заря»)		6		
2.5	Очёрский район (колхоз «Путь Ленина»)		417		
2.6	Фокинский район		372		
2.7	Частинский район (колхозы «Ленинский путь», «Красный пахарь»)		1047		
2.8	Щучьеозёрский район		33		
	Итого	121	6452	1246	53

* Составлено и подсчитано по: ГАПК. Ф. р. 1074. Оп. 6. Д. 2002, 203; Ф. р. 1271. Оп. 1. Д. 127, 128, 129, 130, 131, 135, 137.

К сожалению, в большинстве источников о приёме переселенцев из Чувашской АССР не указаны населённые пункты и районы выхода переселенцев. В «Книгах персонального учёта переселенцев и их хозяйственного устройства» сообщалось лишь общее количество переселенцев, а графы «Национальность» и «Место рождения» часто не заполнялись. Однако данные по ряду районов сохранились, что позволяет сделать выводы о характере набора переселенцев. Известно, что в Частинский район Молотовской области в 1952–1953 годах прибывали чуваша из сёл Досаево и Убеево Красноармейского района¹²⁰, населённых пунктов Калининского и Вурнарского районов. В Еловский район переселялись из Канашского, Комсомольского, Яльчикского районов ЧАССР, в Фокинский – из Цивильского, Советского, Урмарского районов ЧАССР, в Большеусинский – из Ибресинского и Урмарского районов ЧАССР. Как видно даже из этих данных, переселенцы были представлены разными районами Чувашской республики¹²¹.

Однако, несмотря на тот факт, что переселенческая кампания позволила пополнить трудовые ресурсы Молотовской (Пермской) области, были определённые трудности с её проведением, обустройством переселенцев. Из материалов переписки Молотовского облисполкома с управлением трудовых ресурсов РСФСР вытекает, что были трудности с набором переселенцев в Молотовскую область из закреплённых регионов, набор часто осуществлялся ниже утверждённого плана, часто принимающая сторона не была готова к приёму переселенцев, не было

постоянного учёта прибывающих, с ними не велась социальная работа. В справке о выполнении плана приёма переселенцев в лесную промышленность на 01.08.1952 года сообщается, что переселенцев из Чувашской АССР прибыло 287 человек из запланированных 500, т. е. 57,4%. Аналогичные показатели фиксировались и по остальным регионам¹²². Судя по документам центральных архивов, переселенческая кампания началась в 1950 году, однако в местных архивах отчётные документы сохранились только за 1951–1954 годы, что позволяет заключить, что в 1950 году учёт переселенцев на местах просто не вёлся. Это подтверждают и материалы отчёта: «Персональный учёт переселенцев и их хозяйственного устройства в районах не был заведён переселенческим отделом при облисполкоме»¹²³. В другом источнике сообщалось, что «снабжение продовольственными и промышленными товарами в ряде леспромхозов организовано плохо. Как правило, нет продажи керосина, несмотря на то, что многие посёлки не электрифицированы»¹²⁴.

Высоким был процент возврата населения на прежнее место жительства. Как показали результаты инспекционной поездки, многие переселенцы принимали решение об этом сразу после приезда. «Основная причина отказа в том, что дома, в которых переселенцы размещены, в большинстве старые, многие из них построены 30–40 лет назад», – говорится в документе¹²⁵. Свою роль сыграла и политика местных властей в Чувашской АССР. В источниках неоднократно сообщается, что местные власти убеждали зажиточные семьи оставаться на родине, мотивируя это тем, что «для переселения найдутся другие люди, шатающиеся, которые в районе не нужны»¹²⁶.

Причины, которые заставляли чувашей переселяться в Молотовскую область, были не только в предоставляемых государственных льготах, но и в социально-экономических трудностях, которые испытывало сельское население Чувашии в этот период. Участники переселенческой кампании так определяют причины и мотивы переселения: *«Трудно было очень жить там, здесь лучше было»* (д. Дойная Куединского района); *«Плохо мы жили там, дров нет, леса нет»* (д. Нижний Тымбай Куединского района); *«Шибко мы плохо жили там, а потом думали, думали, давай сюда поедем, раз родня здесь, родня сюда приехала»* (д. Дойная Куединского района); *«Уехали потому, что в деревне Нижнее Кляшево не было работы, а в район Ибреси специально приезжали вербовщики, ходили по домам и обещали, что тем, кто поедет, предоставят льготы»* (с. Большие Кусты Куединского района). Как видно из этих свидетельств, отчасти причины миграционной волны 1950-х годов также

были связаны с отсутствием дров и строительных материалов, на что, в первую очередь, указывают информаторы, сложное социально-экономическое положение. Наличие родственников и знакомых в районах Молотовской области дополнительно мотивировало к переселению.

В памяти участников этого процесса ещё живы воспоминания о том, как проходило переселение. Переселенческую кампанию этого периода в народе принято называть «вербовкой», а уполномоченных, которые приезжали для агитации и организации переселения – «вербовщиками».

«Ехали до станции Куеда на поезде. В специальных вагонах везли с собой скот, в таких же вагонах ехали сами. Из Куеды гнали скотину гоним пять дней (расстояние 50 км), через деревню Верхний Тымбай добирались до Кустов. В район Ибреси специально приезжали вербовщики, ходили по домам и обещали, что тем, кто поедет, предоставят льготы. Тем, кто уезжал, выделялось 40 м³ леса, но этот лес людям не попал, так как местные власти его использовали в личных целях. На свои деньги многие переселенцы покупали дома и жили в них. В то время в Чувашии не было работы в колхозе, как у нас сейчас. В Больших Кустах посылали на любую работу: прикажут и работаешь. И конюшили, косили, возили воду, плугарили» (с. Большие Кусты Куединского района).

«Да, по вербовке приехали. Вербовались ведь раньше. Переселенцами или по вербовке. Дров не было. На поезде мы ехали. Чуть-чуть я помню. Но нас привезли в Малые Кусты. В Малых Кустах неделю, две пожили, у татиной родни, жена жила с двумя детьми. Там две недели пожили, сказали, что в Верх-Дойной дома есть. В Верх-Дойной дом купили, жили» (д. Дойная Куединского района).

«Мы в 1952 году переселенцами приехали. Канашикий район, Новочеркасский сельский совет, деревня Малотугаево. Старик один был, он в феврале месяце вербовать приехал в Чувашию, старый был. Мама, сестра, муж поехали переселенцами, а мы остались дома. Он всё хвалил. Что здесь хорошо: дров много, сена много, там вон плохо – приезжайте сюда. Мы и поехали. Мы переселенцами приехали, первый раз в феврале сестра поехали, а второй раз в марте мы. Отец не хотел ехать, но за матерью его привезли. Так и остались тут...» (д. Нижний Тымбай Куединского района).

«Переселенцы, как назывались они, как по договору или как. Мы приехали из района отсюда, нас вербовали, как вербовкой мы приехали. Деньги нам дали. Здесь насчёт дров вон, хоть сколько сучья собирай. У нас мама после войны поехала двадцать пять километров на лошади вот такие сучья собирать. Потом у ней лошадь-то устала, среди зимы,

среди дороги. Она и там всё обморозилась. Но дом плохой здесь дали, гнилой, холодный. Но там хуже было» (д. Дойная Куединского района).

«Приехали в 1952 году в деревню Верх-Дойная. Трудно было жить там. Мать-то, сестра, сестрёнка, нас четверо, уехали. Из Канашского района, сейчас Канашский район, деревня Ожинары. На поезде девять суток ехали, на товарняке. Нас переселили, мы переселенцы. Тогда ведь Усинский район был, раньше. Вот приехали там, вербовали нас, мы приехали сюда. Народу тут не хватало. Кто корову везли, кто поросят везли, кто вещи везли. Чё надо было, всё везли. Потому что на товарняке. Из нашей деревни шестнадцать домов мы приехали сюда. А из другого района были ещё. Весь поезд с чувашами был. Ехали до Куеды. У нас родные были здесь, у них сперва жили. Они вот в 1950 году приехали родня, дак и мы в Верх-Дойную приехали. Некоторые в Тымбай приехали, некоторые в Кусты, Малые Кусты. Кто куда. Кто обратно уехал. У нас мужиков не было, мы всё четыре женщины приехали. Меня было пятнадцать лет, сестрёнка было четырнадцать, нет, тринадцать, сестры было семнадцать. Мать больная была. Дом потом мы сами купили. Мы свой дом-то там продали, на родине. Нам как переселенцам глава семьи шестьсот рублей дали по старым деньгами, а нам по двести рублей дали. Но купили так-то. Мало-мальски мы купили в Верх-Дойную. Только один дом был, больше ничего не было в доме, купили. Потом потихоньку баню строили, потихоньку конюшню строили» (д. Дойная Куединского района).

Таким образом, переселенческая кампания 1950-х годов привела к значительному миграционному притоку чувашского населения в Пермское Прикамье. В итоге выросла не только его численность, а сформировалась карта дисперсного расселения чувашей в большинстве административных территорий края.

В дальнейшем серьёзных миграций чувашей на территорию Пермского Прикамья не фиксировалось. Дисперсность расселения большей части чувашей в регионе, оторванность от метрополии, урбанизация, унификация и стандартизация массовой культуры во второй половине XX века привели к ассимиляции и постепенному сокращению численности чувашского населения. Отсутствие скоординированной политики по поддержке, сохранению и развитию чувашской культуры и языка в Пермской области также влияло на численность чувашского населения и сохранение им языка и этнической культуры. Данные процессы фиксируются материалами переписей населения 1970, 1979 и 1989 годов.

ЧУВАШИ ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ В МАТЕРИАЛАХ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Итоги переселенческой политики 1950-х годов отразили данные переписи 1959 года, которые подтверждают значительное увеличение численности чувашского населения региона. Со времени последней переписи 1939 года количество чувашей Пермского Прикамья увеличилось в 1,73 раза и составило 15 293 человека, или 0,51 % от численности населения Пермской области (население Молотовской (Пермской) области за этот период увеличилось в 1,43 раза).

После 1959 года изменились особенности расселения чувашей в регионе. Значительное число чувашей было расселено дисперсно, не было административного района, в котором бы не проживали чуваша. Однако южные районы Пермского Прикамья, в которых ещё в 1920-е годы сформировался более или менее компактный ареал расселения и которые приняли новую волну мигрантов из Чувашии, оставались основной территорией проживания этого народа. Так, в Еловском, Куединском, Усинском, Фокинском и Чернушинском районах, согласно данным переписи 1959 года, обосновалось 7025 чувашей, или 45,9 % всего чувашского населения области. Лидером по числу чувашского населения был Усинский (Большеусинский) район, в котором проживало 3504 чуваша, в этом же районе зафиксирована и самая высокая их плотность в общей численности населения – 16,6 %. Значительное число чувашей зафиксировано также в промышленных северо-восточных районах – Губахинском и Кизеловском: 994 чуваша, или 6,5 % всех чувашей области.

Представители этого народа продолжали оставаться преимущественно сельским населением – 66,4 %, хотя доля городского в общей численности по сравнению с 1939 годом увеличилась на 20,9 %. Мужчины в 1959 году у чувашей составляли большинство – 50,3 %, против 49,7 % женщин, хотя в целом по области доля женщин была выше – 54,5 %, что также может свидетельствовать об искусственном приросте чувашского населения в Пермском Прикамье, активном участии мужского населения в переселенческой кампании.

Большая часть пермских чувашей в 1959 году, а именно 10 357 человек, или 67,7 % от их числа, указала в качестве родного языка чувашский (в 1939 году этот показатель был более 80 %). Перепись, таким образом, отметила снижение уровня владения родным языком, с одной стороны, с другой – свидетельствовала о сохранении языка в Пермском Прикамье большей частью чувашского населения даже в условиях

относительно дисперсного расселения. Доля женщин, считающих родным языком чувашский, превышала аналогичный показатель среди мужчин: 78,4 % – у женщин, 64,9 % – у мужчин. При этом в сельской местности, судя по материалам переписи, язык сохранялся лучше, на чувашский как родной язык в сельской местности указали 71,4 % чувашей, тогда как в городе только 60,4 %. Среди территорий с компактным расселением этот показатель был наибольшим в Усинском районе, в котором 80,3 % чувашей называли родным чувашский язык.

Перепись 1959 года показала наибольшую численность чувашского населения в Пермском Прикамье за весь период XX века. Основная причина роста чувашского населения региона – миграционный приток извне. В последующем отсутствие существенного миграционного пополнения и ассимиляционные процессы сказались на снижении числа чувашей Пермского Прикамья. Об этом свидетельствуют данные новых переписей населения области.

Перепись 1970 года показала увеличение общей численности населения области, тогда как число чувашей снизилось на 11,8 %. Всего насчитывалось 13 489 чувашей, или 0,45 % от населения области, из них женщин – 6716, мужчин – 6773. По-прежнему сохранялся основной ареал расселения чувашей в южных районах Пермской области, где они составляли самый большой процент в составе населения среди административных территорий края: в Еловском районе 874 человека (4,71 % от всего населения района), Куединском – 2710 человек (5,84 %), Октябрьском – 544 человека (1 %), Чайковском – 487 человек (2,43 %) и Чернушинском районе 1427 человек (2,9 %). Проведение административной реформы привело к появлению на карте края Чайковского района на смену Фокинскому и к исчезновению Большеусинского района, территории которого были распределены между Куединским, Чайковским и Еловским районами.

Таблица 10

**Населённые пункты с преобладанием
чувашского населения в Пермской области***

Населённый пункт	Количество жителей, где чуваш являлись преобладающим населением
<i>1</i>	<i>2</i>
<i>Куединский район, Большекустовский сельсовет</i>	
М. Кусты	355
В.-Дойная	156
Дойная	167
Пруды	68

1	2
<i>Пантелеевский сельсовет</i>	
Абрамовка	122
Батманы	213
Дубленёвка	488
Коровино	462
<i>Нытвенский район, Лузинский сельсовет</i>	
Угли	3
<i>Щучьеозёрский район, Верх-Шуртанский сельсовет</i>	
Белая речка	49
Косополка	64

* Составлено и подсчитано по: ГАПК. Ф. р. 493. Оп. 19. Д. 10.

Статистические материалы 1967 года отметили и сельские населённые пункты, в которых чуваши являлись преобладающим населением (составляли более 50 % от всего состава).

Сельское население чувашей по-прежнему преобладало над городским, в то время как общее городское население области уже более чем в два раза превышало сельское. В городах Пермского Прикамья проживало 5915 чувашей (0,3 % от городского населения области, 43,85 % от числа чувашского населения), в сельской местности – 7574 чуваша (0,76 % от сельского населения области, 66,15 % от числа чувашского населения), процентное соотношение сельского и городского населения было на том же уровне, что отметила и перепись 1959 года. Количество считающих чувашский язык родным в 1970 году составило 8507 человек, или 63 % (в 1959 году – 67,7 %), то есть более половины. Среди мужчин чувашский язык родным считали 60,6 % (в 1959 году – 64,9 %), среди женщин – 65,5 % (в 1959 году – 78,4 %). Как и ранее, самый высокий уровень сохранения языка был зафиксирован среди женщин в сельской местности – 69,1 %, самый низкий – среди мужчин в городской среде – 58,7 %. Таким образом, перепись 1970 года зафиксировала уменьшение чувашского населения, причинами которого стали незначительная внешняя миграция и ассимиляционные процессы среди чувашского населения Пермской области.

Всесоюзная перепись населения 1979 года отразила дальнейшие этнодемографические изменения в среде чувашского населения Пермского Прикамья за десятилетие – с 1970 по 1979 год. При увеличении общей численности населения Пермской области количество чувашей сократилось на 13,6 % и составило 11 661 человек. Количество женщин

составило 5928 (50,8%), мужчин – 5733 (49,2%). В результате процессов урбанизации к 1979 году городское чувашское население впервые превысило сельское: в городах проживало 6352 чуваша (0,27 % городского населения области, 54,5 % от всех чувашей), в сельской местности – 5309 (0,81 %, 45,5 %). Необходимо отметить, что динамика сокращения сельского населения у чувашей была ниже, чем в среднем по области и, несмотря на уменьшение численности, их доля в общем количестве сельского населения увеличилась с 0,76 % до 0,81 %. Из 11 661 чуваша родным язык своей национальности назвали 6520 (55,9 %) человек (снижение доли по сравнению с 1970 годом на 7,1 %). Среди женщин родным чувашский язык назвали 58,3 %, среди мужчин – 53,4 %. Таким образом, основным этническим процессом межпереписного периода явилось снижение численности населения, главная причина которого – активные ассимиляционные процессы в условиях дисперсного проживания. Один из маркеров этих процессов, по материалам переписи – снижение уровня владения родным языком. Другим важным моментом, отмеченным переписью, явилась урбанизация, переезд сельских чувашей в города.

Последняя перепись населения в рамках СССР состоялась в Пермской области в 1989 году. Общедемографические процессы этого периода характеризуются замедлением роста населения, текущей урбанизацией и увеличением доли женского населения по отношению к мужскому. В той или иной мере это относится и к чувашам Пермской области. С 1979 по 1989 год их численность вновь сократилась на 7,7 % и составила 10 765 человек, хотя динамика сокращения численности снизилась. Доля городского чувашского населения значительно превышала сельское (62,9 % против 37,1 %), хотя по-прежнему была ниже доли всего городского населения области (77,4 % против 22,6 %).

Среди сельского населения, как и прежде, значительные группы чувашей отмечены в южных районах Пермской области. В Куединском районе, занимавшем первое место среди сельских районов по численности этого народа, в 1989 году проживало 1277 чувашей (3,9 % от населения района), в Чайковском районе перепись отметила 1032 чуваша, однако большая их часть жила в городе Чайковском (631 человек), а в сёлах и деревнях района проживал 401 человек, то есть городское население чувашей в этом районе доминировало над сельским. Такая же ситуация была характерна для Чернушинского района, в котором учли 861 чуваша, среди которых 420 человек проживали в городе Чернушке и 441 – в сёлах и деревнях района, в Еловском районе перепись

зафиксировала 461 чуваша, в Октябрьском – 241. Процессы урбанизации привели к росту чувашского населения в городах области, прежде всего, в областном центре – городе Перми, где проживало 2559 чувашей, 591 чуваш отмечен в городе Березники.

Перепись отметила изменения и в сфере сохранения родного языка у пермских чувашей. Почти половина чувашей Пермской области считала русский своим родным языком (5368 – родной чувашский, 5365 – родной русский). Большей частью (55,5%) на чувашский язык в качестве родного указало женское сельское население, поскольку среди мужского городского (49,6% – родной язык чувашский) и сельского (47,3% – родной язык чувашский)¹²⁷ населения и женского городского (48,1% – родной язык чувашский) населения более половины уже считали родным языком русский. Тогда как ещё в 1979 году большинство чувашей и среди мужчин, и среди женщин во всех типах поселений считали родным язык своей национальности.

Таким образом, рассматривая динамику численности чувашей за 30 лет – с 1959 по 1989 год – можно отметить сокращение численности чувашей в Пермской области на протяжении всего периода. За тридцать лет численность народа сократилась на 30%. Процессы урбанизации привели к увеличению доли городского населения чувашей с 33,6% до 62,9%, хотя динамика урбанизации среди чувашей была ниже, чем в среднем по области. Доля чувашей, считающих чувашский язык родным, в общей численности народа также снижалась, сократившись с 67,7% до 50%. Родной язык сохранялся за счёт сельской местности, где оставались места компактного проживания чувашей – Куединского, Еловского, Октябрьского, Чернушинского и Чайковского районов.

Главными причинами демографического спада в этот период явились ассимиляционные процессы в условиях дисперсного расселения, отсутствие новых миграционных потоков, приводивших в предыдущие годы к увеличению численности народа.

Таким образом, Пермское Прикамье испытало несколько миграционных волн чувашского населения в XVII–XX веках. Первая волна XVII – начала XVIII века не была значительной и не привела к формированию компактной этнической группы чувашей в Пермском Прикамье. Чуваша в этот период большей частью ассимилировались и влились в состав других этнических общностей региона. Наиболее массовые и существенные миграционные переселения чувашей в Прикамье приходится на XX век. Вторая миграционная волна в начале века также не была значительной, хотя и привела к появлению нескольких

чуваших поселений. Дисперсность расселения и малочисленность групп в Оханском и Красноуфимском уездах уже в середине XX столетия привели к их ассимиляции и растворению в составе иноэтничного окружения. Наиболее массовым и заметным для территории региона явилось переселение чувашских крестьян в южные районы современного Пермского края в конце 1920-х годов. Это третья миграционная волна, которая привела к формированию компактного ареала расселения, сохраняющегося и в настоящее время в Куединском, Чернушинском, Чайковском и Еловском районах Пермского края. Первые три миграционные волны были связаны с крестьянским, сельскохозяйственным освоением чувашами территории Пермского Прикамья. Последняя, четвёртая, миграционная волна была связана с проводимой переселенческой кампанией в начале 1950-х годов для привлечения трудовых ресурсов в лесное и сельское хозяйство, на промышленные предприятия. Большая часть переселенцев этого периода расселилась дисперсно в административных территориях и поселениях края. На протяжении первой половины XX века численность чувашей в регионе постепенно увеличивалась, однако отсутствие нового миграционного притока, дисперсность расселения большей части чувашского населения территории, обусловившие ассимиляционные процессы, привели к постепенному снижению численности чувашей в крае.

Таблица 11

Численность чувашей в Молотовской области в 1959 году*

Район	Всего	Всего чув. (%)	Чув. с родн. яз.	Всего муж.	Всего чув. муж. (ч. я.)	Всего жен.	Всего чув. жен. (ч. я.)
1	2	3	4	5	6	7	8
Пермская область	2992876	15 293 (0,51 %)	10357	1361 219	7689 (4997)	1631 657	7604 (5960)
Городское население	1 762 450	5141 (0,29 %)	3104	807 955	2803 (1639)	631 705	2338 (1445)
Сельское население	1 230 426	10 152 (0,83 %)	7253	552 176	4886 (3338)	674 264	5266 (3915)
г. Пермь	637 176	1570 (0,25 %)	919	286 428	859 (486)	350 748	711 (433)
Дзержинский район	142 777	376 (0,26 %)	223	65 173	202 (115)	77 604	174 (108)
Кировский район	87 390	336 (0,24 %)	198	40 006	154 (86)	47 384	182 (112)
Ленинский район	87 892	129 (0,15 %)	77	37 095	89 (53)	50 797	40 (24)

1	2	3	4	5	6	7	8
Мотовилихинский район	97 547	109 (0,11 %)	54	43 748	72 (38)	53 799	37 (16)
Орджоникидзевский район	73 245	270 (0,39 %)	168	33 525	141 (85)	39 720	129 (83)
Сталинский район	140 267	350 (0,25 %)	199	63 132	201 (109)	77 135	149 (90)
Александровский горсовет	47 817	182 (0,38 %)	115	22 570	89 (57)	25 247	93 (58)
Городское население Александровского района	43 013	170 (0,4 %)	110	20 236	84 (55)	22 777	86 (55)
г. Александровск	19 053	71 (0,37 %)	38	9011	26 (16)	10 042	45 (22)
Горпоселения Александровского горсовета	23 960	99 (0,41 %)	72	11 225	58 (39)	12 735	41 (33)
Сельская местность Александровского горсовета	4804	12 (0,25 %)	5	2334	5 (2)	2470	7 (3)
Березниковский горсовет	108 304	294 (0,27 %)	167	49 693	157 (88)	58 611	137 (79)
г. Березники	106 119	287 (0,27 %)	163	48 575	151 (85)	57 544	136 (78)
Сельские местности Березниковского горсовета	2185	7 (0,32 %)	4	1118	6 (3)	1067	1 (1)
г. Премычinsk	38 014	194 (0,51 %)	106	18 493	110 (57)	19 521	84 (49)
Губахинский горсовет	116 541	439 (0,38 %)	294	55 201	238 (162)	61 340	201 (132)
г. Губаха	93 502	354 (0,38 %)	239	44 132	191 (134)	49 370	163 (105)
Горпоселения Губахинского горсовета	23 039	85 (0,37 %)	55	11 069	47 (28)	11 970	38 (27)
Кизеловский горсовет	125 873	555 (0,44 %)	370	60 688	333 (227)	65 185	222 (143)
г. Кизел	60 687	174 (0,29 %)	105	29 212	106 (68)	31 475	68 (37)
Центральный Коспаш	22 945	189 (0,82 %)	129	11 140	108 (74)	11 805	81 (55)
Городские поселения Кизеловского горсовета	42 241	192 (0,45 %)	136	20 336	119 (85)	21 905	73 (51)
Краснокамский горсовет	78 675	252 (0,32 %)	157	34 856	133 (79)	43 819	119 (78)
г. Краснокамск	54 389	157 (0,29 %)	100	23 877	84 (50)	30 512	73 (50)

1	2	3	4	5	6	7	8
Сельские местности Краснокамского горсовета	23960	95 (0,39 %)	57	10 836	49 (29)	13 124	46 (28)
г. Кунгур	64796	85 (0,13 %)	43	29 061	55 (29)	35735	30 (14)
Лысьвенский горсовет	100 192	207 (0,21 %)	146	45 337	109 (71)	54 855	98 (75)
Городское население Лысьвенского горсовета	77 414	78 (0,1 %)	38	34 703	46 (21)	42 711	32 (17)
г. Лысьва	72 989	70 (0,09 %)	37	32 608	42 (21)	40 381	28 (16)
п. Кын	4425	8 (0,18 %)	1	2095	4 (–)	2330	4 (1)
Сельские местности Лысьвенского горсовета	22 778	129 (0,57 %)	108	10 634	63 (50)	12 144	66 (58)
г. Соликамск	82 874	264 (0,32 %)	168	38 629	129 (79)	44 245	135 (89)
г. Чусовой	60 658	107 (0,18 %)	52	27 803	65 (35)	32 855	42 (17)
Сельские местности Бардымского горсовета	40 056	79 (0,2 %)	29	17 303	29 (10)	22 753	50 (19)
Городские поселения Березниковского района	14 979	7 (0,05 %)	5	6 742	5 (4)	8 237	2 (1)
Сельские местности Усольского района	29 815	98 (0,33 %)	64	14 249	58 (38)	15 566	40 (26)
Сельские местности Берёзовского района	23 045	4 (0,02)	2	10 029	3 (1)	13 016	1 (1)
Сельские местности Большесосновского района	13 613	58 (0,43 %)	32	6 106	45 (22)	7 507	13 (10)
г. Верещагино Верещагинского района	22 860	14 (0,06 %)	11	10 490	8 (7)	12 370	6 (4)
пос. Зюкайка	4 153	2 (0,05 %)	–	2 046	2 (–)	2 107	–
Сельские местности Верещагинского района	26 506	19 (0,07 %)	11	11 302	10 (7)	15 204	9 (4)
Городские поселения Верх-негородковского района	9 431	10 (0,11 %)	5	4 257	4 (2)	5 174	6 (3)

1	2	3	4	5	6	7	8
Сельские местности Верхнегородков- ского района	30955	46 (0,15 %)	30	14 583	29 (18)	16372	17 (12)
Городские поселения Верхнемурлинского района	6962	206 (3 %)	167	3230	93 (71)	3732	113 (96)
Сельские местности Верхнемурлинского района	38 329	144 (0,38 %)	92	17 427	68 (45)	20 902	76 (47)
Городские поселения Добрянского района	22 449	27 (0,12 %)	16	10 444	14 (10)	12 005	13 (6)
Сельские местности Добрянского района	37 638	123 (0,33 %)	76	17 858	58 (39)	19 780	65 (37)
Сельские местности Еловского района	27 655	642 (2,3 %)	452	12 555	319 (212)	15 100	323 (240)
Сельские местности Ильинского района	25 724	23 (0,1 %)	19	11 367	16 (12)	14 357	7 (7)
Сельские местности Карагайского района	36 488	56 (0,15 %)	31	16 143	40 (22)	20 345	16 (9)
Сельские местности Кишертского района	29 665	32 (0,11 %)	25	13 201	20 (15)	16 464	12 (10)
Городские поселения Красновишерского района	15 207	20 (0,13 %)	8	7 069	14 (6)	8 138	6 (2)
Сельские местности Красновишерского района	27 334	193 (0,71 %)	147	13 136	105 (77)	14 198	88 (70)
Городские поселения Куединского района	5316	73 (0,24 %)	42	2386	38 (21)	2929	35 (21)
Сельские местности Куединского района	30 041	364 (1,21 %)	200	13 133	171 (86)	16 908	193 (114)
Сельские местности Кунгурского района	71 939	91 (0,13 %)	47	32 324	57 (32)	39 615	34 (15)
г. Нытва	19 185	18 (0,91 %)	9	8 738	11 (6)	10 447	7 (3)
Городские поселения Нытвенского района	11 673	30 (0,26 %)	19	5 599	16 (10)	6 074	14 (9)
Сельские местности Нытвенского района	24 914	60 (0,24 %)	42	11 045	34 (22)	13 869	26 (20)
Сельские местности Ординского района	24 854	8 (0,03 %)	6	10 842	6 (4)	14 012	2 (2)
Городские поселения Осинского района	12 719	28 (0,22 %)	5	5 596	11 (—)	7 123	17 (5)

1	2	3	4	5	6	7	8
Сельские местности Осинского района	31773	112 (0,35%)	61	14408	64 (34)	17365	48 (27)
Городские поселения Оханского района	17362	16 (0,09%)	7	7889	13 (5)	9473	3 (2)
Сельские местности Оханского района	18284	159 (0,87%)	118	8269	82 (57)	10015	77 (61)
Городские поселения Очёрского района	20503	36 (0,18%)	24	9460	27 (20)	11043	66 (42)
Сельские местности Очёрского района	12904	205 (1,59%)	137	5555	85 (57)	7349	120 (80)
Сельские местности Пермско-Сергин- ского района	21707	60 (0,28%)	29	9830	29 (12)	11877	31 (17)
Городские поселения Сивинского района	4440	2 (0,05%)	1	1955	1 (–)	2485	1 (1)
Сельские местности Сивинского района	26309	35 (0,13%)	15	11324	21 (9)	14985	14 (6)
Городские поселения Соликамского района	2333	6 (0,26%)	5	1126	5 (4)	1207	1 (1)
Сельские местности Соликамского района	31059	43 (0,14%)	22	14590	29 (15)	16469	14 (7)
Городские поселения Суксунского района	7731	–	–	–	–	–	–
Сельские местности Суксунского района	23294	5 (0,02%)	3	9920	5 (3)	–	–
Сельские местности Уинского района	23956	17 (0,07%)	9	10450	13 (7)	13506	4 (2)
Сельские местности Усинского района	21082	3504 (16,6%)	2815	9203	1536 (1200)	11879	1968 (1615)
Городские поселения Фокинского района	12752	100 (0,78%)	57	6113	54 (27)	6639	46 (30)
Сельские местности Фокинского района	30256	654 (2,16%)	491	13842	306 (221)	16414	348 (270)
Сельские местности Частинского района	18122	216 (1,19%)	165	8203	110 (85)	9919	106 (80)
Городские поселения Чердынского района	11637	–	5	5238	8 (3)	6399	3 (2)
Сельские местности Чердынского района	49864	71 (0,14%)	29	22927	48 (21)	26937	23 (8)
Городские поселения Чёрмозского района	23561	12 (0,05%)	5	10557	9 (4)	13004	3 (1)

1	2	3	4	5	6	7	8
Сельские местности Чёрмозского района	17 763	57 (0,32 %)	20	8379	32 (11)	9384	25 (9)
Сельские местности Черновского района	17 804	27 (0,15 %)	13	7842	15 (7)	9962	12 (6)
Городские поселения Чернушинского района	11 135	194 (1,74 %)	106	5158	96 (51)	5977	98 (55)
Сельские местности Чернушинского района	39 084	1494 (3,8 %)	990	17 300	658 (384)	21 784	836 (606)
Городские поселения Чусовского горсовета	72 878	234 (0,32 %)	138	35 238	130 (76)	37 640	104 (62)
Сельские местности Чусовского горсовета	9987	9 (0,09 %)	3	4682	7 (3)	5305	2 (–)
Городские поселения Щучьеозёрского района	14 678	159 (1,08 %)	96	6535	76 (43)	8143	83 (53)
Сельские местности Щучьеозёрского района	47 214	652 (1,38 %)	456	21 102	305 (203)	26 112	347 (253)
Коми-Пермяцкий национальный округ	217 038	579 (0,27 %)	408	97 176	364 (266)	119 862	215 (142)
Сельские местности Кудымкарского района	63 981	56 (0,09 %)	44	27 681	41 (31)	36 300	15 (13)
Юрлинский район	25 844	107 (0,41 %)	97	11 486	83 (79)	14 358	24 (18)
Юсьвинский район	32 883	89 (0,27 %)	70	14 716	59 (48)	18 167	30 (22)
г. Кудымкар	21 801	30 (0,14 %)	10	9636	14 (3)	12 165	16 (7)
Сельские местности Гайнского района	33 517	172 (0,51 %)	95	16 002	101 (52)	17 515	71 (43)
Сельские местности Косинского района	19 303	89 (0,46 %)	69	8773	49 (39)	40 (30)	10530
Сельские местности Кочёвского района	19 709	36 (0,18 %)	23	8882	17 (14)	10 827	19 (9)

* Составлено и подсчитано по: ГАПК. Ф. р. 493. Оп. 19. Д. 19, 20.

Таблица 12

Численность чувашей в Пермской области в 1970 году*

Район	Всего	Всего чувашей (родной язык – чувашский или %)	% от общей численности	Чувашей мужчин (родной язык – чувашский)	Чувашек женщин (родной язык – чувашский)
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>
Область	3 023 443	13 489 (8507)	0,45 %	6773 (4107)	6716 (4400)
Городское население	2 030 850	5915 (3515)	0,3 %	3215 (1889)	2700 (1626)
Сельское население	992 593	7574 (4992)	0,76 %	3558 (2218)	4016 (2774)
г. Пермь	860 504	2201	0,26 %	1187	1014
Дзержинский район	210 513	639	0,3 %	370	269
Кировский район	134 538	454	0,34 %	235	319
Ленинский район	69 252	126	0,18 %	65	61
Мотовилихинский район	156 534	264	0,17 %	150	114
Орджоникидзевский район	96 901	285	0,29 %	148	137
пгт Новые Ляды	7925	15	0,19 %	6	9
Свердловский район	182 586	414	0,23 %	229	185
Александровский горсовет	47 240	221	0,47 %	104	117
Городское население Александровского горсовета	18 286	65	0,36 %	26	39
Сельское население Александровского горсовета	4119	18	0,44 %	11	7
Березниковский горсовет	147 662	390	0,26 %	221	169
Гремячинский горсовет	43 806	192	0,44 %	108	84
Городское население Гремячинского горсовета	43 107	192	0,45 %	82	64
Сельское население Гремячинского горсовета	699	—	—	—	—
Губахинский горсовет	71 892	315	0,44 %	174	141
Городское население Губахинского горсовета	69 370	259	0,37 %	145	114
Сельское население Губахинского горсовета	2522	56	2,22 %	159	27
Кизеловский горсовет	89 632	378	0,42 %	191	187
Городское население Кизеловского горсовета	87 500	367	0,42 %	185	178
Сельское население Кизеловского горсовета	2132	11	0,52 %	6	5

1	2	3	4	5	6
Краснокамский горсовет	70343	196	0,28 %	111	85
Городское население Краснокамского горсовета	59492	172	0,29 %	102	70
Сельское население Краснокамского горсовета	1718	24	1,4 %	9	15
г. Кунгур	74488	87	0,12 %	58	29
Лысьвенский горсовет	76640	91	0,12 %	56	35
г. Лысьва	72762	90	0,12 %	55	35
Сельское население Лысьвенского горсовета	3878	1	0,03 %	1	—
г. Соликамск	88595	246	0,28 %	141	105
г. Чайковский	48034	254	0,53 %	126	128
г. Чусовой	58202	122	0,21 %	65	57
Бардымский район (сельское население)	40418	49	0,12 %	26	23
Берёзовский район (сельское население)	24694	16	0,06 %	12	4
Большесосновский район (сельское население)	23789	35	0,15 %	19	16
Верещагинский район	50415	45	0,09 %	30	15
Городское население Верещагинского района	28157	29	0,10 %	22	7
Сельское население Верещагинского района	22258	16	0,07 %	8	8
Горнозаводский район	43923	191	0,43 %	121	70
Городское население Горнозаводского района	34325	128	0,37 %	77	51
Сельское население Горнозаводского района	9598	63	0,66 %	44	19
Добрянский район	61999	201	0,32 %	110	91
Городское население Добрянского района	30329	56	0,18 %	22	24
Сельские местности Добрянского района	31670	145	0,46 %	88	67
Еловский район (сельское население)	18519	874	4,71 %	394	480
Ильинский район	34923	31	0,08 %	22	9
Городское население Ильинского района	15412	7	0,05 %	6	1
Сельское население Ильинского района	19511	24	0,12 %	16	8
Карагайский район (сельское население)	29637	35	0,12 %	22	13

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>
Кишертский район	23 114	16	0,07 %	10	6
Городское население Кишертского района	6764	9	0,13 %	4	5
Кишертский район (сельское население)	16350	6	0,04 %	6	1
Красновишерский район	37 558	166	0,44 %	110	56
Городское население Красновишерского района	14944	23	0,15 %	15	8
Сельское население Красновишерского района	22614	143	0,63 %	95	48
Куединский район	46 365	2710	5,84 %	1190	1520
Городское население Куединского района	7479	116	1,55 %	66	50
Сельское население Куединского района	38886	2594	6,67 %	1124	1470
Кунгурский район (сельское население)	62 023	87	0,14 %	54	33
Лысьвенский район	21 500	109	0,51 %	52	57
Городское население Лысьвенского района	3133	10	0,32 %	5	5
Сельское население Лысьвенского района	18367	99	0,54 %	47	52
Нытвенский район	51 049	141	0,28 %	66	75
Городское население Нытвенского района	32089	78	0,24 %	33	45
Сельское население Нытвенского района	18960	63	0,33 %	33	30
Октябрьский район	54 393	544	1 %	259	285
Городское население Октябрьского района	17759	184	1,04 %	95	89
Сельское население Октябрьского района	36634	360	0,98 %	164	196
Ординский район (сельское население)	23 203	17	0,07 %	13	4
Осинский район	36 167	150	0,41 %	79	71
Городское население Осинского района	15038	59	0,39 %	27	32
Сельское население Осинского района	21 129	91	0,43 %	72	39
Оханский район	20 853	103	0,49 %	46	57
Городское население Оханского района	7478	22	0,29 %	13	9
Сельское население Оханского района	13375	81	0,61 %	33	46

1	2	3	4	5	6
Очёрский район	30 926	181	0,59 %	84	97
Городское население Очёрского района	20 223	54	0,27 %	33	21
Сельское население Очёрского района	10 703	127	1,19 %	51	76
Пермский район	90 071	325	0,36 %	143	182
Городское население Пермского района	26 775	140	0,52 %	66	74
Сельское население Пермского района	63 296	185	0,29 %	77	108
Сивинский район	25 516	36	0,14 %	26	10
Городское население Сивинского района	7363	15	0,20 %	10	5
Сельское население Сивинского района	18 153	21	0,12 %	16	5
Соликамский район	24 905	40	0,16 %	31	9
Городское население Соликамского района	2070	3	0,14 %	3	–
Сельское население Соликамского района	22 835	37	0,16 %	28	9
Суксунский район	30 149	18	0,06 %	10	8
Городское население Суксунского района	8487	13	0,15 %	6	7
Сельское население Суксунского района	21662	5	0,02 %	4	1
Уинский район (сельское население)	19 367	25	0,13 %	13	12
Усольский район	29 341	73	0,25 %	45	28
Городское население Усольского района	12 999	10	0,08 %	5	5
Сельское население Усольского района	16 342	63	0,39 %	40	23
Чайковский район (сельское население)	20 022	487	2,43 %	210	277
Частинский район (сельское население)	18 319	104	0,57 %	54	50
Чердынский район	49 191	97	0,2 %	54	43
Городское население Чердынского района	18 602	49	0,26 %	23	26
Сельское население Чердынского района	30 589	48	0,16 %	31	17
Чернушинский район	49 268	1427	2,9 %	651	776
Городское население Чернушинского района	21 106	307	1,45 %	163	144
Сельское население Чернушинского района	28 162	1120	3,98 %	488	632

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>
Чусовской район	44 687	111	0,25 %	68	43
Городское население Чусовского района	27 704	79	0,29 %	48	31
Сельское население Чусовского района	16 983	32	0,19 %	20	12
Коми-Пермяцкий автономный округ	212 141	352 (244 – чувашский как родной)	0,17 %	207 (152 – чувашский как родной)	145 (92 – чувашский как родной)
г. Кудымкар	26 350	33	0,13 %	21	12
Гайнский район (городское и сельское население)	29 139	н/д¹²⁸	н/д	н/д	н/д
Косинский район (сельское население)	14 940	н/д	н/д	н/д	н/д
Кочёвский район (сельское население)	19 286	н/д	н/д	н/д	н/д
Кудымкарский район (сельское население)	55 889	н/д	н/д	н/д	н/д
Юрлинский район (сельское население)	22 576	н/д	н/д	н/д	н/д
Юсьвинский район (городское и сельское население)	43 961	н/д	н/д	н/д	н/д

* Составлено и подсчитано по: ГАПК. Ф. р. 493. Оп. 19. Д. 138.

Таблица 13

Чуваши в Пермской области в 1979 году*

Район	Всего	Всего чувашей (%)	Чуваши с родным языком / с русским	Всего мужчин чувашей	Всего мужчин чувашей с родным языком / с русским	Всего женщин чувашек	Всего женщин чувашек с родным языком / с русским
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>
Пермская область	3 008 211	11 661 (0,39 %)	6520/5120	5733	3060/2664	5928	3460/2456
Городское население	2 354 673	6352 (0,27 %)	3317/3027	3320	1752/1565	3032	1565/1462
Сельское население	653 538	5309 (0,81 %)	3203/2093	2413	1308/1099	2986	1895/994
Пермь	997 349	2615 (0,26 %)	1413/1200	1471	842/628	1144	571/572
Дзержинский район	142 014	279 (0,2 %)	130/148	132	57/75	147	73/73
Кировский район	126 032	455 (0,36 %)	251/203	249	144/104	206	107/99

1	2	3	4	5	6	7	8
Ленинский район	71700	154 (0,21 %)	88/66	63	38/25	91	50/41
Мотовилихин- ский район	165955	316 (0,19 %)	178/138	207	127/80	109	51/58
Орджоникид- зевский район	109489	389 (0,36 %)	247/142	254	176/78	135	71/64
Свердловский район	222363	585 (0,26 %)	303/282	327	190/137	258	113/145
Индустриаль- ный район	159796	437 (0,27 %)	216/221	239	110/129	198	106/92
Александров- ский горсовет	45293	176 (0,39 %)	102/74	82	46/36	94	56/38
Городское насе- ление Алек- сандровского горсовета	36657	99 (0,27 %)	55/40	35	21/18	64	34/26
Сельское население Александров- ского горсовета	8636	77 (0,89 %)	47/30	47	25/18	30	22/12
Березниковский горсовет	188878	485 (0,26 %)	233/252	252	126/126	233	107/126
г. Березники	187018	477 (0,26 %)	228/249	249	125/124	228	103/125
Сельское население Березников- ского горсовета	1852	8 (0,43 %)	5/3	3	1/2	5	4/1
Гремячинский горсовет	33672	127 (0,38 %)	75/51	62	33/29	65	42/22
Городское население Гремячинского горсовета	21385	126 (0,59 %)	74/51	61	32/29	65	42/22
Сельское население Гремячинского горсовета	12287	1 (менее 0,01 %)	1/–	1	1/–	–	–
Губахинский горсовет	60615	265 (0,44 %)	150/115	138	66/72	127	84/43
Городское население Губахинского горсовета	58914	224 (0,38 %)	119/105	118	53/65	106	66/40
Сельское население Губахинского горсовета	1701	41 (2,4 %)	31/10	20	13/7	21	18/3

1	2	3	4	5	6	7	8
Кизеловский горсовет	70 140	261 (0,37 %)	119/142	127	61/66	134	58/76
Городское население Кизеловского горсовета	68 847	253 (0,37 %)	116/137	123	59/64	130	57/73
Сельское население Кизеловского горсовета	1293	8 (0,62 %)	3/5	4	2/2	4	1/3
Краснокамский горсовет	73 361	226 (0,31 %)	113/113	100	46/54	126	67/59
Городское население Краснокамского горсовета	63 651	185 (0,29 %)	95/90	85	40/45	100	55/45
Сельское население Краснокамского горсовета	9710	41 (0,42 %)	18/23	15	6/9	26	12/14
г. Кунгур	80 890	96 (0,12 %)	40/56	59	25/34	37	15/22
Лысьвенский горсовет	76 696	87 (0,11 %)	36/50	37	15/22	50	21/28
г. Лысьва	75 270	86 (0,11 %)	35/50	37	15/22	49	20/28
Сельское население Лысьвенского горсовета	1426	1 (0,07 %)	1/–	–	–	1/–	1/–
г. Соликамск	100 816	239 (0,24 %)	128/110	122	68/54	117	60/56
г. Чайковский	71 380	497 (0,7 %)	198/297	222	74/147	275	124/150
г. Чусовой	55 220	90 (0,16 %)	57/33	49	28/21	41	29/12
Бардымский район (сельское население)	33 779	29 (0,09 %)	17/11	12	8/4	17	9/7
Березовский район (сельское население)	21 365	14 (0,07 %)	9/5	7	5/2	7	4/3
Большесосновский район (сельское население)	19 537	51 (0,26 %)	22/28	27	12/15	24	10/13
Верещагинский район	46 455	27 (0,06 %)	15/12	13	9/4	14	6/8
Городское население Верещагинского района	27 077	13 (0,04 %)	4/9	6	2/4	7	2/5

1	2	3	4	5	6	7	8
Сельское население Верещагинского района	19378	14 (0,07 %)	11/3	7	7/–	7	4/3
Горнозаводский район	38150	163 (0,43 %)	92/71	88	45/43	75	47/28
Городское население Горнозаводского района	30725	108 (0,35 %)	54/54	60	26/34	48	28/20
Сельское население Горнозаводского района	7425	55 (0,74 %)	38/17	28	19/9	27	19/8
Добрянский район	54642	166 (0,03 %)	97/69	76	44/32	90	53/37
Городское население Добрянского района	34276	71 (0,21 %)	31/40	29	11/18	42	20/22
Сельские местности Добрянского района	20366	95 (0,47 %)	66/29	47	33/14	48	33/15
Еловский район (сельское население)	15735	653 (4,15 %)	336/317	287	123/164	366	213/153
Ильинский район	27500	26 (0,09 %)	15/11	15	9/6	11	6/5
Городское население Ильинского района	13245	14 (0,11 %)	7/7	6	4/2	8	3/5
Сельское население Ильинского района	14255	12 (0,08 %)	8/4	9	5/4	3	3/–
Карагайский район (сельское население)	25749	32 (0,12 %)	18/14	14	5/9	18	13/5
Кишертский район	20271	12 (0,06 %)	7/5	6	2/4	6	5/1
Городское население Кишертского района	2631	4 (0,15 %)	3/1	1	1/–	3	2/1
Кишертский район (сельское население)	17640	8 (0,05 %)	4/4	5	1/4	3	3/–

1	2	3	4	5	6	7	8
Красновишерский район	32 666	88 (0,27 %)	43/45	51	27/24	37	16/21
Городское население Красновишерского района	15 755	23 (0,15 %)	9/14	13	7/6	10	2/8
Сельское население Красновишерского района	16 911	65 (0,38 %)	34/31	38	20/18	27	14/13
Куединский район	37 821	1808 (4,78 %)	1105/702	799	432/367	1009	673/335
Городское население Куединского района	8 141	121 (1,49 %)	86/35	56	42/14	65	44/21
Сельское население Куединского района	29 680	1687 (5,68 %)	1019/667	743	390/353	944	629/314
Кунгурский район (сельское население)	50 489	64 (0,13 %)	42/22	26	16/10	38	26/12
Лысьвенский район	15 827	54 (0,34 %)	37/17	22	16/6	32	21/11
Городское население Лысьвенского района	2 534	8 (0,32 %)	4/4	2	2/–	6	2/4
Сельское население Лысьвенского района	13 293	46 (0,35 %)	33/13	20	14/6	26	19/7
Нытвенский район	46 590	113 (0,24 %)	64/49	53	30/23	60	34/26
Городское население Нытвенского района	30 462	73 (0,24 %)	34/39	36	17/19	37	17/20
Сельское население Нытвенского района	16 128	40 (0,25 %)	30/10	17	13/4	23	17/6
Октябрьский район	42 508	372 (0,88 %)	245/126	171	109/61	201	136/65
Городское население Октябрьского района	15 958	145 (0,91 %)	82/63	66	39/27	79	43/36
Сельское население Октябрьского района	26 550	227 (0,85 %)	263/63	105	70/34	122	93/29

1	2	3	4	5	6	7	8
Ординский район (сельское население)	19 292	13 (0,07 %)	8/5	12	8/4	1	–/1
Осинский район	35 137	110 (0,31 %)	65/45	48	31/17	62	34/28
Городское население Осинского района	20 485	81 (0,4 %)	50/31	36	23/13	45	27/18
Сельское население Осинского района	14 652	29 (0,2 %)	15/14	12	8/4	17	7/10
Оханский район	18 607	90 (0,48 %)	65/25	36	26/10	54	39/15
Городское население Оханского района	6 947	16 (0,23 %)	8/8	6	3/3	10	5/5
Сельское население Оханского района	11 660	74 (0,63 %)	57/17	30	23/7	44	34/10
Очёрский район	27 304	131 (0,48 %)	55/76	68	22/46	63	33/30
Городское население Очёрского района	19 232	50 (0,26 %)	10/40	37	8/29	13	2/11
Сельское население Очёрского района	8 072	81 (1 %)	45/36	31	14/17	50	31/19
Пермский район	85 409	326 (0,38 %)	196/130	153	90/63	173	106/67
Городское население Пермского района	23 604	104 (0,44 %)	68/36	48	30/18	56	38/18
Сельское население Пермского района	61 805	222 (0,36 %)	128/94	105	60/45	117	68/49
Сивинский район	20 650	17 (0,08 %)	12/5	13	9/4	4	3/1
Городское население Сивинского района	2 564	1 (0,04 %)	–/1	1	–	–	–
Сельское население Сивинского района	18 086	16 (0,09 %)	12/4	12	9/3	4	3/1
Соликамский район	18 764	46 (0,25 %)	25/21	27	14/13	19	11/8
Городское население Соликамского района	1 850	4 (0,22 %)	–/4	4	–/4	–	–

1	2	3	4	5	6	7	8
Сельское население Соликамского района	16914	42 (0,25 %)	25/17	23	14/9	19	11/8
Суксунский район	25729	8 (0,03 %)	3/5	4	2/2	4	1/3
Городское население Суксунского района	8643	2 (0,02 %)	1/1	–	–	2	1/1
Сельское население Суксунского района	17086	6 (0,04 %)	2/4	4	2/2	2	–/2
Уинский район (сельское население)	16195	19 (0,12 %)	14/4	10	7/2	9	7/2
Усольский район	19886	42 (0,21 %)	24/17	17	11/6	25	13/11
Городское население Усольского района	10058	4 (0,04 %)	2/2	2	1/1	2	1/1
Сельское население Усольского района	9828	38 (0,39 %)	22/15	15	10/5	23	12/10
Чайковский район (сельское население)	16498	470 (2,85 %)	243/227	198	81/17	272	162/110
Частинский район (сельское население)	15776	80 (0,51 %)	53/27	49	29/20	31	24/7
Чердынский район	41 508	82 (0,2 %)	55/27	51	34/17	31	21/10
Городское население Чердынского района	17957	38 (0,21 %)	27/11	24	17/7	14	10/4
Сельское население Чердынского района	23551	44 (0,17 %)	28/16	27	17/10	17	11/6
Чернушинский район	47 911	1084 (2,26 %)	725/354	511	306/201	573	419/153
Городское население Чернушинского района	27 719	352 (1,27 %)	214/138	185	106/79	167	108/59
Сельское население Чернушинского района	20 192	732 (3,63 %)	511/216	326	200/122	406	311/94

1	2	3	4	5	6	7	8
Чусовской район	35072	90 (0,26 %)	51/39	44	22/22	46	29/17
Городское население Чусовского района	23033	75 (0,33 %)	43/32	36	18/18	39	25/14
Сельское население Чусовского района	12039	15 (0,12 %)	8/7	8	4/4	7	4/3
Коми-Пермяцкий автономный округ Пермской области¹²⁹	172039	303 (0,18 %)	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Гайнский район	22731	95 (0,42 %)	42/52	46	16/30	49	26/22
Городское население Гайнского района	4169	8 (0,19 %)	3/5	3	1/2	5	2/3
Сельское население Гайнского района	18562	87 (0,47 %)	39/47	43	15/28	44	24/19
Косинский район (сельское население)	11274	10 (0,09 %)	6/4	5	1/4	5	5/–
Кочёвский район (сельское население)	15018	13 (0,09 %)	7/6	6	5/1	7	2/5
Кудымкарский район (сельское население)	43251	6 (0,01 %)	4/2	2	2/–	4	2/2
Кудымкар	29438	23 (0,08 %)	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Юрлинский район	17695	22 (0,12 %)	16/6	13	10/3	9	6/3
Юсьвинский район	32632	31 (0,09 %)	9/21	9	4/5	22	5/16
Городское население Юсьвинского района	9042	10 (0,11 %)	5/5	5	4/1	5	1/4
Сельское население Юсьвинского района	23590	21 (0,09 %)	4/16	4	–/4	17	4/12

*Составлено и подсчитано по: ГАПК. Ф. р. 493. Оп. 19. Д. 302–303.

Таблица 14

Чуваши в Пермской области в 1989 году*

Район	Всего	Всего чувашей (%)	Чувашей с родным языком / с русским	Всего мужчин чувашей	Всего мужчин чувашей с родным языком / с русским	Всего женщин чувашек	Всего женщин чувашек с родным языком / с русским
1	2	3	4	5	6	7	8
Пермская область	3 091 481	10 765 (0,35 %)	5368/5365	5354	2612/2726	5411	2756/2639
Городское население	2 391 258	6776 (0,28 %)	3312/3445	3446	1710/1725	3330	1602/1720
Сельское население	700 223	3989 (0,57 %)	2056/1920	1908	902/1001	2081	1154/919
Пермский горсовет (городское население)	1 102 387	2556 (0,23 %)	1159/1388	1243	572/664	1313	587/724
Дзержинский район	162 514	331 (0,2 %)	160/168	170	82/86	161	78/82
Кировский район	138 547	457 (0,33 %)	197/255	219	97/118	238	100/137
Ленинский район	72 607	163 (0,22 %)	79/84	82	39/43	81	40/41
Мотовилихинский район	183 575	342 (0,18 %)	157/185	170	81/89	172	76/96
Орджоникидзевский район	122 037	321 (0,26 %)	140/81	149	64/85	172	76/96
Свердловский район	237 484	512 (0,22 %)	227/284	235	110/124	277	117/160
Индустриальный район	175 628	412 (0,24 %)	190/222	211	97/14	201	93/103
РП Новые Ляды	9995	18 (0,18 %)	9/9	7	2/5	11	7/4
Александровский горсовет	44 674	179 (0,4 %)	112/66	104	66/38	75	46/28
Городское население Александровского горсовета	36 902	121 (0,33 %)	78/42	75	47/28	46	31/14
Сельское население Александровского горсовета	7772	58 (0,75 %)	34/24	29	19/10	29	15/14
Березниковский горсовет	204 266	600 (0,29 %)	344/255	355	219/136	245	125/119
г. Березники	202 138	591 (0,29 %)	339/251	352	219/133	239	120/118
Сельское население Березниковского горсовета	2126	9 (0,42 %)	5/4	3	-/3	6	5/1

1	2	3	4	5	6	7	8
Гремячинский горсовет	30 822	104 (0,34 %)	55/48	48	26/22	56	29/26
Городское население Гремячинского горсовета	30 388	104 (0,34 %)	55/48	48	26/22	56	29/26
Сельское население Гремячинского горсовета	434	– (0 %)	–	–	–	–	–
Губахинский горсовет	58 245	234 (0,41 %)	122/111	120	55/64	114	67/47
Городское население Губахинского горсовета	55 867	202 (0,36 %)	98/104	102	43/59	100	55/45
Сельское население Губахинского горсовета	2378	32 (1,35 %)	24/7	18	12/5	14	12/2
Кизеловский горсовет	61 138	261 (0,43 %)	142/118	154	84/70	107	58/48
Городское население Кизеловского горсовета	60 403	253 (0,42 %)	137/115	151	82/69	102	55/46
Сельское население Кизеловского горсовета	735	8 (1,08 %)	5/3	3	2/1	5	3/2
Краснокамский горсовет	77 033	255 (0,33 %)	116/138	133	56/76	122	60/62
Городское население Краснокамского горсовета	68 259	222 (0,33 %)	106/115	120	52/67	102	54/48
Сельское население Краснокамского горсовета	8774	33 (0,38 %)	10/23	13	4/9	20	6/14
г. Кунгур	81 410	119 (0,15 %)	62/59	59	31/26	62	31/31
Лысьвенский горсовет	77 191	79 (77) (0,1 %)	40/39	35	23/12	42	17/25
г. Соликамск	110 068	352 (0,32 %)	240/111	219	159/60	133	81/51
г. Чайковский	85 723	631 (0,74 %)	239/391	295	107/187	336	132/204
г. Чусовой	56 735	98 (0,17 %)	44/54	52	24/28	46	20/26
Бардымский район (сельское население)	29 320	7 (0,02 %)	5/–	3	3/–	4	4/–
Берёзовский район (сельское население)	19 385	18 (0,09 %)	10/8	7	4/3	11	6/5
Большесосновский район (сельское население)	16 974	48 (0,28 %)	18/30	21	5/16	27	13/14

1	2	3	4	5	6	7	8
Верещагинский район	46 121	47 (0,1 %)	27/20	26	17/9	21	10/11
Городское население Верещагинского района	28 531	25 (0,09 %)	10/15	14	6/8	11	4/7
Сельское население Верещагинского района	17 590	22 (0,13 %)	17/5	12	11/1	10	6/4
Горнозаводский район	37 301	126 (0,34 %)	69/57	70	35/35	56	34/22
Городское население Горнозаводского района	32 286	92 (0,28 %)	48/44	48	21/27	44	27/17
Сельское население Горнозаводского района	5015	34 (0,67 %)	21/13	22	14/8	12	7/5
Добрянский район	63 216	178 (0,28 %)	82/96	81	35/46	97	47/50
Городское население Добрянского района	48 638	135 (0,28 %)	56/79	61	24/37	74	32/42
Сельские местности Добрянского района	14 578	43 (0,29 %)	26/17	20	11/9	23	15/8
Еловский район (сельское население)	14 150	461 (3,26 %)	209/250	209	78/130	252	131/120
Ильинский район	24 502	20 (0,08 %)	9/11	9	4/5	11	5/5
Городское население Ильинского района	12 379	10 (0,08 %)	6/4	4	2/2	6	4/2
Сельское население Ильинского района	12 123	10 (0,08 %)	3/7	5	2/3	5	1/4
Карагайский район (сельское население)	25 870	30 (0,12 %)	11/19	11	3/8	19	8/11
Кишертский район	17 800	11 (0,06 %)	8/3	3	-/3	8	8/-
Городское население Кишертского района	2205	4 (0,18 %)	3/1	1	-/1	3	3/-
Кишертский район (сельское население)	15 595	7 (0,04 %)	5/2	2	-/2	5	5/-
Красновишерский район	30 972	72 (0,23 %)	38/34	43	24/19	29	14/15
Городское население Красновишерского района	18 755	27 (0,14 %)	14/13	18	11/7	9	3/5
Сельское население Красновишерского района	12 217	45 (0,37 %)	24/21	25	13/12	20	11/9
Куединский район	33 002	1277 (3,87 %)	597/679	598	226/371	679	371/308
Городское население Куединского района	8961	103 (1,15 %)	48/55	48	19/29	55	29/26

1	2	3	4	5	6	7	8
Сельское население Куединского района	24 041	1174 (4,88 %)	549/624	550	207/342	624	342/262
Кунгурский район (сельское население)	47 202	78 (0,17 %)	34/44	37	13/24	41	21/20
Лысьвенский район	17 015	49 (0,29 %)	31/18	21	12/9	28	19/9
Городское население Лысьвенского района	2393	8 (0,33 %)	5/3	2	1/1	6	4/2
Сельское население Лысьвенского района	14 622	41 (0,28 %)	26/15	19	11/8	22	15/7
Нытвенский район	50 500	129 (0,26 %)	58/71	60	25/35	69	33/36
Городское население Нытвенского района	35 870	93 (0,26 %)	44/49	40	17/23	53	27/26
Сельское население Нытвенского района	14 630	36 (0,25 %)	14/22	20	8/12	16	6/10
Октябрьский район	38 098	241 (0,63 %)	141/99	103	54/49	138	87/50
Городское население Октябрьского района	16 986	126 (0,74 %)	69/87	51	22/29	75	47/28
Сельское население Октябрьского района	21 112	115 (0,54 %)	72/42	52	32/20	63	40/22
Ординский район (сельское население)	17 578	9 (0,05 %)	6/3	5	2/3	4	4/-
Осинский район	35 132	135 (0,38 %)	65/70	58	29/29	77	36/41
Городское население Осинского района	23 918	97 (0,41 %)	50/47	41	22/19	56	28/28
Сельское население Осинского района	11 214	38 (0,34 %)	15/23	17	7/10	21	8/13
Оханский район	18 716	84 (0,45 %)	41/43	40	17/23	44	24/20
Городское население Оханского района	8 358	31 (0,37 %)	16/15	15	8/7	16	8/8
Сельское население Оханского района	10 358	53 (0,51 %)	25/28	25	9/16	28	16/12
Очёрский район	26 295	91 (0,35 %)	45/46	39	14/25	52	31/21
Городское население Очёрского района	19 366	44 (0,23 %)	21/23	22	7/15	22	14/8
Сельское население Очёрского района	6 929	47 (0,68 %)	24/23	17	7/10	30	17/13
Пермский район	88 460	268 (0,30 %)	144/124	117	67/50	151	77/74
Городское население Пермского района	24 458	61 (0,25 %)	33/28	32	16/16	29	17/12

1	2	3	4	5	6	7	8
Сельское население Пермского района	64002	207 (0,32 %)	111/96	85	51/34	122	60/62
Сивинский район	18732	15 (0,08 %)	9/6	9	5/4	6	4/2
Городское население Сивинского района	2284	–	–/–	–	–/–	–	–/–
Сельское население Сивинского района	16448	15 (0,09 %)	9/6	9	5/4	6	4/2
Соликамский район	19800	105 (0,53 %)	76/29	75	58/17	30	18/12
Городское население Соликамского района	1757	7 (0,39 %)	5/2	4	4/–	3	
Сельское население Соликамского района	18043	98 (0,54 %)	71/27	71	54/17	27	17/10
Суксунский район	23582	15 (0,06 %)	8/7	8	6/2	7	2/5
Городское население Суксунского района	8891	5 (0,06 %)	2/3	2	1/1	3	
Сельское население Суксунского района	14691	1 (0,01 %)	6/4	6	5/1	4	1/3
Уинский район (сельское население)	14058	10 (0,07 %)	4/5	4	2/2	6	2/3
Усольский район	16086	23 (0,14 %)	15/8	10	6/4	13	9/4
Городское население Усольского района	8683	5 (0,06 %)	5/–	3	3/–	2	2/–
Сельское население Усольского района	7403	18 (0,24 %)	10/8	7	3/4	11	7/4
Чайковский район (сельское население)	16909	401 (2,37 %)	188/212	167	64/102	234	124/110
Частинский район (сельское население)	14439	49 (0,34 %)	20/29	23	7/16	26	13/13
Чердынский район	40571	218 (0,54 %)	171/47	184	152/32	34	19/15
Городское население Чердынского района	17629	70 (0,4 %)	47/23	51	39/12	19	8/11
Сельское население Чердынского района	22942	148 (0,65 %)	124/24	133	113/20	15	11/4
Чернушинский район	50751	861 (1,7 %)	428/430	391	168/222	470	260/206
Городское население Чернушинского района	33675	420 (1,25 %)	192/228	199	86/113	221	106/115
Сельское население Чернушинского района	17076	441 (2,58 %)	236/202	192	82/109	249	154/93

1	2	3	4	5	6	7	8
Чусовской район	30665	86 (0,28%)	53/33	43	24/19	43	29/14
Городское население Чусовского района	20694	56 (0,27%)	32/24	27	13/14	29	19/10
Сельское население Чусовского района	9971	30 (0,3%)	21/9	16	11/5	14	10/4

* Составлено и подсчитано по: ГАПК. Ф. р. 493. Оп. 19. Д. 375. Распределение населения по национальности и родному языку за 1989 год.

¹ Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. Уфа, 2002. С. 181.

² Там же. С. 181–182.

³ Дмитриев А. А. Пермская старина. Вып. VIII. Пермь, 1900. С. 126–127.

⁴ Преображенский А. А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в. М., 1956. С. 90.

⁵ Там же.

⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Д. 226. Л. 292 (об.) – 293.

⁷ Там же. Л. 283–284.

⁸ Там же. Л. 320 (об.).

⁹ Там же. Л. 322 (об.) – 324.

¹⁰ Там же. Л. 301–302.

¹¹ Там же. Л. 294–296.

¹² РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 744. См. также Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII – первой половине XIX в. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1995. С. 46–47.

¹³ Чагин Г. Н. Этническая ситуация в Сылвенско-Иренском бассейне в XVII–XVIII веках (к проблеме формирования этнической карты Урала) // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2013. № 2. С. 7.

¹⁴ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1629, 1625.

¹⁵ Цит. по: Тулвинские татары и башкиры: этнографические очерки и тексты. Пермь, 2004. С. 263.

¹⁶ Коровушкин Д. Г., Лоткин И. В., Смирнова Т. Б. Неславянские этнодисперсные группы Западной Сибири. Новосибирск, 2003. С. 28–29; Коровушкин Д. Г. Чуваши в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX – начале XXI в. Новосибирск, 2009. С. 66.

¹⁷ Коровушкин Д. Г., Лоткин И. В., Смирнова Т. Б. Указ. соч. С. 29.

¹⁸ Народы Башкортостана... С. 182–183.

¹⁹ Коровушкин Д. Г., Лоткин И. В., Смирнова Т. Б. Указ. соч. С. 29.

²⁰ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 29–32. Губернии: Орловская, Пензенская, Пермская, Подольская. СПб., 1904. Т. XVI. С. 96–97.

²¹ Там же. С. 188–189.

²² Гросман В. Ю. Летопись Сивинского имения // Вестник землеустройства Северного района. 1913. № 20. С. 4–5. Более подробно смотри также: Черных А. В., Голева Т. Г., Шевырин С. А. Эстонцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб.: Изд-во «Маматов», 2010. С. 45–55; Белорусы в Пермском крае: очерки истории и этнографии / А. В. Черных, Т. Г. Голева, М. С. Каменских, С. А. Шевырин. – СПб.: Изд-во «Маматов», 2013. – 288 с. 23 Поездка в Сивинское имение // Пермские губернские ведомости. 1909. 12 сент.

²³ Поездка в Сивинское имение // Пермские губернские ведомости. – 1909. – 12 сент.

²⁴ Там же.

²⁵ Справка о положении иногубернских и иноуездных переселенцев в Сивинском имении, согласно данным подворной переписи 1910 г. Пермь, 1911.

²⁶ Там же. С. 4.

²⁷ ГАПК. Ф. 204. Оп. 1. Д. 98. Л. 5 (об.); Ф. 719. Оп. 9. Д. 1262.

²⁸ ГАПК. Ф. 204. Оп. 1. Д. 98. Л. 5 (об.).

²⁹ ГАПК. Ф. 719. Оп. 9. Д. 1262, 1268, 1253.

³⁰ ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12155. Л. 47–48.

³¹ ГАПК. Ф. 719. Оп. 9. Д. 1262, 1268, 1264, 1253.

³² Поездка в Сивинское имение...

³³ Там же.

³⁴ ГАПК. Ф. 204. Оп. 1. Д. 11. Л. 13.

³⁵ Поездка в Сивинское имение...

³⁶ Список населённых пунктов Уральской области. Т. VIII. Пермский округ. Свердловск, 1928. С. 322, 324.

³⁷ Там же. С. 322.

³⁸ К сожалению, к настоящему времени в архивных собраниях не выявлены документы, освещающие выделение данной земельной дачи и её приобретение переселенцами, поэтому информация об освоении этих территорий остаётся неполной.

³⁹ ГАПК. Ф. 719. Оп. 6. Д. 237.

⁴⁰ Там же. Д. 238, Л. 51 (об.).

⁴¹ Там же. Л. 103 (об.), 111 (об.).

⁴² Там же. Л. 158 (об.).

⁴³ Там же. Д. 237. Л. 191.

⁴⁴ Список населённых пунктов Уральской области. Т. VI. Кунгурский округ. Свердловск, 1928. С. 52.

⁴⁵ ГАПК. Ф. р–493. Оп. 19. Д. 19, 21.

⁴⁶ *Вайман Д. И., Черных А. В.* Немецкие хутора Прикамья: история и традиционная культура (XX – начало XXI в.). СПб.: Изд-во «Маматов», 2008.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1247. Л. 20.

⁴⁸ Там же. Л. 15.

⁴⁹ Составлено и подсчитано по: Национальный состав населения обоего пола по округам Уральской области (по данным переписи 1920 г.) // Уральский статистический ежегодник 1923–1924 гг. / Сер. 1. Т. 1. Свердловск, 1925. С. 33.

⁵⁰ Результаты переписи были посчитаны и опубликованы в 1923 году, когда территория Пермской губернии уже была разделена на округа в составе Уральской области. Всего на территории Прикамья было размещено четыре округа – Верхне-Камский, Кунгурский, Пермский и Сарапульский. Коми-Пермяцкий округ был образован в 1925 году, и перепись 1920 года его не учитывала.

⁵¹ *Коровушкин Д. Г.* Чуваши в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX – начале XXI в. Новосибирск, 2009. С. 68.

⁵² История Чувашии новейшего времени: В 2 кн. / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. – Чебоксары: Изд-во ЧГИГН, 2001. Кн. 1: 1917–1945 / *А. В. Изоркин, В. Н. Клементьев, Г. А. Александров*; Предисл. И. И. Бойко. 2001. С. 162.

⁵³ История Чувашии новейшего времени... С. 162.

⁵⁴ *Иванов В. П.* Формирование чувашской диаспоры // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. М.: Наука, 2003. Вып. 29. С. 117.

⁵⁵ Исследованы фонды архивных учреждений Москвы, Пермского края, Республики Удмуртия.

⁵⁶ Составлено на основе документов ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29512; Д. 33095; Д. 29552; Д. 27436; Д. 9543, Т. 1, 2; Д. 28744; Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12155; Д. 15874, Т. 1, 2; Д. 14440.

- ⁵⁷ Составлено на основе документов ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29512; Д. 33095; Д. 29552; Д. 27436; Д. 9543, Т. 1, 2; Д. 28744; Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12155; Д. 15874, Т. 1, 2; Д. 14440.
- ⁵⁸ Составлено на основе документов ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29512.
- ⁵⁹ ЦГА УР. Ф. 370-р. Оп. 1. Д. 571, 768, 772, 773, 560, 790.
- ⁶⁰ ЦГА УР. Ф. 70-р. Оп. 1. Д. 768. Л. 122.
- ⁶¹ ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29512. Л. 9.
- ⁶² Там же. Д. 33095. Л. 4.
- ⁶³ ПермГАНИ. Ф. 643/2.1. Д. 9543. Т. 2. Л. 171.
- ⁶⁴ Там же. Т. 1. Л. 29.
- ⁶⁵ Там же. Л. 49.
- ⁶⁶ Там же. Л. 88.
- ⁶⁷ Там же. Л. 89.
- ⁶⁸ Там же. Л. 105.
- ⁶⁹ ЦГА УР. Ф. 370-р. Оп. 1. Д. 768. Л. 129.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14440. Л. 155 (об.).
- ⁷² ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 5345. Л. 12.
- ⁷³ Там же. Д. 28744. Л. 5.
- ⁷⁴ Там же. Д. 28744. Л. 201.
- ⁷⁵ Там же. Д. 15874. Л. 14–15.
- ⁷⁶ ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6685. Л. 16.
- ⁷⁷ ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29512. Л. 14.
- ⁷⁸ Цит. по: Это нужно потомкам // Куединский вестник. 2002. 16 апр.
- ⁷⁹ ООНКЦЧПК. Письма семьи Яковлевых.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ *Четкасов Л. И.* Деревня родная моя. Пантелеевка, 2010.
- ⁸² История Чувашии новейшего времени. Кн. 1... С. 162.
- ⁸³ Составлено на основе документов ПермГАНИ... Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29512; Д. 33095; Д. 29552; Д. 27436; Д. 9543, Т. 1, 2; Д. 28744; Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12155; Д. 15874, Т. 1, 2; Д. 14440; Д. 12859; Д. 234; Д. 6744; Д. 16530.
- ⁸⁴ Составлено на основе документов ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29512.
- ⁸⁵ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Уральский регион. Сборник материалов. Екатеринбург: Изд-во гуманитарного ун-та, 2002. С. 132.
- ⁸⁶ Там же. С. 133.
- ⁸⁷ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 138. Л. 6.
- ⁸⁸ Там же. Оп. 14. Д. 135. Л. 82.
- ⁸⁹ Там же. Оп. 16. Д. 432. Л. 13–18.
- ⁹⁰ ГАПК. Ф. 476. Оп. 2. Д. 4349. Л. 6, 2.
- ⁹¹ Для справки: Калужская область – 67,1%, Горьковская область – 73,4%, Брестская область – 25%, Мордовская АССР – 16,2%. ГАРФ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 606. Л. 20.
- ⁹² Поле прибытия в Молотовскую область многие переселенцы меняли место жительства, многие, судя по отчётам, возвращались назад. Однако учёт выбывших переселенцев системно не вёлся. Представленные данные отражают только количество прибывших переселенцев.
- ⁹³ Подр. о льготах см.: Переселяйтесь к нам в Молотовскую область. Молотовское книжное издательство, 1956. С. 52–54.
- ⁹⁴ ГАРФ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 606. Л. 8–10.
- ⁹⁵ Там же. Д. 682. Л. 7.

- ⁹⁶ Переселяйтесь к нам в Молотовскую область... С. 48.
- ⁹⁷ Там же. С. 52–54.
- ⁹⁸ ГАПК. Ф. 322-р. Оп. 1. Д. 650. Л. 7–8.
- ⁹⁹ Переселяйтесь к нам в Молотовскую область... С. 52–56.
- ¹⁰⁰ ГАПК. Ф. 658-р. Оп. 1. Д. 83.
- ¹⁰¹ Белорусы в Пермском крае... С. 220–221.
- ¹⁰² ГАПК. Ф. 322-р. Оп. 1. Д. 650. Л. 1 (об.).
- ¹⁰³ Там же. Л. 1 (об.).
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 6.
- ¹⁰⁵ Там же. Л. 1.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 3.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 9.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 10.
- ¹⁰⁹ Там же. Л. 10.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 11.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² ГАРФ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 606. Л. 13.
- ¹¹³ ГАПК. Ф. 1271-р. Оп. 1. Д. 127, 128, 131, 137.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ В состав треста «Вишерлес» входили Красновишерский, Говорлинский и Комарихинский ЛПХ. См.: ГАПК. Ф. р. 1074. Оп. 6. Д. 200. Л. 36.
- ¹¹⁶ В состав треста «Комипермлес» входили Булатовский, Велвенский, Визайский, Гайнский, Верх-Камский, Доеговский, Косинский, Кочёвский, Крохалевский, Пятигорский, Тукачевский, Юрлинский, Эрнский ЛПХ. См.: ГАПК. Ф. р. 1074. Оп. 6. Д. 200. Л. 11.
- ¹¹⁷ В состав треста «Кунгурлес» входили Ветлянский, Кухтымский, Таборский, Шушпанский, Нижне-Луховской, Асовский, Бизарский, Щучьеозёрский, Фокинский и Кордонский ЛПХ. См.: ГАПК. Ф. р. 1074. Оп. 6. Д. 200. Л. 11.
- ¹¹⁸ В состав треста «Уралзападлес» входили Ветлянский, Вивенский, Вогульский, Городищенский, Комарихинский, Косвинский, Кухтымский, Пермилынский, Полазненский, Сивинский, Шушпанский и Шемейный ЛПХ. См.: ГАПК. Ф. р. 1074. Оп. 6. Д. 200. Л. 27.
- ¹¹⁹ В состав треста «Чусовлес» входили Славная контора, Вижайский, Верх-Яйвинский, Добрянский, Кыновский, Лысьвенский, Теплогорский, Усьвинский и Чермозский леспромхозы (ЛПХ). См.: ГАПК. Ф. р. 1074. Оп. 6. Д. 200. Л. 36.
- ¹²⁰ Из этих двух деревень приехало более 200 переселенцев-чувашей. См.: ГАПК. Ф. р. 1271. Оп. 1. Д. 131.
- ¹²¹ ГАПК. Ф. р. 1271. Оп. 1. Д. 131.
- ¹²² Для справки: Калужская область – 67,1%, Горьковская область – 73,4%, Брестская область – 25%, Мордовская АССР – 16,2%. ГАРФ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 606. Л. 20.
- ¹²³ ГАРФ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 682. Л. 131.
- ¹²⁴ Там же. Л. 4.
- ¹²⁵ Там же. Л. 131.
- ¹²⁶ Там же. Л. 10.
- ¹²⁷ Следует отметить, что у мужчин язык сохранялся лучше в городской среде, чем в сельской.
- ¹²⁸ В данных территориях в переписных листах в графе «Чуваши» стоят прочерки, что не является корректным, так как в общих данных значится цифра 352.
- ¹²⁹ В сохранившихся в фондах ГАПК материалах о чувашском населении в районах Коми-Пермяцкого автономного округа не отражены сведения о количестве чувашей в целом по округу (отнесены раздел «Другие национальности»), также полностью отсутствуют данные по г. Кудымкару, что не позволяет вычислить арифметически недостающие данные.

Х ОЗЯЙСТВО И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ЧУВАШЕЙ ПЕРМСКОГО ПРИКАМЬЯ

Очерк 2



Этническая культура чувашей-переселенцев на Пермской земле развивалась в сложных условиях. С одной стороны, этнокультурные комплексы адаптировались к новым природно-климатическим и ландшафтным условиям региона, к доминирующему иноэтническому, преимущественно русскому, окружению, обладающему своеобразием местных традиций. С другой стороны, переселение в 1920-е годы проходило в условиях, когда шли разрушение традиционного уклада, смена идеологических установок, значительная трансформация этнокультурных комплексов, что в условиях миграции способствовало более быстрому отказу от многих элементов традиционной культуры и замене их унифицированными элементами массовой советской культуры. Ещё одна специфика развития культуры чувашей в Пермском Прикамье состояла в том, что переселенцы были выходцами из разных районов, носителями разных локальных традиций в языке, costume, обрядности. В условиях новой родины при проживании выходцев из разных районов в одном населённом пункте происходило смешение и взаимодействие разных элементов принесённых традиций. В то же время значительная численность чувашских переселенцев, расселение одним ареалом, хотя и дисперсно в иноэтническом окружении, сохранение сельского характера расселения способствовали тому, что этническая культура сохранялась и функционировала. Однако каждый комплекс традиционной культуры (жилые и хозяйственные постройки, одежда, пища, обрядность, фольклор) по-разному трансформировался в новых условиях.

В настоящем разделе особенности развития этнокультурных комплексов в регионе показаны в основном на примере наиболее компактного ареала расселения чувашей в Пермском крае: северо-западной части Куединского района и прилегающих территорий Еловского и Чайковского районов. В данных районах сохранялись условия для передачи основных компонентов этнической культуры, так как большинство чувашского населения этого ареала составили переселенцы 1920-х годов и их потомки, которые вспоминают и воспроизводят обычаи, бытовавшие и сохранявшиеся в Пермском крае.

ХОЗЯЙСТВО

Основу традиционного хозяйства у чувашей Поволжья и Приуралья составляли земледелие и разведение домашнего скота. Главной земледельческой культурой была озимая рожь. Кроме того, чувашаи выращивали овёс, ячмень, пшеницу, полбу, горох, гречиху, из технических культур – лён и коноплю¹. Из огородных культур они издавна возделывали репу, свёклу, чеснок, лук, капусту, огурцы. С XIX века начинают увеличиваться посадки картофеля². Техника земледелия у чувашей в основных чертах была схожа с той, что использовали все народы Поволжья и Приуралья, и имела лишь локальные особенности³. В домашнем хозяйстве они разводили и содержали скот: лошадей, коров, овец, домашнюю птицу. Лошади использовались как тяговая сила, мясо домашних животных употреблялось в пищу⁴. Древние традиции имеют у чувашей бортничество, рыболовство, охота и хмелеводство⁵. Среди домашних промыслов и ремёсел, обеспечивающих крестьянское хозяйство орудиями труда, утварью, одеждой, следует назвать обработку дерева и кожи, переработку льняного и конопляного волокна, прядение и ткачество, вышивку и изготовление традиционного костюма. Среди деревенских ремесленников были плотники, валяльщики, красильщики, гончары, кузнецы, работавшие на заказ⁶. Кустарные промыслы получили развитие в таких направлениях, как бондарное, плотницкое и столярное дело, колёсное, верёвочное, рогожное производство⁷. Таким образом, наряду с земледелием и животноводством у чувашей также получили развитие другие отрасли хозяйствования, они создавали устойчивость крестьянского хозяйства, обеспечивали его необходимыми продуктами и изделиями.

Получение земельных наделов и развитие крестьянского хозяйства были главными причинами миграционных процессов чувашей в Пермское Прикамье в начале XX века – конце 1920-х годов. Первые миграционные волны чувашей принесли традиционный крестьянский уклад, развивали крестьянское единоличное хозяйство, адаптируя его к природно-климатическим особенностям более северного и таёжного Пермского Прикамья, нежели районы Поволжья, откуда происходили мигранты.

Известны лишь некоторые сведения о развитии хозяйства переселенцев-чувашей начала XX века в Сивинском имении Крестьянского поземельного банка, так как большая часть статистических материалов не выделяет сведения по разным этническим группам, обосновавшимся в имении.

В Сивинском имении банка в среднем на хуторское хозяйство приходилось 28,53 десятины, и на одну мужскую душу – 9,40 десятины⁸. Крестьянский поземельный банк, заинтересованный в ликвидации имения, предлагал льготные условия для приобретения земли⁹. При покупке земли банк требовал внесения 10% от продажной цены участка, полугодовой платёж по ссуде и оплату товарного леса на участке. Остальная сумма могла быть выдана под залог земли ссудой банка согласно его уставу¹⁰. Крестьянский поземельный банк также предлагал рассрочку платежа на значительный срок, максимально до 55,5 года¹¹. В зависимости от срока предоставления ссуды ежегодные платежи составляли с выплатой от 89 руб. 25 коп. со 100 рублей в год при 13 годах ссуды и 4 руб. 50 коп. при рассрочке на 55,5 года¹². Именно по такой схеме чаще всего и приобретали участки чувашские переселенцы. Однако при всей сложности возделывания целинных лесных участков, каких было большинство из приобретённых, они обеспечивали потребности в развитии комплексного сельскохозяйственного производства, прежде всего, земледелия и животноводства.

По данным на 1917 год, чувашские хозяйства участка № 215 Сивинского имения Крестьянского поземельного банка имели следующие показатели. Хозяйство Петра Ивановича Иванова имело 6,5 десятины земли под обработкой, два плуга, две бороны, из домашнего скота – две лошади, три коровы, пять овец и две свиньи. Хозяйство занималось также дегтярным производством¹³. Алексей Иванович Иванов из этого же участка имел восемь десятин посевов, один плуг, одну борону, две лошади, две коровы, две овцы, две свиньи¹⁴. Денис Алексеевич Алексеев обрабатывал пять десятин земли, имел один плуг, две бороны, две лошади, две коровы, четыре овцы, две свиньи¹⁵. Хозяйство Василия Тимофеевича Тимофеева возделывало шесть десятин земли, имело две коровы, три овцы, две свиньи¹⁶. Даже эти отрывочные сведения свидетельствуют, что чуваша, выходцы из Чебоксарского уезда, успешно освоили приобретённые участки, хозяйства сформировались как комплексные с развитием земледелия и животноводства, и имелись все условия для их успешного ведения.

Годы революции и Гражданской войны привели к изменению в крестьянских единоличных хозяйствах участка № 215, сократились площади посевов, в 1930-е годы уменьшается количество скота, в то же время появляются и распространяются механические сельскохозяйственные машины¹⁷. Следующий этап развития крестьянских хозяйств этих территорий связан с коллективизацией сельского хозяйства, созданием колхозов.

Если переселенцы начала XX века создали крестьянские хозяйства и успешно занимались сельскохозяйственным производством в условиях Пермского Прикамья, то переселение конца 1920-х годов пришлось на начало коллективизации, что не позволило чувашским крестьянам в полной мере сформировать комплекс традиционного хозяйства. Информаторы, потомки и участники переселения этого периода, так характеризуют его: *«Мы уж приехали, на другой год уже колхозы начали образовываться, в тридцатом году, без колхозов один год прожили, и всё»* (д. Дойная Куединского района); *«В 1928 году родители приехали из Чувашии, сначала единолично жили, в 1930-м вступили в колхоз, отдали плуг, бороны, семена»* (с. Пантелеевка Куединского района).

Однако и до вступления в коллективные хозяйства чувашами были приобретены или получены земельные наделы, привезён или куплен скот, сформировано крестьянское единоличное хозяйство. Так, в деревне Батманы Усинского района зажиточным считалось хозяйство Н. Ф. Шоркина: *«Прибыл из ЧАССР в 1928 году. Хозяйство купил в 1928 году за 2000 руб. И имелось в хозяйстве одна изба, две конюшни, один амбар, один погреб и сруб. Скота имелось: лошадь, корова, подросток, овец три-пять штук, свиней голова, посева до 5 га»*¹⁸. В деревне Коровино Усинского района хозяйство П. Я. Яковлева отмечено в 1928 году как середняцкое: *«Приехал в 1928 году. Купил хозяйство середняцкое. Имел в 1928 году земли восемь десятин, посевов четыре десятины, двух лошадей, двух коров, мелкого скота три головы. Дом с сенями, два амбара, три конюшни»*¹⁹. В деревне Дойная Усинского района хозяйство Н. К. Частоколова, приехавшего в село в 1929 году, имело земли 10 га, посевов пять га, коров одна голова, лошадей одна голова, мелкого скота 10 голов²⁰; хозяйство Ф. И. Ионова – земли 15 га, посева до пяти га, лошадей одна, коров одна, овец до семи голов²¹; хозяйство Г. И. Ильина – земли 10 га, посева до пяти га, лошадей одна, коров одна, овец до 10 голов²²; хозяйство Т. Е. Ефремова – земли 12 га, посева четыре га, лошадей одна, коров одна, овец до семи голов²³. Таким образом, среднее хозяйство чувашей-переселенцев уже на новой родине до вступления в колхозы включало до пяти десятин посевов, лошадь, корову и несколько голов мелкого скота, что обеспечивало потребность в необходимых продуктах и рабочей силе.

В условиях коллективных хозяйств земледелие выходит из сферы частного крестьянского хозяйства, однако отдельные технологии и навыки земледелия и переработки его продуктов продолжают оставаться актуальными. Среди них вплоть до 1950-х годов не утрачивались

навыки жатвы серпом и молотбы цепами, переработки зерна для круп и для муки, в том числе с использованием ручных мельниц и ступ.

Наличие в Пермском Прикамье достаточного количества пастбищных угодий и сенокосов, в отличие от районов Поволжья, явилось, видимо, главной причиной существенного развития *животноводства* и обеспеченности хозяйств скотом. И если земледелие с 1930-х годов развивалось преимущественно в коллективных хозяйствах, то животноводство продолжало и продолжает развиваться как хозяйственный комплекс в чувашских подворьях. Чуваш и в Пермском Прикамье в домашнем хозяйстве держали коров, овец, свиней, домашнюю птицу. В летнее время наступал пастбищный период содержания скота. Для русских традиций южных районов Пермского края был характерен летний выпас скота без пастуха на огороженных поскотинах, в Поволжье же скот чаще пасли с пастухом. В Пермском Прикамье чуваш и сохранили пастушеский выпас скота, а в советское время он стал доминировать и у соседнего русского населения. Чувашами были перенесены и сохранены и комплекс мировоззренческих представлений, связанный с пастухом, и развёрнутые ритуалы первого выгона скота на пастбище (см. раздел о календарных праздниках и обрядах). Для зимнего содержания скота заготавливали сено. Траву скашивали косой-литовкой. На хранение сено складывали в стога или зароды.

Огородничество также было известно и развивалось чувашами в Поволжье и Приуралье ещё до переселения в Пермское Прикамье: выращивали репу, свёклу, огурцы, капусту, лук, редьку, чеснок, тыкву, морковь, брюкву, мак²⁴. В течение XX века у пермских чувашей огородничество продолжало играть значительную роль в крестьянском хозяйстве. Со временем перечень огородных культур расширился. Уже с 1930-х годов на огородах появляются посадки томатов, сегодня на приусадебных участках можно встретить также баклажаны, перцы, фасоль и другие огородные культуры.

В Поволжье чувашам было знакомо *садоводство*, переселенцы, особенно из районов верховых чувашей, неоднократно упоминали о яблоневых садах на старой родине. Природно-климатические условия Пермского Прикамья не позволяли в полной мере воспроизвести эти навыки на новом месте. Русское население Прикамья садоводством не занималось. Однако уже в советский период в южных районах края появляются посадки яблонь и колхозные сады, в настоящее время также в крестьянских усадьбах можно встретить плодовые деревья: яблони,

груши, вишни. Однако масштабы садоводства и сегодня значительно отличаются от поволжских регионов.

Пчеловодство, известное чувашам с древности²⁵, развивалось как в регионах Поволжья, так и переселенцами в Пермском Прикамье. На новых землях южных районов Пермского края этому способствовало богатство местных лесов липой, лугов – разнотравьем, полей – посевами гречихи. Русское и удмуртское население этих районов также сохраняло и развивало пчеловодство. Поэтому развитие этой отрасли хозяйствования в Пермском Прикамье у чувашей продолжалось во взаимодействии традиций разных народов. В довоенный период в хозяйствах ещё сохранялись колодные ульи, однако постепенно их полностью вытесняют более совершенные рамочные.

Рыболовство у пермских чувашей не носило товарный и промысловый характер. Большая часть поселений, где проживали чувашаи, располагалась на небольших реках, в окрестностях нередко устраивали пруды. В прудах и реках рыбу ловили лишь для собственного потребления, и то лишь эпизодически. Среди способов рыбной ловли известны как пассивные, так и активные. Среди пассивных – использование ставных снастей, наиболее распространёнными были плетённые из ивового прута морды. К активным, наиболее популярным у пермских чувашей, можно отнести рыбную ловлю с помощью сетевого бредня, а также ужение удочкой. Промысловыми рыбами были щука, карп, окунь, карась, линь, ёрш, укляя, сорога. Эти же способы рыбной ловли были распространены и у русских на тех территориях, где проживали чувашаи.

Охота, особенно на пушных зверей – бобров, лисиц, куниц, белок, была одним из древних и традиционных занятий чувашей, однако уже к концу XIX века, по мнению исследователей, промысловая охота угасает²⁶. В Пермском Прикамье хотя и имелось значительное количество лесных массивов и дичи, охота не играет значимой роли в крестьянском хозяйстве. Отчасти это связано с тем, что развитие других отраслей хозяйства способно было обеспечить необходимыми продуктами. Охота у пермских чувашей не носит массового характера, развивается лишь на любительском уровне. Охотились в основном на лис, зайцев, волков, лосей, птицу – тетеревов и рябчиков. Такую же особенность в развитии охоты (наличие лесных массивов и промысловой дичи, но слабое развитие охотничьего промысла) отмечают исследователи сибирских чувашей²⁷.

В летний период определённую роль в хозяйстве играл **сбор ягод, грибов, дикоросов**. Чувашаи, как и соседнее русское население, активно использовали природные растительные ресурсы региона. Из ягод

в лесах и на лугах собирали землянику, клубнику, чёрную и красную смородину, малину, костянику, черёмуху. Грибы, которые использовали в пищу, – рыжики, волнушки, подосиновики, подберёзовики, белые и другие. Из дикорастущих трав собирали побеги хвоща полевого (пистики), сныть, молодой борщевик, щавель, крапиву, горькую редьку (свербига восточная). Возрастала роль сбора дикоросов в тяжёлые неурожайные и военные годы.

Потребность в обеспечении хозяйства орудиями труда, утварью, одеждой, бытовыми тканями стимулировала развитие **ремёсел и промыслов**. Домашние ремёсла были связаны с обработкой дерева, кожи, растительных волокон. Все они основывались на местном сырье. Для своих нужд и на заказ изготавливали бондарную и долблёную посуду, мебель, орудия труда, транспортные средства. Береста использовалась для изготовления туесов. Обработка лыка и плетение обеспечивали население лыковой обувью (лаптями) и плетёной утварью. Обработка кожи была связана с необходимостью изготовления обуви и упряжи. Среди женских домашних ремёсел большое распространение получили ткачество и связанная с ним обработка льняного и конопляного волокна. На ткацком стане изготавливали льняные, полушерстяные, бумажные (хлопковые) и полубумажные ткани. Ткацкие станы во время экспедиций мы наблюдали в чувашских домах ещё в 1990-е годы. Чуваши использовали как ткацкие станы, привезённые при переселении или изготовленные по традиции, так и активно пользовались русскими кроснами местных мастеров. Независимо от модели станка сохраняли технологии традиционного ткачества: нити основы ткани оставляли заплетёнными в косу, которую закрепляли в задней части стана (в отличие от русских, которые навивали основу на вал в задней части ткацкого стана). В основном ткали белый холст, цветную пестрядь, полусукно для изготовления одежды, полотенец и половиков.

Древние приёмы чувашской вышивки не получили широкого развития в Пермском Прикамье. Как правило, местные мастерицы для орнаментации предметов одежды, бытовых тканей пользовались такими, более поздними, приёмами вышивки, как гладь, вышивка крестом. Именно в этих техниках выполнено большинство изделий (рубahi, фартуки, полотенца), изготовленных уже в Пермском крае и изученных в ходе полевых исследований.

Проживание в смешанных русско-чувашских деревнях чаще всего приводило к тому, что мастера-специалисты обслуживали все хозяйства. Имелись, например, в деревнях кузнецы, обеспечивавшие нужды

крестьянских хозяйств в скобяных изделиях, ковавшие коней, чинившие железную утварь, как русские, так и чуваши, услугами которых пользовались все жители деревни, независимо от этнической принадлежности. Пимокатный промысел также развивался в русско-чувашских деревнях у обоих народов. Изготовление валяной обуви, как и продукция пимокатов, и сегодня пользуются спросом в сельских поселениях, и сегодня семейные традиции промысла продолжают сохраняться у чувашей Пермского Прикамья.

Ремёсла, развивавшиеся в деревнях у чувашей Пермского Прикамья, обеспечивали, как правило, лишь внутренние потребности хозяйства, и в большинстве своём не были ориентированы на рынок. Среди промыслов и ремёсел, связанных с внешним сбытом продукции, можно назвать *кулеткацкий*, получивший распространение в 1930-е годы. Развитию этого промысла способствовали наличие в местных лесах липы и потребности промышленности и транспорта в кулях. Однако уже к середине XX века этот промысел угасает.

Таким образом, в Пермском Прикамье в условиях адаптации к новым природно-климатическим и этнокультурным реалиям, в период существенных преобразований в крестьянском хозяйстве чуваша сохраняли и развивали лишь отдельные черты традиционного хозяйства, более всего проявившиеся в животноводстве, промыслах и ремёслах. Типологическая близость хозяйств чувашей Поволжья и русских Пермского Прикамья способствовала успешной и быстрой адаптации хозяйственных навыков. В условиях дисперсного расселения в русском окружении хозяйственные традиции развивались в тесном взаимодействии и сотрудничестве народов.

ПОСЕЛЕНИЕ, УСАДЕБНЫЙ КОМПЛЕКС, ЖИЛИЩЕ

Среди комплексов материальной культуры важным объектом этнографического изучения являются поселения. На особенностях расселения, типах и формах поселений сказывалась специфика природно-климатического ландшафта, хозяйственных занятий, традиций и форм землепользования, этнокультурных реалий²⁸.

Изучение расселения и поселенческой сети пермских чувашей имеет ряд особенностей, связанных с поздним характером миграционных процессов, разными миграционными волнами, дисперсным характером расселения в регионе, активным использованием уже сложившейся поселенческой сети территории, особенно в советский период.

Собственные чувашские поселения создали переселенцы начала XX века в Оханском и Красноуфимском уездах. В Сивинском имении Крестьянского поземельного банка переселенцы Казанской губернии имели как коллективные, так и индивидуальные формы организации хозяйства – товарищества и хутора²⁹. Однако и в товариществах, как показывают материалы начала 1920-х годов, преобладали хуторские формы организации поселений. Например, на участке № 180 Чебоксарского товарищества в качестве поселений отмечены хутора. Часто такое поселение товарищества представляло собой комплекс хуторов, расположенных в непосредственной близости друг от друга. По данным Списка населённых пунктов Уральской области, в этом районе среди чувашских поселений отмечено 12 хуторов, большинство из них однодворные³⁰. Позднее, в 1930–1940-е годы, хуторские поселения в этом районе были ликвидированы, поэтому уже в середине XX века в Сивинском районе не оставалось поселений с преобладанием чувашей.

Переселенцы Богородской волости Красноуфимского уезда имели иные формы поселений – переселенческие посёлки. Чувашаи отмечены в пяти посёлках и одном хуторе, в двух посёлках и хуторе они являлись преобладающим населением³¹. Позднее переселенческие посёлки, имевшие от 6 до 16 хозяйств, известны как деревни. Ещё в середине XX века чувашаи оставались преобладающим населением в трёх населённых пунктах данной местности – деревнях Белая Речка, Косополка и хуторе Малиновка Верх-Шуртанского сельского совета³².

Таким образом, чувашаи – переселенцы начала XX века – создавали собственные поселения, среди которых были переселенческие посёлки, деревни и хутора, то есть те же формы поселений, что были характерны в этот период для всех вновь осваиваемых земель³³.

Чувашаи, переселявшиеся в Пермское Прикамье в 1920-е и 1950-е годы, по большей части не создавали собственных поселений, а пользовались существующей переселенческой сетью, подселяясь в русские деревни и сёла. В Большеусинском районе Сарапульского округа Уральской области, например, чувашаи в конце 1920-х годов подселились в старые русские сёла Большие Кусты, Большая Уса, Пантелеевка и русские деревни – Дубленёвка, Коровино, Батманы, Дойная, Верх-Дойная, Малые Кусты, Киловка, Бормист и другие. В соседнем Еловском районе Сарапульского округа Уральской области чувашаи в этот период также обосновываются в русских деревнях Тойкино, Бараново, Плишкари, Мельничная, Большая Талица, Большие Коптелы. Подселение в русские деревни и сёла было характерно и для переселенческой кампании 1950-х годов.

По статусу данные населённые пункты относились к двум типам поселений – село и деревня. В итоге такого варианта расселения сложились смешанные русско-чувашские поселения. Соотношение русского и чувашского населения было разным, варьировалось как в разных населённых пунктах, так и в разные исторические периоды. Данные об этническом составе населённых пунктов известны по материалам переписи 1959 года и похозяйственным книгам сельских администраций (см. таблицу). В целом ряде русско-чувашских населённых пунктов Большеусинского (Куединского) районов уже в середине XX века чуваша стали преобладающим населением. В Куединском районе на территории Большекустовского сельского совета чуваша, по материалам переписи 1959 года, преобладали среди других этнических групп в следующих населённых пунктах: деревня Малые Кусты, на территории Большеусинского сельского совета – в деревнях Верх-Дойная, Дойная, Пруды, на территории Пантелеевского сельского совета – в деревнях Абрамовка, Батманы, Коровино, Дубленёвка. В значительной части деревень, где обосновались чуваша в 1920-е годы, соотношение русского и чувашского населения было примерно равным. На периферии основного ареала расселения чуваша были отмечены во многих поселениях, однако проживали лишь отдельными семьями.

**Этнический состав населённых пунктов Куединского района
и его динамика (по данным похозяйственных книг)³⁴**

Населённый пункт	Этнический состав	1938 г.	1949 г.	1958 г.	1972 г.	1989 г.	2001 г.
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>
с. Большие Кусты	Русские	792 (76,4 %)	904 (69,9 %)	658 (72,8 %)	447 (54,3 %)	381 (50 %)	544 (81,9 %)
	Чуваши	232 (22,4 %)	374 (28,9 %)	243 (26,9 %)	250 (30,4 %)	203 (25,9 %)	86 (12,9 %)
	Удмурты	–	1		89	75	25
	Другие	–	2	3	15	18	9
	Национальность не определена	13	13	–	22	105	–
	Итого:	1037	1294	904	823	782	664
		1935 г.	1949 г.	1958 г.	1980 г.	1990 г.	2002 г.
д. Малые Кусты	Русские	255 (83,9 %)	119 (56,7 %)	191 (47,5 %)	98 (47,8 %)	45 (42,9 %)	11 (27,5 %)
	Чуваши	49 (16,1 %)	34 (16,2 %)	210 (55,2 %)	107 (52,2 %)	60 (57,1 %)	27 (67,5 %)

1	2	3	4	5	6	7	8
	Другие	–	–	1	–	–	2
	Национальность не определена	–	57	–	–	–	–
	Итого:	304	210	402	205	105	40
				1960 г.	1971 г.	1990 г.	2002 г.
д. Нижний Тымбай	Русские	–	–	321 (74,5 %)	308 (77,6 %)	102 (55,7 %)	95 (62,9 %)
	Чуваши	–	–	110 (25,5 %)	84 (21,2 %)	56 (30,6 %)	22 (14,6 %)
	Удмурты	–	–	–	–	6	5
	Национальность не определена	–	–	–	5	19	29
	Итого:	–	–	431	397	183	151
				1960 г.	1971 г.	1990 г.	2002 г.
д. Верхний Тымбай	Русские	–	–	206 (74,1 %)	218 (69,9 %)	177 (75,3 %)	105 (73,9 %)
	Чуваши	–	–	72 (25,9 %)	82 (26,3 %)	57 (24,3 %)	28 (19,7 %)
	Национальность не определена	–	–	–	12	1	9
	Итого:	–	–	278	312	235	142
		1935 г.	1949 г.	1958 г.	1980 г.	1990 г.	2002 г.
д. Кашка	Русские	510 (96,9 %)	589 (81,4 %)	469 (95,3 %)	346 (93,8 %)	296 (94,6 %)	181 (90 %)
	Чуваши	16 (3 %)	89 (12,3 %)	16 (3,3 %)	16 (4,3 %)	12 (3,8 %)	9 (4,4 %)
	Другие	–	6	4	7	5	3
	Национальность не определена	–	40	3	–	–	8
	Итого:	526	724	492	369	313	201

Как видно из приведённой таблицы, численность чувашей даже на территориях относительно компактного расселения на примере одного сельского совета была различной, и их число варьировалось от 3 % до 67 % в составе населения поселений. С течением времени в значительном большинстве поселений этнический состав ещё более усложнился, стал полиэтническим, однако русское и чувашское население оставалось преобладающим. Русские поселения, в которых обосновались чуваше, сохранили свои прежние названия, бытования чувашских названий этих населённых пунктов не выявлено.

В начале 1930-х годов в Большеусинском районе появляются три моноэтнических чувашских поселения – выселки Шалам, Чёрный

ключ и Вурмеры, основанные выходцами из русско-чувашских деревень округи. Выселки как форма небольшого нового дочернего поселения от деревни или села – распространённый тип поселений в юго-западных районах Пермского Прикамья в 1920-х – начале 1930-х годов, в дальнейшем часть из них ликвидируется, а часть становится деревнями. Выселки были небольшими, включали чуть больше десятка домов: *«Деревня была чисто чувашская, Салам, Шалам, Шаламово, по-разному кто и называл. Это чувашская деревня. Одни чувашаи были. Было двенадцать домов, так из двенадцати потом в одном не жили, одиннадцать домов, сколько мы жили. Выехали мы из Верх-Дойной»* (д. Дойная Куединского района). Названные выселки были единственными моноэтническими поселениями чувашей, возникшими в ходе миграционной волны 1920-х годов.

Организация поселений, в которых проживали чувашаи, не претерпела существенных планировочных изменений, в большей части поселений Куединского района усадьбы чувашей чередовались с усадьбами русских. Отдельных «чувашских» концов, улиц и околотков поселений, как правило, создано не было. Исключение составляют лишь некоторые населённые пункты. Так, в селе Ананьино Чернушинского района была отдельная чувашская улица, которая называлась по месту их исторической родины – Канашская³⁵.

Таким образом, чувашаи Пермского Прикамья проживали в поселениях разного типа. В начале XX века они образовывали новые поселения – хутора и переселенческие посёлки, которые имели моноэтнический состав населения. Мигранты более позднего периода подселялись в русские деревни и сёла, изредка образуя новые поселения – выселки. Известные чувашам типы поселений: хутора, посёлки, выселки, деревни и сёла – были характерны для поселенческой сети Пермского Прикамья, известны были соседним народам края.

Усадьба и жилище пермских чувашей не приобрели существенных особенностей, характеризующих региональную группу. С одной стороны, переселявшиеся чувашаи покупали и занимали дома русского населения, так как в этот период наблюдались миграции русских в Сибирь и в города. Кроме того, начался процесс раскулачивания, поэтому в деревнях имелся незаселённый жилой фонд. С другой стороны, освоение сельских районов чувашами происходило в период начала коллективизации, активных трансформаций традиционной культуры, восприятия универсальных городских черт. В условиях коллективного хозяйства не было необходимости в тех усадебных постройках, которые были связаны с сельскохозяйственным производством. В интерьере

жилища в традиционную обстановку и убранство также именно в этот период активно внедряются городские формы. Для усадебного комплекса чувашей Пермского Прикамья, как и для отдельных построек – жилища, хлевов, характерно активное взаимодействие местной русской традиции и традиций, перенесённых при переселении.

Пермским чувашам в настоящее время присуще бытование нескольких планировок усадебного комплекса. Встречается однорядный тип усадьбы с закрытым двором, примыкающим к жилищу и стоящим с ним под одной крышей. Другой тип усадьбы – покоеобразная, в которой жилые и хозяйственные постройки расположены П-образно. Наиболее распространённым типом усадебного комплекса следует считать открытую усадьбу с разрозненно стоящими жилыми и хозяйственными постройками. При этом для расположения хозяйственных построек также характерно несколько вариантов, в одном они располагались позади жилища и открытого двора, в другом – сбоку. Эти два типа усадеб (покоеобразный и открытый), а также Г-образный были преобладающими в районах традиционного расселения чувашей³⁶. Изредка в Чувашском Поволжье встречались и однорядные усадьбы³⁷. Однако у соседнего русского населения в данном районе распространены те же типы – открытая и закрытая усадьбы, поэтому нет типологических признаков и чёткой границы между усадьбами русских и чувашей в этом регионе. Чувашские усадьбы в пермских деревнях не выделяются на общем фоне местной планировочной, архитектурной и строительной традиции.

Усадебный комплекс кроме жилища включал целый ряд хозяйственных построек. Обычно в усадьбе размещались конюшни и хлева *вите* для скота, пространство под крышей которых служило сеновалом. Непременной частью усадебного комплекса была также и баня *мунча*. В старых усадьбах баня располагалась на удалении от остальных построек, в настоящее время она включается в основной комплекс хозяйственных построек двора. Некоторые старые усадьбы сохраняли амбары, использовавшиеся для хранения зерна и муки, а также домашней утвари, погреба-ледники для хранения продуктов. Отдельные усадьбы также включали дровяные сараи, навесы для хранения транспортных средств и сельскохозяйственного инвентаря, колодцы. Летние кухни, известные в Поволжье, в Пермском Прикамье не получили распространения.

Архивные документы 1930-х годов сохранили некоторые данные о составе надворных построек в усадьбах чувашей Пермского Прикамья этого периода. На чувашских хуторах участка № 215 Сивинского района (Сивинское имение Крестьянского поземельного банка): усадьба

П. И. Иванова включала жилой дом, три конюшни, амбар и сарай³⁸, усадьба А. И. Иванова – жилой дом, две конюшни, два амбара и сарай³⁹, усадьба В. Т. Тимофеева состояла из жилого дома, двух конюшен, хлева, амбара и сарая⁴⁰, усадьба Д. А. Алексеева – из двух жилых домов, двух конюшен, сарая, амбара и бани⁴¹.

В деревне Батманы Большеусинского района усадьба Н. Ф. Шоркина состояла из жилой избы, двух конюшен, амбара и погреба⁴², усадьба П. Я. Яковлева в деревне Коровино этого же района – из жилого дома с сенями, двух амбаров и трёх конюшен⁴³. Таким образом, из данных материалов можно заключить, что набор построек в усадебном комплексе чувашей региона был типичным в разных районах Пермского Прикамья⁴⁴, основными в усадьбе были жилой дом, конюшни и амбары.

У чувашей Прикамья бытовало несколько вариантов жилища. Известен наиболее простой тип однокамерного дома, представляющий из себя одно жилое помещение с пристроенными к нему дощатыми сенями. Наиболее распространённым следует признать двухкамерное жилище с одним жилым помещением и холодными срубными сенями. С середины XX века большую популярность приобрёл пятистенник, жилое пространство которого разделено одной капитальной стеной. Жилище в варианте изба-сени-клеть или изба-сени-изба не получило распространения у чувашей Прикамья. Такие избы были более характерны для традиционного русского жилища региона, они использовались чувашами, если только были приобретены готовыми у русских, однако при возведении новых усадеб не воспроизводились. Все описанные типы жилища чувашей были свойственны русскому населению региона. При проведении полевого исследования информаторы указывали на некоторые специфические особенности жилища чувашей, в первые годы после переселения воспроизводимые в Пермском Прикамье. Если русские избы строили на высоком подклете, то чуваша – на низком. Хотя с течением времени различия в высоте жилища также были нивелированы.

При возведении жилых и хозяйственных построек использовались различные строительные технологии. Основным строительным материалом служили ель и сосна. Наиболее распространённым способом скрепления сруба был способ «в чашу», или «в обло», другие способы («в лапу», «в заплот») чаще использовали при возведении хозяйственных построек. Преобладающей формой крыши являлась двускатная, хотя встречается и шатровое покрытие кровли, особенно на жилых постройках. Крыши жилых построек чаще всего крылись тёсом, для хозяйственных построек до середины XX века использовалась также и солома.

Традиционный интерьер чувашского жилища в Пермском Прикамье сохранился лишь в некоторых элементах. В районах Пермского Прикамья не отмечены характерные для жилища районов Чувашии нары, являвшиеся традиционной чертой интерьера⁴⁵. Проживание в русских домах обусловило знакомство с основными особенностями интерьера русского жилища, элементы которого не только использовались, но часто и воспринимались чувашами. В ходе полевых исследований информаторы указывали на преемственность отдельных элементов устройства жилища от местного населения: *«В Чувашии у нас не было полатей, а здесь у всех полаты были, у русских всё полаты были. А потом уже строили, глядя на русских»* (д. Коровино Куединского района). Характеризуя убранство жилища в Пермском Прикамье, отмечают его простоту, незначительное число элементов мебели: *«Стол стоял, а кругом лавки, полатья были здесь»* (с. Большие Кусты Куединского района). Распространённым был обычай украшать интерьер жилища к празднику ткаными и вышитыми полотенцами. Полотенца размещали в красном углу у божницы, развешивали в простенки между окон.

Небольшое пространство жилища разделялось на функциональные зоны. Значительную часть дома занимала массивная печь. Печи были как битые, так и кирпичные, хотя пермские чувашаи отмечали, что битые печи были больше характерны для русского населения, в то время как чувашаи предпочитали строить кирпичные. Отличительной чертой конструкции печи, перенесённой в Пермское Прикамье, следует считать дополнительный очаг с привешиваемым над ним котлом. Такой очаг, характерный для традиции верховых чувашей, отмечен нами, например, в деревне Дойная. В то же время вмазанный котёл, типичный для низовых чувашей⁴⁶, в Пермском Прикамье в ходе полевых исследований у чувашей края не выявлен. Однако дополнительный очаг встречается не повсеместно. Некоторые информаторы указывали на его наличие лишь «на старой родине»: *«В Чувашии у нас висел, а здесь уже нет»* (с. Пантелеевка Куединского района). Функционально в жилище выделялась также и кухня, которая часто отделялась занавеской или дощатой перегородкой.

Интерьер современного чувашского жилища Пермского Прикамья близок городскому, в нём преобладают покупная мебель, фабричные бытовые ткани. Однако сохраняется традиционная печь, по-прежнему используемая для отопления дома и выпечки хлеба. Внутреннее пространство современного жилища часто разделяется на отдельные комнаты, особо выделяется кухня.

ТРАДИЦИОННАЯ КУХНЯ

Традиционная кухня – один из наиболее хорошо сохранившихся у пермских чувашей комплексов этнической культуры, обладающий и в настоящее время своей спецификой, являющийся одним из ярких проявлений региональной чувашской культуры, нередко выступающий её символом.

Занятия земледелием и животноводством определили основные особенности системы питания чувашей. Большая часть блюд традиционной кухни приготавливалась из продуктов земледелия и животноводства. Значимыми в рационе питания были хлебные изделия. Хлеб *çăкăр* выпекали из ржаной и пшеничной муки, нередко совмещая разные её сорта при замесе теста. Караваи из белой муки именовали *шура çăкăр*, иногда и *кулач*, из ржаной муки – *хура çăкăр* (от *хура* – чёрный, *шура* – белый). Некоторые хозяйки добавляли в хлеб и другие ингредиенты, например тёртый картофель. Считалось, что хлеб с картофелем меньше черствеет. В трудные годы пекли также суррогатный хлеб – с добавлением травяной муки. Технология приготовления хлеба была традиционной, характерной и для многих соседних народов Поволжья и Приуралья⁴⁷: для выпечки хлеба готовили хмельную закваску, хотя обычно хозяйки заквашивали тесто остатками старой квашни. С вечера к закваске подмешивали муку, квашонка ставилась в тёплое место. Утром замешивали, подгущали тесто, добавляя воду, муку и соль. Караваи выкатывали и оставляли подняться, после чего садили хлеб на лопате в печь, предварительно подготовив под печи, выметая его помелом. Летом и осенью предпочитали выпекать хлеб на капустных листьях.

Кроме собственно хлеба к хлебным изделиям чувашской кухни можно отнести разные виды лепёшек, чаще всего известные как *икерчĕ*. Из пресного теста готовили лепёшки *пашалу*, *пашалу икерчĕ*. Перед огнём печи выпекали из кислого теста *кавас икерчĕ*: «*Перед печкой ещё лепёшки пекли кавас икерчĕ, квашеное тесто и лепёшечки такие, ложкой возьмёшь, перед печкой и на сковороду*» (д. Дойная Куединского района). Термином *икерчĕ* именовали также оладьи, а позднее и блины, хотя пермские чуваше отмечали, что блины вошли в праздничный рацион уже только в Пермском Прикамье: «*Блины уже эти год стали делать, раньше у нас не делали*» (д. Дойная Куединского района). *Икерчĕ*, либо *çер улми икерчĕ* [картофельные *икерче*, лепёшки] называли большие ватрушки (на ширину сковороды) с начинкой из картофеля, реже – творога. Другое название этой выпечки – *пүремеч*.

Популярными были и пирожки *кукаль* с начинкой из картофеля, лука, капусты, гороха, творога. Небольшие пирожки из пресного теста *хуран кукли* готовили в котле, где их варили в воде. В качестве начинки для таких пирожков чаще всего использовали творог, мясо, зелёный лук с яйцом. Традиционные *хуран кукли* сравнивают с варениками или пельменями, однако обычно их делали большего размера и с разнообразной начинкой. В зимнее время такие пироги также могли приготовить, чтобы заморозить и сварить по мере необходимости. Праздничным лакомством считались колобки *ййва* – сдобное печенье без начинки. *Ййва* употребляли с чаем, выставляя перед гостями, колобки дарили детям, обходящим дома на праздник *Сурхури*.

Визитной карточкой чувашской кухни, несомненно, являлся пирог *хуплу*, популярный и у пермских чувашей. Праздничный *хуплу* был мясным, без него не обходились свадьба, новоселье, проводы в солдаты, календарные праздники, его готовили круглой формы с начинкой из баранины с добавлением картофеля или крупы, в качестве начинки использовали также говядину, свинину, мясо домашней птицы – кур и гусей. Обычно начинку в пироге выкладывали слоями, для первого слоя использовали крупу либо картофель, на который укладывали лук, а затем мясо: *«Сперва крупы положим, потом лук, потом мясо. И вверху закроем. А у меня привычка вот такая, спичками я узоры делаю постоянно. Пирог круглый, по кругу делаю узоры и в серединке тоже узоры делаю. Красиво получается»*; *«Сначала крупу надо положить. Кто пшеничную крупу кладёт, кто перловку, кто пшено, рис мы кладем теперь. На крупу можно лук, можно лук с мясом вперемешку, можно мясо с картофелем положить»* (д. Дойная Куединского района). *Хуплу* часто называли и другие пироги с разнообразной начинкой, например с рыбой *пулй хуплу*. При подаче на стол с пирога обычно снимали корку, которую ели отдельно. Интересная традиция употребления пирогов была отмечена в деревне Дойной: *«У нас ещё делали, пирог-то испекут и в суп. Мама картофельный пирог из печи достанет, потом в котёл, в суп, он очень вкусный получается. Ненадолго, чтоб он смягчился. Очень хорошо, вкусный. У нас делали так»*.

В повседневном рационе питания большое место занимали каши *пйтй*. Каши готовили из круп домашнего приготовления, а позднее и из покупных – гречи, пшена, полбы, ячменя, гороха. Каши варили как на воде, так и на молоке и мясном бульоне. Чувашской кухне были известны также кисели *кёсел*, в ранние периоды были больше распространены мучные кисели из овсяной муки или ржаного теста: овсяный кисель и кислый кисель. Кислый кисель готовили из хлебного теста,

разведя его водой и прокипятив, овсяный кисель – из заквашенной овсяной муки: *«Кисели мама делала раньше, овёс просеивали, процеживали, квасили и варили. Потом на улицу, зимой на снег выставит тарелку, он застынет. И в чашку ставят сладкую или солёную воду»* (д. Дойная Куединского района). Позднее большую популярность получили кисели на картофельном крахмале, молочные и ягодные.

Популярным в прошлом продуктом было толокно *тинкёле*. Чаще всего толокно готовили из пшеничных зёрен: *«Толокно мама делала мешками. Толокно сделает, за зиму мешка два-три съедим. Она пшеницу делала. Сначала замочит, потом сварит, потом сушит, потом на этой мельнице ручной смелет. А потом вот в кипяток, и оно сразу быстро всё сварится»* (д. Дойная Куединского района).

Основными блюдами в системе питания чувашей были супы и похлёбки. Они использовали два термина для названия блюда – *яшка* и *шўрне*. В некоторых случаях эти блюда считали разными, *«яшка – это как похлёбка, а шўрне – суп, похлёбка постная, а шўрне мясная...»* (д. Кашка Куединского района). В других *шўрне* считали только суп, приготавливаемый из ливера баранины во время забоя скота, а остальные супы и похлёбки именовали *яшка*: *«Суп хоть с чем, всё равно яшка. Рыбный суп тоже яшка – пулă яшки»* (д. Верхний Тымбай Куединского района); *«Суп на мясном бульоне с домашней лапшой – тоже яшка...»* (д. Малые Кусты Куединского района). Обязательно варили *шўрне* тогда, когда кололи барана или овцу, при этом на первый суп всегда шли внутренности животного: *«Мы зарежем овцу, барана, всегда шўрне варим, в котёл лёгкие, печень, рёбра, култышки, всё сложим. Лапшу или крупу, картофель добавляем»* (с. Пантелеевка Куединского района). Разница в наименовании также связана с сохранением семейными коллективами традиций разных групп чувашей. Так, по мнению этнографов, название *шўрне* для обозначения супа из бараньих потрохов, головы и ног применялось у верховых чувашей⁴⁸.

Особенностью чувашской кухни можно считать и приготовление супов с добавлением крови домашних животных и птиц, о которых неоднократно упоминали информаторы: *«Кровь в суп добавляли, мать постоянно суп варила и кровь добавляла. Куриную кровь особенно в суп клали, очень вкусно...»* (д. Верхний Тымбай Куединского района).

Некоторые похлёбки *яшка*, приготовленные с добавлением домашней лапши или клёцок, имели собственные названия. Суп с домашней лапшой называли *салма яшки*, с клёцками – *şамах яшки*. Известны были разные рецепты приготовления супа с клёцками как на мясном бульоне, так и на молочном: *«В воде сварили картошку очищенную, она поспевает.*

Молоко наливаем, потом клёцки из теста, масло добавляют – это суп чувашский...» (с. Пантелеевка Куединского района). Клёцки ели вместе с супом, а иногда выкладывали отдельно и употребляли как самостоятельное блюдо: *«Большие клёцки делали, в бульоне их варили, достают, на отдельную тарелочку и палочкой их едят. Вилоч раньше не было...»* (с. Большие Кусты Куединского района).

Мясо употребляли в варёном и жареном виде, тушили в русской печи. Для длительного хранения его солили, таким способом чаще всего заготавливали мясо на летний период. Чувашаи Пермского Прикамья употребляли в пищу баранину, говядину, свинину, мясо домашней птицы. Забой откормленного скота и птицы массово происходил поздней осенью, когда возможно было разместить мясо на длительное хранение, в летний период скот, преимущественно овец или домашнюю птицу, закалывали во время важных хозяйственных работ, к большим семейным или календарным праздникам.

Праздничными кушаньями считались домашние колбасы *тул-тармйш*, приготавливаемые во время забоя скота. Начинки для домашних колбас были разными: *«Делали кровяную колбасу, кровь берут, её разбавляют молоком, рис туда добавляют, укроп, чеснок – до того хорошая колбаса»* (с. Пантелеевка Куединского района); *«Жир искрошат. Потом крупу туда, крупу пшеничную особенно, это перемешивают и кипятком заварят, пожирнее начиняют... Ещё делали с салом и с кровью колбасу, вместо крупы – только кровь добавляли...»* (с. Большие Кусты Куединского района). До готовности колбасы варили в котле или жарили на сковороде.

Традиционным чувашским блюдом можно считать и *шёрттан* – начинённый мясом и жиром со специями бараний желудок, другим вариантом начинки была крупа с салом: *«Шёрттан делали, желудочек бараний промывался, очищался. Мясо кладут кусочками, специи, потом в печку ставят, заливают всё, в печке долго стоит, а потом его можно долго хранить...»* (с. Большие Кусты Куединского района); *«Вот набивают сало, можно свиное, мясо небольшими кусочками. Всё это в желудок набивают, потом всё это зашивается и ставится в печь. Там не один день, а несколько дней стоит. Неделю даже могут выдерживать. Пока она в объёме не становится вот такого размера, до маленького. Потом его хранят долго»* (д. Дойная Куединского района).

Баранина у чувашей была одним из наиболее употребляемых видов мяса. Уже при забое скота готовили некоторые блюда из мяса и субпродуктов: варили суп *шўрпе*, начиняли и готовили домашние колбасы.

В *шўрпе* обязательно варили голову животного, субпродукты. Печень, лёгкие, сердце либо просто помещали в кипящую воду, либо разрезали субпродукты на тонкие полоски и навивали на палку, после чего также помещали в кипящую воду: *«Осердие разрезают не до конца, помаленьку, помаленьку режут, чтобы длинное получалось, лёгкие, печень, сердце, всё, что там есть, палочку возьмут, один человек держит, а другой обвивает. Кишки вымоют, выскоблят, ими потом обматывают всё, как косу. И так всё это варят, потом, когда всё сварится, оно всё вместе, достают, разрезают на кусочки и на тарелку»* (д. Дойная Куединского района).

Голову овцы или барана также варили в *шўрпе*, затем её доставали, разрезали и ставили на стол. Пермские чувашы сохранили традицию, характерную и для чувашей метрополии⁴⁹, согласно которой голову ставили самому почётному гостю или хозяину семьи, который первый должен был её попробовать. Существовали варианты того, кому преподносили голову, в зависимости от того, чему посвящалось застолье: *«Если на день рождения, голову делают имениннику, а если просто так собрались родственники, семейный праздник, голову дают старейшему гостю в знак особого уважения»* (с. Пантелеевка Куединского района). При обычном семейном застолье голову начинал есть тот, кто закалывал животное: *«Кто режет – тот и голову ест. Баранью голову. Её опалить надо, вымыть надо, потом разрубить надо на три части. И эту голову на тарелку выставишь... Отдельно он, конечно, это всё не съест, и все едят, но сначала начинает есть тот, кто резал барана»* (д. Дойная Куединского района).

Отдельную группу в системе традиционного питания составляли молочные продукты. В пищу употребляли молоко *сёт*, простоквашу, сметану *хйма*, творог *тәйрчә*, масло *су*. Во время полевых исследований информаторы указали на молочные блюда *турăх*, *чăкăт*, *тăвара*, которые, по их мнению, характеризуют чувашскую кухню. *Турăх* – кисломолочный напиток: *«Его из молока готовят, молоко кипятят, заквашивают. Вроде простокваши, но вкуснее, вкус другой...»*. *Чăкăт*, *тăвара* – под такими названиями известны разные варианты домашних сыров и сырников⁵⁰: как домашнего сыра, так и колобков из творога, считавшихся обязательным угощением для гостей: *«Если в гости кто-то приходил, его обязательно кормили этим чакатом»*. Рецепты приготовления творожных колобков сохраняет сегодня старшее поколение пермских чувашей: *«Я чакат тоже делаю. Сначала творог сделаешь с простокваши, потом туда яички набьёшь, песочку, соли и масло. Колобки сделаешь и в печь после хлеба, хлеб испечёшь, достанешь, чтобы*

не сильно жарко было, и поставишь на доске» (д. Дойная Куединского района). К молочным блюдам можно отнести и топлёное молоко, приготавливаемое в печи: *«Топлёное молоко делаю, молоко в печь ставлю, наливаю в жаровню, ставлю в печь. Она протопится, хорошо. Потом чуть соли добавляла. Мне нравилось, летом жарко, попьёшь, оно такое. Оно густое, хорошее, со сметаной. Пенка ещё такая образуется»* (д. Дойная Куединского района). Молоко и молочные продукты употреблялись как в чистом виде, так и служили компонентами для приготовления разных блюд традиционной кухни: выпечки (молоко, сметана и масло), начинки для пирожков (творог), молочных супов и киселей. Чуваши чаще употребляли кисломолочные продукты, нежели цельное молоко⁵¹. Эти традиции сохранялись и переселенческими группами.

Из молочных продуктов в пищевой рацион входило и молозиво. Обрядовой трапезой можно считать семейный стол по случаю рождения телёнка, главным угощением были блюда из молозива от первых удоёв. В одном из вариантов молозиво запекали в печи, а затем семья садилась за стол, во время трапезы ели молозиво, пили чай и высказывали пожелания, чтобы корова и телёнок были здоровы. В деревне Дойной отмечали, что на трапезу по случаю рождения телёнка приглашали родственников и знакомых. В этом случае на стол ставили два блюда из молока первых удоёв: *«За три-четыре дня собирается это молоко, самое первое молозиво, от первых двух удоёв варят отдельно в печи. Оно густое, как сыр, получается, очень вкусное. А второе молозиво, дня четыре копят молоко и это молоко варят, оно жидковато, из него суп варят с галушками з̌амах, соседей звали»* (д. Дойная Куединского района). Молозиво по-чувашки *ёне ырри*, информаторы переводят это название как «добрая корова», от *ёне* – корова, *ырри* – от «ырь» – добрый. Исследователи предлагают переводить это название как «добрый дух коровы»⁵².

С первым молоком после отёла совершали и некоторые ритуальные действия. Войдя в дом, хозяйка брызгала молозивом на потолок, посвящая его предкам, и произносила: *«Будьте все сыты, умершие души, родственники, кого знаю, кого не знаю. Все сытыми будьте...»* (с. Пантелеевка Куединского района). Ритуалы приурочивались и к трапезе, собираемой для угощения молозивом: *«Кто первый наестся, выйдет из-за стола, ковшик воды возьмёт, всех так брызнет ещё. Чтoб молочная корова была»* (д. Дойная Куединского района).

В XX веке в Пермском Прикамье в чувашскую кухню включают и разнообразные блюда из картофеля и других овощей. Картофель

употребляли в разных видах: варёный, печёный, жареный, с растительным маслом и приправами. Картофель использовали как гарнир к мясным, грибным блюдам, солениям. Разнообразные огородные овощи – репа, брюква, тыква, свёкла, морковь, редька, капуста, огурцы, лук, чеснок – употреблялись в свежем, солёном, квашеном, варёном виде. Овощами заправляли супы и похлёбки, использовали как начинку для пирогов. Популярными блюдами были тушёный картофель с мясом, суп с капустой. Рецепты некоторых блюд и сегодня актуальны в чувашских семьях: *«Тыквы садили, так всё время тыквенны каши у нас делали. Большуща у нас семейная чашка была. Картошка, тыква и овечьё внутренне сало, вот такой кусочек положит на эту всю чашку, водой зальёт и поставит в печь. И прямо пожелтеет, порозовеет так это. И едим, ложки токо брякают»* (д. Дойная Куединского района); *«Редьку садили, редьку резали листочками тоненькими, потом солим, в воду солёную положим, и до вечера она там лежит, а потом едим»* (д. Верхний Тымбай Куединского района).

Из растительных масел пермским чувашам было известно конопляное и льняное масло домашнего изготовления, а позднее и подсолнечное, как правило, уже покупное, приобретаемое в магазинах и на базарах.

Широко использовались в пищу, особенно весной и летом, дикорастущие травы полей и лесов южной части Пермского Прикамья. Часть дикоросов употреблялась в свежем виде, другие использовались для приготовления блюд. Для супов, например, чувашаи Куединского района использовали листья молодой крапивы, лебеды, листья клевера и хмеля: *«Мама у нас и хмельные листья варила, хмельные листья, молодые листья мама собирала, в суп клала»* (д. Дойная Куединского района). В пищу употребляли также сныть, молодые побеги борщовника *пултӑран*, дудник лесной. Обычно их употребляли в отваренном виде. Весной собирали побеги хвоща полевого – пистики, которые использовали как начинку для пирогов, а также готовили селянку: заливали их яйцом, либо яйцом с молоком и запекали. В свежем виде употребляли весной горькую редьку (свербигу восточную) *майра кӗпши*, дикий щавель. Лакомством для детей были *еловчики*: *«На ёлке-то шишки-то когда появляются, они как цветут маленькие. Это всё ели мы, ребяташки. Красные, а потом шишки от них получают. А мы ели. Весной это, в марте, апреле. Из школы идёшь, наломаешь. Пока идёшь – съедим. А чё, голодные же были. Ягодой мы называли. Красные. Они маленькие шишки»* (д. Дойная Куединского района).

Грибы широко использовались в пищу пермскими чувашами отчасти оттого, что леса Пермского Прикамья богаты разными видами съедобных грибов. Часть грибов: рыжики, волнушки, грузди – чаще солились, а затем употреблялись солёными либо использовались как начинка для пирогов. Другие грибы – белые, подберёзовики, подосиновики – жарили с картофелем, из них варили грибовницу, сушили на зиму. В настоящее время также используют разные способы заготовки грибов на зиму, в том числе и современные приёмы консервирования, не только соление, но и маринование. Первые весенние грибы, которые употребляют чувашаи в Куединском районе – луговые опята, лужайники – *карта кӓмпи*.

Преимущественно в свежем и сушёном виде как начинку для сладких пирогов употребляли в пищу дикорастущие ягоды, которые собирали на лугах и в лесах в окрестностях деревень: землянику, луговую клубнику, лесную малину, черёмуху. Лесную красную смородину в основном употребляли в свежем виде, как лакомство в свежем виде ели и костянику. Уже во второй половине XX века стали варить варенье из ягод, начали культивировать и садовые ягоды: садовые землянику и клубнику, крыжовник, чёрную, красную и белую смородину, малину.

Среди традиционных **напитков** особое место отведено пиву *сӓра*. Пиво готовили обычно из ржаного солода с добавлением хмеля по особой технологии: *«Горшок или чугунок надо специальный, чтобы дырочка была, кладут на дно солому, потом разведут солод кашицей, выльют в горшок – и в печь. Когда корка сверху появится красная, готово. Дырочку ототкнут, и там бежит красное, как пиво, его всё промывают водой, промывают, если гуще надо, меньше промывают, пожисе – больше воды. Потом квасят пиво...»* (с. Большие Кусты Куединского района). Каждая хозяйка владела навыком приготовления традиционного напитка и своими особыми секретами: *«А в пиво, чтобы оно хорошо пенилось, суют кочергу раскалённую, кочергу-то, когда печь горит, накалят и раз – в чугунок. Чугунок ли, куда ли там. И пенится пиво-то. Это и от всяких сглаз, говорили, помогает. Её накалят хорошо, докрасна и сунут в кастрюлю или куда там в какой посуде. Поддержат. Это для пива, для пива делали»* (д. Дойная Куединского района). Пиво было обязательным напитком на праздниках и семейных торжествах. Исследователи отмечают, что в прошлом пиво было ритуальным напитком, «все праздники чувашаи устраивали только с пивом»⁵³.

Среди алкогольных напитков известна пермским чувашам и брага *кӓрчама*, ранее изготавливаемая на меду, а позднее и на основе других

ингредиентов. Под разными названиями известен в Пермском Прикамье чувашам крепкий алкогольный напиток домашнего приготовления – самогон – *самогон, с́макун, эрех, анишарли, кумышка*. Эти термины в некоторых случаях использовались как синонимы в разных группах пермских чувашей, в других случаях обозначали напитки разной крепости, покупной алкоголь: «*Самогонка, говорили у нас, сколько я помню, все самогонка говорили*»; «*Кумышка – это тоже такая же самогонка, но кто как говорил*» (д. Дойная Куединского района); «*Кумышка – она слабенькая самогонка, без сахара её гнали, только мука, свёкла, картошка там*» (с. Пантелеевка Куединского района); «*Бабушка у нас про самогон всегда эрех говорила, а другие эрех называют только водку магазинную, а бабушка казёнка говорила про водку*»; «*Самогонку тогда гнали, самогонка по-чувашски эрех, эрех надо делать говорили*» (с. Большие Кусты Куединского района); «*Чисто чувашская самогонка анишарли, она слабая, не больше двадцати градусов, раньше её из свёклы, из муки, из картошки делали, песку [сахару] не было. Старались пить почему-то её тёплой...*» (д. Дойная Куединского района).

Обычными, повседневными напитками у чувашей Пермского Прикамья были вода, настои и отвары трав, чай, квас, кисломолочные напитки. Воду для питья брали в природных источниках и колодцах. Повседневными напитками стали травяной и чёрный чай. В традиционной кухне чувашей Пермского Прикамья, сформировавшейся в XX веке, чай был распространён достаточно широко. В летний период для утоления жажды готовили специальные напитки, например отвар хмеля – хмельную воду *х́млашыв*: «*Обычно хмель вот вскипятят, хмельную воду пили, вот она жажду утоляет в жаркую погоду*» (д. Дойная Куединского района). Квас как повседневный напиток, отмечают старожилы, вошёл в активное употребление только в Пермском Прикамье: «*У чувашей я квас не видела никогда, только пиво. А здесь уже стали делать квас...*» (д. Малые Кусты Куединского района); «*Квас у нас не делали, только русские*» (с. Большие Кусты Куединского района); «*Квас чувашки как-то мало делали, всё пиво больше*» (д. Дойная Куединского района). Квас и в районах Поволжья у чувашей получил слабое распространение, был заимствован у русских и больше был характерен для тех районов, где наблюдались активные контакты между народами⁵⁴. В летний период употребляли и кисломолочные напитки, пахту *су уйранё*, кислое молоко *турях*, иногда разведённое водой *турях уйранё*.

Поскольку чувашки находились в иноэтническом окружении, их кухня испытала влияние русских традиций. Это проявлялось в появлении

некоторых заимствованных блюд и напитков: пельменей, небольших шанег из пресного теста, кваса, в широком употреблении в пищу грибов, местных дикоросов и др. Со второй половины XX века в традиционную кухню проникают инновации, обусловленные интеграционными процессами в стране и мире, появились новые продукты питания, широкое распространение получают новые блюда. Однако по-прежнему многие рецепты традиционной чувашской кухни в Пермском Прикамье не забыты, их можно встретить, прежде всего, на праздничном и обрядовом столах, семейных трапезах.

ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ

Традиционный костюм – один из значимых маркеров этнической культуры. Чуваши создали яркий и самобытный комплекс традиционного костюма, бытовавшего в разных региональных и локальных вариантах⁵⁵. Сохранение элементов традиционного костюма характеризует чувашское население Пермского края. В то же время в Пермском Прикамье не сложилось собственного регионального комплекса чувашского костюма с присущими только ему особенностями. Чувашский костюм Пермского Прикамья можно охарактеризовать как комплекс смешанного типа, для которого характерно несколько черт: присутствие элементов разных этнографических групп чувашей Поволжья, участвовавших в миграциях в Пермское Прикамье, сохранение семейными и родовыми коллективами костюма верховых, средненизовых и низовых чувашей.

Поздний характер миграции обусловил бытование в основном привезённых при переезде предметов традиционного костюма, лишь отдельные элементы которого воспроизводились и изготавливались в Пермском Прикамье. Почти все выявленные в ходе полевых исследований предметы архаичного чувашского костюма: головные полотенца, другие головные уборы, холщовые рубахи, украшения – являются привезёнными из районов прежнего проживания и сохранёнными в Пермском Прикамье.

Существенным фактором, повлиявшим на развитие традиционного костюма чувашей Пермского Прикамья, стал период серьёзных трансформаций в российском обществе, что не могло не сказаться на особенностях бытования и трансляции комплекса традиционного костюма: сужение сфер его использования, значительное влияние унифицированной, в том числе фабричной, одежды.

Другая причина отказа от ярких форм этнической одежды – проживание в условиях иноэтнического окружения, в русских деревнях. Традиционный чувашский костюм заметно отличался от местного русского традиционного костюма, что вызывало удивление старожилов и их особое внимание к «чувашской моде»: *«Мама рассказывала, она свой выходной наряд одела – русские подходили, рассматривали. Удивлялись. А у них другая одежда была – сарафаны кашемировые...»* (с. Пантелеевка Куединского района). Стремление вписаться в местный социум часто являлось причиной отказа от традиционного костюма: *«Чуваши, когда сюда приехали, русские выбегали смотреть, кто такие чуваши, они же их не знали раньше. А мама в национальном костюме была. А потом папа сказал маме: “Ты больше его не надевай!”»* (с. Пантелеевка Куединского района). О формах бытования традиционного костюма в Пермском Прикамье достаточно подробно и наглядно рассуждают наши информаторы: *«Одежду больше в магазине покупали. Хранили, конечно, некоторую одежду чувашскую, одевали на праздники, на свадьбу...»* (д. Коровино Куединского района); *«Родители с собой привезли национальную одежду, мама иногда её надевала здесь, но после войны уже и не носила...»* (д. Малые Кусты Куединского района); *«Здесь уже по-чувашски мало носили, одежду уже по-русски носили. А после войны совсем по-русски стали ходить»* (с. Пантелеевка Куединского района).

О том, что в Пермское Прикамье переселялись представители разных этнографических групп, свидетельствуют не только источники о местах выхода переселенцев, но и материалы традиционного костюма. Народная одежда выступает маркером различных этнографических групп чувашей Поволжья. Так как традиционная обувь достаточно долго, вплоть до 1950-х годов, продолжала активно бытовать, многие информаторы отмечают разницу в цвете онучей у разных семей в их деревне: *«У наших портянки разные были. Есть черноногие, крестом онучи завязывают, и портянки чёрные носили. А наши носили беленькие и короткие, как носочки. Вот они приехали и по-разному носили какое-то время: кто-то белые, кто-то чёрные портянки носил. Вот у нас соседка носила чёрные портянки, а у нас белые были, так и носили...»* (с. Пантелеевка Куединского района). Чёрные онучи, о которых идёт речь, характеризуют костюм верховых чувашей⁵⁶. Элементы костюма и на новой родине в первые годы выступали маркерами той или иной территориальной группы чувашей: *«Мы их называли цивильскан, у них ноги чёрные [носили чёрные онучи], а халат белый»* (д. Бормист Чайковского района).

Отмечалась разница в покрое, орнаментации и способах ношения рубах. Например, традиция носить рубаху с напуском, характерная для выходцев из некоторых районов Чувашии: *«И такие были, рубаху специально длинную шили, наденут рубаху, сюда завяжут пояс ниже живота и с напуском делали, потом фартук. А наши так не носили»* (с. Большие Кусты Куединского района). В такой манере ношения рубахи также прослеживается традиция верховой группы чувашей⁵⁷. Указывают информаторы и на разницу в количестве оборок на рубахах: *«Рубахи шили с оборками, две-три оборки или одна. Но две-три в других деревнях, у нас с одной ходили...»* (д. Верхний Тымбай Куединского района).

Смешанный характер традиционного костюма проявлялся и в сочетаемости разных элементов друг с другом. Так как почти во всех деревнях проживали чуваша – выходцы из разных районов Чувашии, а браки между ними были часты, многие элементы костюма, разные по районам происхождения, перешедшие от родственников, сосредотачивались в одной семье или собирались в костюм. При этом сочетались рубахи одной этнографической группы чувашей с головными уборами (*сурпан* и *хушпу*) другой и украшениями из третьей. Данная особенность – сочетание предметов одежды – также является характерной чертой пермской группы.

Особенность бытования национального костюма – выделение определённых сфер его использования. Многие респонденты старшего поколения отмечают, что в повседневной жизни традиционный чувашский костюм уже не носили, а надевали его только на праздники, чаще всего – на свадьбы.

Будничная одежда, хотя и не всегда имела яркий национальный колорит, также в некоторой степени сохраняла свою специфику, особенно в сравнении с одеждой соседнего русского населения. И в будни чувашки предпочитали носить рубаху с широким подолом, фартуком, а позднее и фабричные платья, в то время как для русского населения в будничной одежде более распространённым вариантом женской одежды оставалась юбка с кофтой. Вместе с тем русский костюм оказал некоторое влияние на одежду чувашей. Так, происходил отказ от традиционных элементов, прежде всего, рубахи, в пользу юбки с кофтой, наиболее популярного сочетания среди русского населения района. Аналогичные процессы развития традиционного костюма были характерны и для других этнографических групп чувашей⁵⁸.

Рассмотрев некоторые черты бытования традиционной одежды у чувашей Пермского края, дадим характеристику основных встречающихся составляющих традиционного костюма.

Основу женского чувашского костюма всех этнографических групп составляла рубаха *кёпе*. В то же время покрой рубахи имел определённые отличия в разных районах⁵⁹. В Пермском Прикамье в ходе полевых исследований были выявлены несколько типов традиционных рубах. Одним из них были туникообразные рубахи прямого покроя, выполненные с прямыми боковыми клиньями. Другим вариантом являются рубахи с прямыми боковыми клиньями, подол которых завершается небольшой оборкой. Третьим вариантом можно назвать рубахи с укороченным остоном и пришитым к его нижнему краю подолом. Четвёртый вариант – рубахи, выполненные с подолом, соединённым с верхней её частью на талии. Такие рубахи часто уже не сохраняли туникообразный покрой, так как шились из покупных материалов. Бытовавшие в Пермском Прикамье рубахи, так же как и другие элементы костюма, находят прямые аналоги в культуре верховых, низовых и средненизовых групп чувашей⁶⁰. Два последних варианта кроя рубах сохранялись в Пермском Прикамье дольше всего, так как продолжали изготавливаться из покупных тканей, в то время как туникообразные прямого покроя раньше выходят из употребления. Следует отметить, что пермские чуваша почти не сохранили рубахи с архаичной вышивкой, по большей части на обнаруженных рубахах она выполнена в технике крестом, что, видимо, связано с тем, что при переселении привозились элементы не архаичного обрядового костюма, а более современный праздничный костюм того периода. Изучение выявленных образцов чувашской одежды показывает, что они выполнены преимущественно из белого льняного или конопляного холста, более поздние рубахи сшиты из фабричных тканей. Пестрядинные рубахи встречаются в нашем регионе редко.

В Пермском Прикамье у чувашей бытовало два варианта кроя передников *саптун*, надеваемых в комплекте с рубахой – передники без грудки, сшитые из одного или нескольких полотнищ и крепившиеся на талии с помощью пояса, и передники с грудкой, к верхней части которых пришивались петля или завязки для крепления фартука на шее. Старые образцы передников выполнены из белого холста, поздние – из фабричных материалов. Праздничные передники чаще всего орнаментированы вышивкой крестом или гладью, цветными лентами.

Пояса также являются непременным атрибутом чувашского костюма. Однако в Пермском Прикамье они встречаются в единичных экземплярах, и в прошлом, по полевым материалам, редко использовались в составе костюмного комплекса. Чаще всего в женском костюме при ношении передника поверх рубахи пояс уже не надевали. В то же время

информаторы неоднократно указывали на пояс как обязательный элемент чувашского костюма: «Пояса были, у папы пояс был, у мамы пояс был. Мама у нас сама ткала пояса. Папа ещё носил пояс, рубаху поверх пустит и поясок» (д. Дойная Куединского района).

Пермские чувашы сохранили представления о некоторых девичьих и женских головных уборах, однако активного их бытования в крае не отмечено. Девичий головной убор в виде шапочки, украшенной монетами, *тухья*⁶¹, не отмечен в ходе полевого исследования среди пермских чувашей. О нём лишь вспоминало старшее поколение, отмечая обычно его бытование в районах Чувашии. В то же время женский головной убор *хушпу* бытовал в обрядовом костюме в Пермском Прикамье, старожилы отмечали, что его надевали во время свадебного обряда. Во время экспедиций удалось изучить несколько вариантов головного убора *хушпу* в деревнях Пермского края. В деревне Дойная Куединского района традиционные головные уборы по старинным образцам в 1970-е годы были изготовлены для чувашского фольклорного ансамбля. Они были выполнены в форме усечённого конуса высотой около 20 см, основу головного убора составлял простёганный холст. С лицевой стороны головной убор был орнаментирован рядами монет, а в верхней и нижней части полосками цветной тесьмы. К боковым частям головного убора крепились холщовые подвески с пришитыми к ним монетами. Старинный головной убор *хушпу* сохраняется в селе Большие Кусты Куединского района. Он также выполнен в форме усечённого конуса, однако основой головного убора является кожа, на которую также на лицевой стороне пришиты ряды серебряных монет. Кроме того, головной убор имеет «хвост», пришитый к задней части *хушпу*, при ношении спускающийся на спину. «Хвост» также богато орнаментирован рядами серебряных монет и раковинами каури. В костюмном комплексе хозяйка носила *хушпу* с головным полотенцем *сурпан*. *Хушпу*, сохранённый в фондах Куединского краеведческого музея, выполнен также в форме усечённого конуса, однако меньшего размера, нежели предыдущие. Информаторы отмечают бытование *хушпу* и других форм. Формы традиционного женского головного убора сильно варьируются в разных районах проживания чувашей⁶², переселенцы в Пермское Прикамье также принесли разные варианты данного головного убора.

Полотенчатообразный головной убор *сурпан* бытовал у всех трёх групп чувашей, однако имел особенности в изготовлении, оформлении, форме, цвете и способах ношения. В Пермском Прикамье *сурпан*

оказался наиболее распространённым головным убором, однако в регионе известны и сохранились разные варианты *сурпан* по размерам и художественному оформлению, а также и разные способы ношения головного полотенца. Разница в оформлении и ношении *сурпан* была связана с традициями разных этнографических групп чувашей.

Разнообразны были и способы орнаментации *сурпан*. Известны в Пермском Прикамье узкие недлинные *сурпан*, орнаментированные вышивкой, характерные для верховой группы чувашей. Значительное число выявленных *сурпан* представляют собой более широкое полотнище с богато орнаментированными узорным ткачеством и вышивкой концами, как правило, пришитыми дополнительно к основному полотнищу, более характерными для средненизовых и низовых чувашей. Известны разные варианты и способы ношения *сурпан*. В деревне Дойная Куединского района указывали на такой вариант укладки *сурпан*: один спускался по спине ниже талии, а второй укладывался на спине ниже шеи. В деревне Нижняя Сава Куединского района *сурпан* повязывали так, что оба узорных конца укладывали на спине ниже талии и подвязывали завязками фартука. Старшее поколение информаторов отмечало и традицию ношения двух *сурпан* одновременно, один из них при этом повязывался поверх второго.

В районах Чувашии в комплекте с головными уборами *сурпан* носили головную повязку *масмак*. Однако в ходе полевых исследований в Пермском Прикамье не было выявлено образцов повязки *масмак*. О ней также очень редко вспоминают информаторы. Скорее всего, как один из архаичных элементов традиционного костюма она уже не бытовала в Пермском Прикамье.

В деревне Дойная Куединского района отмечали бытование в прошлом ещё одного головного убора – *чалма*, представлявшего из себя треугольное полотнище холста с отдельно пришитыми завязками. *Чалмой* покрывалась голова поверх *сурпан*. Исследователи относят *чалму* к старинным женским головным уборам. Она имела ограниченный характер распространения, встречалась у центральной подгруппы верховых и восточной подгруппы средненизовых чувашей⁶³.

Традиционный праздничный костюм дополнялся целым рядом украшений. Выявленных в Пермском крае украшений немного, чаще всего они лишь сохраняются как память. В последние годы традиционные старинные украшения используются в костюмах фольклорных коллективов, иногда и со стилизованным чувашским костюмом. Среди шейно-нагрудных следует отметить украшение *ама*, представляющее

кольцо, выполненное из материи и обшито монетами. *Ама* надевалось на шею, спускалось на грудь, доходя до пояса. Другим вариантом шейно-нагрудного украшения можно назвать ожерелье из бус, с прикреплёнными по краю монетами. Известны несколько образцов нагрудного украшения, выполненного из прямоугольного куска кожи и сплошь украшенного рядами бусин, бисера и монет, как женского *сурпан çакки*, так и девичьего *шёлкеме*. В деревне Дойная Куединского района в праздничном костюме долгое время сохранялись набедренные или поясные украшения *сарӑ*. Дойнинские *сарӑ* были в виде небольших прямоугольных подвесок, которые крепились к поясу и носились по одной сзади. Они были выполнены из холста и украшены вышивкой, тесьмой, а в нижней части и нитяной бахромой с бисером. Информаторы отмечали, что *сарӑ* надевали невесте в последний день свадьбы, и с этого времени он становился атрибутом женского костюма. Поясные подвески *сарӑ* бытовали в костюме чувашей основной территории и разных этнографических групп⁶⁴. Известны и другие варианты украшений, не всегда информаторы сохраняют в памяти и приводят чувашские названия, обозначая их общим термином «украшение». Как и в случае с другими элементами традиционного костюма, в Пермский край при миграции не был перенесён и не продолжал бытовать весь набор украшений традиционного костюма, сохранялись лишь отдельные, разрозненные его элементы.

Верхняя зимняя и демисезонная одежда дольше, нежели другие элементы традиционного костюма, продолжала бытовать у чувашей в Пермском Прикамье. Еще в 1950–1960-е годы в качестве верхней одежды использовался распахной полусуконный кафтан *сӑхман*. А шубы и тулупы из овчин домашней выделки продолжали бытовать и в более поздний период.

До середины XX века в качестве традиционной обуви активно использовались лапти *çӑпата*. Как и в других районах, пермские чувашы плели лапти из лыка, начиная с носка. Чувашские лапти отличались от русских как формой, так и способом плетения (русские начинали заплетать лапти с пятки). Разница в форме традиционной обуви соседей, русских и чувашей, до настоящего времени подчеркивается информаторами. Кроме традиционных «чувашских» лаптей использовались также и русские лапти, которые приобретались на базарах, заказывались у русских мастеров. А некоторые чувашские мастера осваивали технологию плетения как традиционных, так и русских лаптей. Лапти носились с холщовыми и суконными онучами, цвет которых, чёрный

или белый, как мы отмечали, характеризовал ту или иную группу чувашей. Лапти носились также с холщовыми или суконными чулками, характерными для чувашского костюма и неизвестными соседнему русскому населению, а также с вязаными шерстяными носками. Из предметов традиционного костюма лапти дольше всего, вплоть до 1960-х годов, продолжали бытовать в качестве повседневной обуви.

Мужской костюм в сравнении с женским в меньшей степени отличался разнообразием элементов и сохранял этнические черты. Из предметов традиционной мужской одежды в некоторых чувашских семьях сохранились рубахи, как правило, выполненные из белого холста или покупного материала и орнаментированные вышивкой. Мужские рубахи не только были привезены при переселении, но и использовались в качестве праздничной и обрядовой одежды вплоть до 1950-х годов. В качестве мужской обуви также до середины XX века сохранялись лапти, хотя традиционной мужской обувью считались и сапоги, входившие как в рабочий, так и в праздничный костюмные комплексы.

Характеризуя современный период, следует отметить ряд особенностей бытования национального костюма. С одной стороны, во многих семьях продолжают сохраняться некоторые элементы традиционного костюма, прежде всего в память о родителях, о предках. Чаще всего сохраняются традиционные украшения, головные полотенца. Некоторые предметы традиционного костюма ещё и сегодня представители старшего поколения надевают на праздники, мероприятия, посвящённые чувашской культуре.

Активная собирательская деятельность и становление ряда сельских музеев в южных территориях Пермского края позволили музейным учреждениям приобрести предметы чувашского костюма и демонстрировать их на выставках и в экспозициях. Коллекции чувашской одежды представлены сегодня в Пермском краевом музее, Чернушинском и Куединском краеведческих музеях, школьном музее села Большие Кусты Куединского района.

Активизация связей с Республикой Чувашия в последнее десятилетие и активная деятельность общественных организаций привели к широкому распространению и использованию стилизованных сценических вариантов народного костюма, как правило, изготовленного мастерами из Чувашии. Такие костюмы сегодня имеются у ряда фольклорных ансамблей в районах Пермского края, надеваются во время национальных праздников и мероприятий.

СЕМЕЙНЫЕ ПРАЗДНИКИ, ОБРЯДЫ И ТРАДИЦИИ

Рождение ребёнка и мир детства

Чувашские семьи в прошлом были многодетными, рождение детей было признаком счастливой семьи и продолжения рода. С рождением ребёнка в чувашской культуре, как и в культуре других народов⁶⁵, связывался целый комплекс представлений, обычаев и обрядов. Пермские чуваша также сохраняли традиции, связанные с родильной обрядностью и миром детства.

Период беременности был регламентирован выполнением определённых правил и предписаний, среди которых строгий запрет на участие в похоронах и посещение умершего: *«Беременных женщин нельзя пускать к покойнику, ребёнок мёртвым может родиться»* (д. Дойная Куединского района). Подобные запреты были известны многим народам Поволжья и Приуралья⁶⁶ и были призваны защитить роженицу и будущего ребёнка от негативного воздействия контактов с потусторонним миром. В случае, если участие в похоронах было необходимым, прибегали к определённым магическим приёмам защиты беременной: *«Если за пазуху красную тряпку, красную нитку положить, то ничего не будет»* (д. Дойная Куединского района).

В прошлом беременная женщина от выполнения хозяйственных работ почти не освобождалась, только после родов лишь на непродолжительное время её освобождали от обязанностей по хозяйству.

Как и другие народы, чуваша знали особые приметы, по которым ещё в период беременности пытались определить пол будущего ребёнка. Смотрели по животу беременной: *«Круглый широкий живот – девочка, острый – парнишка»* (д. Верхний Тымбай Куединского района), наблюдали за изменениями на лице беременной: *«Если [беременная] красивая – мальчик родится, девчонка всю красу заберёт»* (д. Верхний Тымбай Куединского района).

Роды в прошлом проходили в домашних условиях, рожали обычно в бане или дома, в летнее страдное время нередко и прямо в поле. Лишь в послевоенный период чаще всего женщины рожали уже в больницах. При родах обычно присутствовала бабушка, которая владела основными навыками родовспоможения. Она принимала ребёнка, отрезала пуповину, купала новорождённого. Новорождённый, по поверьям, в первые месяцы жизни нуждался в особой «магической» защите: ребёнка старались оградить от контактов, для «защиты» от сглаза на его чепчик пришивали раковину каури от старинных украшений, на запястье

привязывали красную нитку. Многие приёмы защиты новорождённого были известны и другим группам чувашей⁶⁷.

После родов пермские чувашаи устраивали семейный праздник *ача пӑтти* (букв.: детская каша), на который приглашались близкие родственники. В последние годы этот обычай чаще известен как «каша», «звать на кашу». Обычным у пермских православных чувашей было и крещение младенцев в храме, лишь в советские годы, когда храмы в окрестных русских сёлах были закрыты, крещение проводили не всегда, а часто и не в младенческом возрасте.

Среди приёмов народной педагогики чувашей – раннее приучение к труду и выполнение домашних хозяйственных работ. Уже с восьми лет, как отмечают информаторы, старших детей оставляли «в няньках» с маленькими, в обязанности детей этого возраста входили также работы в огороде, девочек учили готовить еду и выпекать хлеб. Уже 10–12-летних подростков брали и на более сложные и тяжёлые хозяйственные работы: «*Косили с 12 лет*»; «*С 12 лет на поле, снопы уже помогали вязать*» (с. Большие Кусты Куединского района).

В народной педагогике целый пласт традиций был связан с детскими играми и игрушками. Игрушки в основном присутствовали в играх детей младшего возраста, до 10–12 лет. Их мастерили детям взрослые, а также старшие братья и сёстры, да и сами малыши принимали в этом участие.

Наиболее популярной детской игрушкой, особенно среди девочек, можно назвать куклу *пукане*. Пермским чувашам были известны куклы из разных материалов и разных технологий изготовления. Одним из вариантов традиционной куклы были куклы из соломы. Для выполнения соломенных кукол брали пучок «немятой» соломы из снопов, который перегибали пополам, чуть ниже места сгиба подвязывали пучок и формировали таким образом головку куклы. Затем подстригали ровно нижний край куклы, выравнивали солому, чтобы кукла могла стоять на ровной поверхности. Дальнейшее «доделывание» куклы часто зависело уже от желания и фантазии мастера: ей могли выполнить из колоска косу, сформировать и подвязать руки, нарисовать углём и красками лицо, надеть платок для девочки и головной убор для мальчика. Особыми были и некоторые способы игры с соломенными куклами: их «заставляли» плясать, для чего ставили на ровную поверхность – на столешницу или доску – и ударяли кулаком по столешнице. От равномерных ударов куклы приходили в движение, «плясали»: ходили и кружились по кругу, либо двигались хаотично.

Обычно в таком случае «плясать» выставляли несколько соломенных кукол. Куклы из соломы, как и приёмы «кукольной пляски», были известны и другим народам Поволжья и Приуралья⁶⁸.

В качестве детской игрушки были известны и куклы, свёрнутые из кусков материала. Обычно такие игрушки делали сами дети, они были небольшими и имели простую конструкцию: *«Сами из тряпочек делали кукол, заматывали тряпочки, рук, ног не было, глаза не рисовали. Только голова и платье»* (с. Большие Кусты Куединского района).

Взрослые обычно мастерили детям шитые набивные куклы, в основе которых был мешочек, наполненный опилками, ватой или другим материалом. Уже затем на туловище надевали кукольную одежду: *«Куклы всякие были, тётка шила куклы. А как мешочек сшили, потом туда толкали, мы туда ваты положили, если вата есть. Ваты нет, опил клали большинство. И руки, ноги тоже так шили, туда ваты натолкаем, можно ведь делать так. Лицо тряпкой делали, волосы делали и косу делали, а потом платье одели, платье-то делали, сами шили»* (д. Дойная Куединского района).

Куклы, основу которых составляли палочки или ветки деревьев, также могли выполняться как детьми, так и взрослыми: *«Черёмухи много было, из черёмуховых палочек куклы делали, всяких размеров, какие кому надо. Я всегда много делала кукол. Палочку так возьмёшь, сюда ещё привяжешь палочку [крест-накрест, обматывается нитками]. Головку из тряпок сделаешь [из полосок ткани в верхней части наматывается валик, формируется голова и шея], углями-то носик, глазик – всё сделаешь. Ещё обмотаешь тряпочками [основу куклы]. Нога, уж только одна нога была из одной палочки. Руки, нога, одна голова. И шьёшь платье. Вот играли этими. По несколько штук делали. Один раз и мамин фартук весь изрезала. Она пришла. Я говорю: “Мама, смотри, какие куклы красивые получились”»* (д. Дойная Куединского района).

Игровые куклы изготавливались и из других материалов, за неимением лоскутов для детской игры могли сделать куклу из бумаги, *«делали их тогда, когда не было тряпок»*. Скручивались такие куклы, как и тряпичные, а часто и дополнительно раскрашивались. Среди популярных в советское время, когда в колхозах южных районов Прикамья стали возделывать кукурузу, – куклы из кукурузных початков. Верхнюю часть соцветия разворачивали, тонкие нити соцветия служили волосами куклы, нижняя часть листа кукурузы служила фартуком. Куклы могли делать также из тыквы, из плода которой вырезались туловище, руки и ноги игрушки.

Куклы активно использовались в детской игровой культуре, популярны были ролевые игры. С ними играли в больницу, школу, часто куклы получали имена. Популярной была игра с куклами в детских домиках – клетках.

Информаторы указывали на бытование в прошлом и деревянных антропоморфных игрушек. Так, в деревне Верхний Тымбай вспоминали об изготовлении основы куклы из дерева: *«Кукол из тряпок обычно, а бывало, из дерева резали, кукол резали»*. Популярной игрушкой был и *пильщик* – деревянная кукла-игрушка, которую особым образом уставляли на лавке или столе, и она раскачивалась: *«Делали пильщика, из дерева, из липы. Ставят на конце стола, он качается»* (д. Кашка Куединского района). Из дерева выполняли и игрушки в форме животных, например лошадок: *«Всё вырезали из дерева, в магазине ведь не было игрушек, да и покупать не на что было. Все сами делали игрушки. Лошадей вырезали с ногами прямо»* (д. Дойная Куединского района).

Популярной детской игрушкой был высушенный мочевой пузырь свиньи. После забоя скота его чистили, мыли, катали в золе, а затем помещали внутрь горох, надували и завязывали. В высушенном мячике-пузыре горох, перекатываясь, создавал определённый шумящий звук.

В летний период дети изготавливали из стеблей травы или деревьев свистульки: *«Из тиканов свистульки делали, из ивы свистульки делали, дудят, свистят»* (д. Дойная Куединского района).

Для подвижных игр делали шерстяные мячи. Изготовление мячей было популярным у мальчиков и подростков, хотя информаторы отмечали, что девочки также могли изготавливать мячи из шерсти. Обычно игры с мячом начинались в весенний период, когда их делали. Для мячей использовали коровью шерсть при весенней линьке, в это время она лучше скатывалась. В некоторых случаях шерсть дополнительно смачивали водой для того, чтобы она плотнее скаталась. Катанные шерстяные мячи были небольшие, обычно не больше 10 сантиметров в диаметре. Были известны разные игры с мячами, часто их просто подбрасывали вверх или бросали в стену и ловили отскочивший мяч. Известны и более сложные игры, как, например, игра «в лунки», на которую указывали чувашки в деревне Дойная Куединского района: *«А мы так мячиком играли. “Ярки – не ярки, баран – не баран. Серые овечки якнутя, не баракнутя! В чей лунке мяч?” Вот так это в лунки, в мячики играли. Там у тебя ямка, у меня ямка. У всех лунки. И вот бросаешь. А ты спиной сюда стоишь. Вот в чей – угадай. Вот это “Ярки – не ярки. Баран – не баран. Серые овечки якнутя, не баракнутя. В чей лунке мяч?”»*. Другим вариантом

игровых мячей были шитые, выполненные из кожи, набитые опилками или землёй и предназначенные, как правило, для подвижных игр мальчиков: *«Мальчики делали, они брали голенище кирзовых сапог, шивали форму мяча, забивали опилками или землёй, такие мячи делали только мальчики»* (д. Дойная Куединского района).

Популярной игрой у девочек было изготовление глиняной посуды: *«Из глины посуду делали»* (с. Большие Кусты Куединского района); *«Мы сами маленькие чашки глиняные делали. Потом на костре выжигали»* (д. Дойная Куединского района). Другим материалом, использовавшимся для изготовления игрушечной утвари, служила дорожная пыль, её собирали на проезжей дороге, замешивали с водой и формировали «посудку». Вылепленную посуду сушили, а затем использовали в игре. Детская игрушечная утварь обычно повторяла традиционную крестьянскую – хлебные чашки, тарелки под суп, кружки. В качестве игровой посуды активно использовалась и вышедшая из употребления домашняя утварь, чаще всего фрагменты разбитой керамической посуды. Среди игр с посудой – приготовление блюд традиционной кухни из подручных материалов – травы, земли, глины: *«Пироги делали. Как чувашки, как куран кукли. Такие пироги делали. Так красиво, узорами делали. Пироги делали и хлеба делали, шаньги делали. А в шаньги положили травы. Шаньгу из земли делали мы так, краешки вот так делали, а в серединку положили эту траву. А пироги куран кукли только маленький делали из земли. Еду ещё цветами украшали, положили цветок, мы ромашками, чем-то вот так делали, рябиной, калиной ягодами украшали»* (д. Дойная Куединского района).

Среди ролевых игр – игры «в базар» или «в магазин»: *«Ещё базар мы делали, специально базар делали, продавали всё туда-сюда»* (д. Дойная Куединского района). Среди товаров, продаваемых и покупаемых в магазине – продукты, принесённые из дома, игрушки, предметы быта, цветы. Об игре «в магазин» так вспоминали в деревне Дойная: *«Когда-то сахар был у нас в доме, и мы его тоже продавали. Папа купил сахар. А он кусками был. Я его продавала, потом мне ещё попало за это. Цветы продавали, цветы мы делали, тут у нас маленький лесок был, там всякие цветы растут. Мы эти цветы в горшок поставили и продавали»*. Для игры «в магазин» дети изготавливали и специальные бумажные монеты: *«Копейки под бумагу положим, карандашом вот так шоркаем, копейки очень хорошо получаются»*.

Среди детских игр известны чувашам и те, что повторяли хозяйственные домашние работы: сенокос и уборку сена, перевоз на телегах

хозяйственных грузов, уход за скотом, дойку коровы и многие другие: *«В лапти нагрузим, за верёвки тянем, как будто лошадь. Туда сено, соломой нагрузим. Кирпичи вот были, трёшь кирпич об кирпич, это доишь, доишь корову и закрываешь потом, как это в шалаше делаешь. Сено надёргаем, положим, устала корова, кормить её надо»* (д. Дойная Куединского района).

Свадебные обряды

Свадебный обрядовый комплекс пермских чувашей оказался менее всего сохранным в условиях Пермского края. Полевые исследования среди пермских чувашей позволили собрать лишь фрагментарный и разрозненный материал по традиционным свадебным обрядам, в то время как другие комплексы обрядности представлены более полно. Частыми на вопрос о традиционной чувашской свадьбе были ответы: *«Я даже не видала никогда чувашской свадьбы»* (с. Большие Кусты Куединского района); *«Здесь всегда делали по русскому обычаю»* (д. Коровино Куединского района); *«Свадьбы-то по-русски справляли»* (д. Нижний Тымбай Куединского района); *«Свадьба у нас была по-русски, песни русские. С русскими мы [чувашами] быстро подружились»* (д. Малые Кусты Куединского района); *«Свадьбы у нас не было совсем. Только вечер»* (с. Пантелеевка Куединского района). Таким образом, одной из причин слабой сохранности свадебного комплекса обрядности было иноэтническое окружение.

Другой причиной является тот факт, что формирование регионального этнокультурного комплекса чувашей Пермского Прикамья приходится на время непростых социально-экономических трансформаций, прежде всего, это коллективизация сельского хозяйства, сложные материальные условия в первые годы после переселения. В период коллективизации и Великой Отечественной войны не всегда было возможным проведение полного цикла свадебной обрядности: *«У нас и без свадьбы было. Сошлись, и всё. Нечем было свадьбу делать. Уж после войны стали хорошие свадьбы делать»*; *«Без свадьбы женились. Чем свадьбу делать? Плохо жили...»* (д. Дойная Куединского района).

Среди причин следует назвать и принесение при переселении разных традиций свадебной обрядности, что в условиях смешанности исходных традиций также приводило к бытованию лишь наиболее общих, универсальных элементов обряда, уменьшению детализированности обрядности, разрушению локальных отличий с мест переселения.

Информаторы отмечали лишь некоторые обрядовые комплексы традиционной чувашской свадьбы, которые продолжали бытовать в Пермском Прикамье.

У чувашей были распространены три формы заключения брака: свадьба со сватовством, свадьба с похищением невесты и свадьба «убёгом»⁶⁹. Обо всех этих формах заключения брака и о начале свадебной церемонии известно пермским чувашам. Об обычае воровства невесты говорили как о «старинном», больше характерном для «старой родины». Чаще всего о нём слышали от родителей и старшего поколения и приводили лишь редкие примеры его бытования в пермских деревнях: *«Если не согласна, то и воровали. Если воруют, то потом свадьбу всё равно проводят»* (с. Большие Кусты Куединского района); *«Некоторые невесту похищали. В амбар закроют её...»* (с. Пантелеевка Куединского района). К воровству прибегали в нескольких случаях: неудачного сватовства, отказа девушки или родителей от брака, а также в случае бедности жениха и отсутствия возможности провести свадьбу. Один из рассказов о воровстве невесты записан в деревне Дойная Куединского района. Информатор со слов матери рассказывает о её замужестве в Канашском районе в 1920-е годы: *«Вот мою маму крали. Она пришла в другую деревню к сестре на работу. Из деревни, говорит, только вышла, километра два прошла она домой, двенадцать километров деревня-то своя была, и догоняют её на лошади. Даже не сказали, пойдёшь, не пойдёшь, её как эту, ну, свалили, сели и привезли, и в конюшню закрыли. Всё, вся свадьба. Он-то, папа мой, жених бедный был, из бедной семьи. А мама-то из подходящей семьи. Ночь, говорит, просидели. Я, говорит, простояла у дверей. А он как, говорит, пришёл, лёг и уснул до утра. Утром уж, айда, идти на работу. Неделью прожили, поехали туда, к её родителям. Она и говорит, папа, я не пойду туда к нему, нет. “Как так, неделю прожила, как теперь?!” – “Я никуда ни за что не пойду!”. Папа-то, дедушка-то и говорит: “Ну уж ладно, бедные живут не в горе. Я вам дом выстрою, скотину дам”. Вот так и проводил он её. Так и век прожили. До того вот хорошо прожили потом. Очень даже»*. Умыкание как форма заключения брака у чувашей является традиционно принятым способом⁷⁰. В случае умыкания невесты свадебная церемония не проводилась совсем: *«Крали уж – свадьбы не было»*, либо могла проводиться через определённое время.

Однако наиболее типичными и распространёнными в Пермском Прикамье были браки по сватовству, с него обычно и начиналась свадебная церемония. Среди терминов, обозначающих сватовство у перм-

ских чувашей, известен *хатана камала* [невесту сватать], характерный также для верховой группы чувашей⁷¹. На сватовство приходил жених со своими родителями или крёстными. Нередко в нём участвовала сваха, которая и вела разговор: *«Сваху приглашали, кто умеет говорить. Невесту приглядели, скажем, пойдём свататься, свях надо, чтобы умела говорить, могла оговорить. Не сразу ведь скажешь, что свататься пришли»* (д. Дойная Куединского района). Разговор о сватовстве обычно начинали иносказательно. Среди обычаев – предписание жениху и сватовщикам перейти матицу для удачного сватовства: *«Вот если жених там останется, ближе матичи, значит, он не женится на ней, не сможет он. Обязательно сюда, в передний угол надо было пройти, а там уже нет, не сможет жениться никак»* (д. Дойная Куединского района). Обычаи с матицей при сватовстве отмечены и в традициях других групп чувашей⁷². В случае удачного сватовства и получения согласия на брак и свадьбу сватовщиков приглашали к столу. Обычно при сватовстве родители невесты спрашивали её согласие на замужество, однако известны примеры, когда родители выдавали невесту и без её согласия.

После сватовства отводилось определённое время для подготовки к свадьбе, оно могло варьироваться в разных ситуациях и растягивалось от нескольких дней до месяца: *«После сватовства проходит одна неделя, а потом свадьба, неделю готовят»*, *«Свадьбу готовят три дня, до этого жених и невеста три дня живут вместе...»* (с. Большие Кусты Куединского района).

После сватовства до свадьбы могло быть ещё несколько гостевых визитов жениха и его родственников в дом невесты. В один из таких визитов и происходил окончательный договор о сроках свадьбы, составе приданого и выкупа за невесту. В знак окончательного согласия невеста дарила жениху вышитую рубаху и полотенце: *«Не один раз к невесте ходят. Там уж в последний раз все договорятся. И жениху сразу надевают рубаху уже. Невеста, значит, надевает сразу рубаху на жениха, вот вышитую рубаху. И полотенце дарит жениху»* (д. Дойная Куединского района).

Многие информаторы указывали на девичник как обязательный атрибут предсвадебных обрядов пермских чувашей, во время которого невеста готовила приданое и подарки родителям и родственникам жениха: *«У чувашей тоже делали девичник. Вышивали полотенца, шили»* (д. Малые Кусты Куединского района); *«До свадьбы устраивали девичник, где собирались подружки невесты, которые готовили приданое. Сами шили и вышивали подарки. Мужу и свёкру – рубахи, остальным –*

платья» (с. Пантелеевка Куединского района); *«На девичнике готовили подарки: свёкру – рубаху, мужу – рубаху, золовке – платья, а остальным – полотенца»* (д. Дубленёвка Куединского района); *«Ко мне тоже подружки приходили, когда меня сосватали, девичники устраивают ведь. У тебя что-то недоделано, они тебе это делают. Неделями они сидят, там-то делали. Поди, у тебя платье недовышито было или полотенца. Это всё за неделю сделают подружки твои. [А как это называется?] Девичник. [А по-чувашки?] Мы девичник говорим, а девушек этих хёр суммисем называли, этих девок»* (д. Дойная Куединского района). Собрания девушек для изготовления подарков и помощи невесте в подготовке к свадьбе были характерны и для других групп чувашей, в том числе и основной территории проживания⁷³.

Среди предсвадебных обычаев – посещение невестой своих родственников: *«Невеста в каждый дом к своей родне ходит, пока свадьба не была, до свадьбы ещё. С подружками. К её родне или к брату, ко всем вот так. В другую деревню даже сходит, всё пешком, или на лошади её свозят, она ведь одевает чадру и, стоя на тарантасе, она вот так поёт и едет. И стоя её. И подружки её поддьярживают. С пивом к своей родне...»* (д. Дойная Куединского района). Под чадрой в данном примере имеется в виду традиционное покрывало невесты *пёркенчёк*, характерное для чувашской свадебной традиции⁷⁴. Некоторые информаторы отмечали объезд родственников в своей деревне, приуроченный к утру свадебного дня, когда она прощалась с родственниками и приглашала их на свадьбу. Во время таких обходов невесты с подругами исполнялись особые свадебные напевы. Обходы являются одним из элементов чувашской свадьбы и известны в разных группах народа⁷⁵.

Особенностью свадебной обрядности пермских чувашей, как и в традициях других групп народа, было проведение свадьбы как в доме жениха, так и в доме невесты. Информаторы отмечали, что сначала гостили в доме невесты, где также устраивалось застолье, и только потом свадебный поезд отправлялся в дом жениха. О месте проведения свадьбы рассказывают: *«Сначала гуляли у невесты, потом у жениха»* (с. Пантелеевка Куединского района).

Собственно в день свадьбы жених со свадебным поездом приезжал в дом невесты. Кроме жениха в свадебном поезде были «его друзья, родственники», «там и парни, и женщины пожилые». Родители жениха, по обычаю, оставались дома и не ехали за невестой: *«Мать-то с отцом у нас обычно никогда не ездят. Не положено за невестой ехать»* (д. Дойная Куединского района). Главным распорядителем свадебного поезда

со стороны жениха был «голова свадьбы» – *туй пуç*. В деревне Дойная Куединского района отмечали, что одним из атрибутов главного свадебного персонажа был пестерь, в котором находились пирог и вино или самогон, предназначенные для выкупа: *«Там у него самогонки четверть и пирог»*. При этом оговаривалось, что для свадебного пирога не использовали мясную начинку: *«Вот мясное чтобы в пироге было, это не велят, очень тяжёлая жизнь будет невесте. Первый раз уж за невестой мясное не берут, это не положено. А потом уж брали мясной, каждый праздник брали»* (д. Дойная Куединского района).

До приезда жениха в доме родителей невесты шло приготовление. Старшее поколение информаторов ещё вспоминало о звучавших свадебных причитаниях невесты: *«Невеста у нас причитала ещё, невеста поёт, а в это время оттуда [от жениха] уже свадьба едет»* (д. Дойная Куединского района). Утром свадебного дня происходило и одевание невесты. В некоторых деревнях Куединского района чувашки отмечали, что приготовление невесты происходило не в жилой избе, а в клети или амбаре, и только после приезда жениха невесту приводили в дом. Нахождение невесты перед началом свадебной церемонии вне дома характерно и для других региональных традиций чувашской свадьбы⁷⁶.

Встреча свадебного поезда жениха – один из кульминационных моментов свадьбы. По обычаю свадебный поезд должен был состоять из нечётного числа подвод: *«Жених приезжал на семи лошадях, семь лошадей, все разукрашены были, с колокольчиками»* (д. Коровино Куединского района). Свадебжан с женихом не пускали во двор, требуя выкуп: *«Всё надо выкупать, ворота надо выкупать»* (д. Дойная Куединского района). После того как свадебжане заходили в дом, начинался свадебный пир. Важным эпизодом встречи свадебного поезда жениха было исполнение свадебных песен родом жениха и родом невесты, в которых сторона невесты хвалила девушку и «срамила» жениха, а сторона жениха наоборот: *«Уже там с невестой стороны хёр сүммисем поют, поют. Вот они на перебор поют, их срамят, женихову сторону, а эти [со стороны жениха] поют, других срамят. Там долго, очень долго они спорят. Эти поют, те поют. Эти поют, те поют»* (д. Дойная Куединского района). Лишь некоторые информаторы упоминали о сохранявшемся в Пермском Прикамье обычае во время свадебного пира в доме невесты обходить гостям её родственников. Позднее этот обычай уже не исполнялся.

Завершали свадебный пир в доме невесты выкуп приданого и переезд в дом жениха: *«Потом начнут сундуки, приданое грузить у невесты. Сундук надо выкупать. А вот на сундуке сидят, не отдают, ни в какую*

не отдают, просят денег. Денег дают. Эту постелю всё надо выкупать. Тебя ещё тут высмеивают. Вот, говорит, на паперти стоял зять-то, вон, говорит, даёт мелочи такие. Всяко, всяко, всяко... Выехать надо за ворота, за ворота опять денег надо. Из ворот не пускали, пока не уплотит, жених не уплотит. Очень жениху много денег надо было, всё надо было выкупить ему!» (д. Дойная Куединского района).

В традиционной свадьбе одним из обязательных элементов у православных чувашей было венчание в церкви. В первые годы жизни в Пермском Прикамье, до середины 1930-х годов, чувашские молодожёны венчались в православных храмах. Однако с течением времени на смену церковному венчанию приходит гражданская регистрация брака в сельских советах. После венчания или регистрации свадебный поезд отправлялся в дом жениха.

Как происходил приём свадебного поезда жениха и невесты в доме жениха, рассказали в селе Большие Кусты Куединского района: *«Лошадь невесту привозила. Везли всю родню. Песни свадебные пели, у жениха дома женщины поют. С собой брали приданое – сундук и постель. У жениха встречала родня с караваем. Ждали, пока не выйдут. Кусали каравай. Проходили в дом через двор и сразу же садились за стол. За столом сидели вместе около стенки. Возле сидела родня, у каждого своя. Пили, плясали. Жениху с невестой нельзя пить. У жениха с невестой кольца были»*.

Встреча молодых родителями невесты и сегодня остаётся одним из важных свадебных обычаев. Она известна в разных вариантах: *«Я молодых хлеб-солью приняла. Постелила им дорожку, они прошли, потом убрали. Нельзя невесту на голую землю. Я сама вышла, на голом не стояла. Плохо будут жить, если на голом встречаешь, так говорила мне мама. Хоть половики, да надо постелить»*; *«А там уж отец и мать их встречают, на улице, с иконой и хлебом»* (д. Дойная Куединского района). Непосредственно в доме происходило благословение молодых родителями жениха и праздничное застолье.

Среди обычаев этого этапа свадебного обряда – показ привезённого невестинного приданого и дарение невестой подарков родственникам жениха: *«Она приданое показывает. Все смотрят – богатая или бедная невеста, это они узнавали. Она приходит и всё развешает, и полотенца, и скатерти»* (д. Дойная Куединского района); *«Сундуки с собой привозили с приданым. Полотенце около окошка весили и на красный угол. Полотенца белые ткали сами из конопли»* (с. Большие Кусты Куединского района). После приезда свадебного поезда в дом жениха невеста одаривала родственников жениха: *«Невеста одевает свёкра и свекровку и всей родне жениха подарки дает: и братьям, и сёстрам у жениха, всю*

родню дарит. Вот как надо было много готовить на свадьбу» (д. Дойная Куединского района). В качестве свадебных подарков обычно выступали тканые и вышитые полотенца, реже – платки. Свёкор и свекровь обычно получали в подарок от невесты рубахи.

Важным ритуалом в доме жениха было и надевание женского головного убора. После первого дня свадебного пира в доме жениха молодых обычно отправляли спать за пределы жилого пространства, чаще всего в амбар или клеть: *«Молодых в первую ночь в амбар закрывали совсем»* (с. Пантелеевка Куединского района); *«На ночь ведь закрывали их в конюшне или в амбаре. Обязательно закрывали. Там постелю им постеляют, всё чистое»* (д. Дойная Куединского района).

Свадебный пир в доме жениха проходил в течение двух дней, хотя многие информаторы отмечали, что обычаи второго свадебного дня являются поздними, появившимися уже в послевоенное время и характерными для многих соседних народов. На второй день свадьбы в доме жениха невесту заставляли месить квашню и выпекать хлеб: *«Раньше всё хлеб-от пекли дак. Замуж выйдут, у русских – я не знаю, заквасят тесто, туда набросают иголок... Иголки бросали мне. Они считают там – все иголки найдёшь или не все найдёшь. Если не все найдёшь, значит, не аккуратно месишь! Не знаю, сколько штук было у меня, бросали... Замуж выйдет, первый раз заквасят тесто, а тебя утром заставляют месить, и вот искать надо»*; *«А у нас монеты бросали в квашню. У нас деньги бросала... свекровка бросала. Свекровка муку принесла, приготовила, потом я месить начала, копейки она бросила, а сама ушла к соседке. Я испекла. Я пекчи умела тогда... У нас семья большая была, дома пекла»* (д. Дойная Куединского района).

Среди обычаев второго дня и такие: невесту водили в непротопленную дымную баню, требуя выкуп, заставляли подметать пол. *«Невеста пол метёт от порога в передний угол, чтобы, когда в браке будешь жить, чтоб мусор из дома не выносить. Если скандалы, дак чтоб в народ не вышло, и заставляют невесту пол подметать. У нас сено затаскивают»* (с. Пантелеевка Куединского района).

Завершающими в свадебном цикле были гостевые визиты молодых к родственникам, а также гостевание сватов: *«После свадьбы, когда свадьба пройдёт, потом уж начинают по гостям ходить, по родням, по своим сён сын сәри, а потом ещё родители гостятся сён хята»* (д. Дойная Куединского района).

Таким образом, проанализированные материалы показывают сохранность некоторых обычаев чувашской свадебной обрядности,

все описанные элементы находят параллели в свадебных традициях метрополии. В то же время комплекс свадебной обрядности пермских чувашей – это контаминация традиций разных групп чувашей как в составе обычаев, так и в терминологии, верховой, средненизовой и низовой традиции. Обрядность пермских чувашей следует рассматривать не как целостный региональный комплекс, а как смешанный комплекс, когда разные родовые группы и семейные коллективы сохраняли отдельные элементы обрядности, маркирующие локальные традиции исторической родины. Описанный нами комплекс сохранял в некоторой степени этническую специфику до 1950–1960-х годов, а затем постепенно разрушался. Современная свадебная обрядность пермских чувашей близка к универсальным массовым формам свадьбы, обрядности соседнего русского населения, этнические черты в ней в большей степени нивелированы.

Проводы в солдаты

Проводы в солдаты являются одним из комплексов обрядности семейного цикла, они характеризуют традиции всех народов Поволжья и Приуралья, отмечены у всех этнографических и этнотерриториальных групп чувашей⁷⁷. По мнению исследователей, комплекс рекрутской обрядности сложился у народа в XVIII веке и представлен множеством локальных вариантов⁷⁸.

Чуваши Пермского Прикамья при переселении принесли традиции с исторической родины в разных локальных и территориальных вариантах, поэтому комплекс рекрутской обрядности в основных чертах сохранил близость традициям чувашей других регионов, хотя его бытование в русской среде способствовало проникновению иноэтнических инноваций. Пермским чувашам обычаи проводов в солдаты были известны как *салтака йсатни*, *некрут*, *рекрут йсатни*. В структуре рекрутской обрядности важное место занимали рекрутские гулянья и посещение родственников и знакомых. Важным и обрядово наполненным был день отъезда и прощание призывника с семьёй и деревней. Основные ритуальные действия проводов в солдаты были направлены на возвращение новобранца в родной дом, его защиту во время службы. По такой же структуре разворачивались обряды проводов и у других народов Поволжья и Приуралья⁷⁹.

Проводы в солдаты обычно начинались с рекрутских гуляний, которые растягивались от нескольких дней до недели и более. В это время рекрут с молодёжью обычно катался по деревне на лошадях, ездил

по соседним деревням округи: *«А раньше собирались, лошадь украшали, полотенца навешают, колокольца, некрута катались с гармошкой...»* (с. Пантелеевка Куединского района), *«На лошадях катали по деревне, размахивали платками, песни, гармошка...»* (д. Малые Кусты Куединского района); *«Вот я помню только, когда в армию забирали в Верх-Дойной, запрягают лошадь и с друзьями, с гармошкой по всей деревне, у кого, ну, в другую деревню, в третью деревню, у кого родственники – все зывают. Это я помню. С песнями...»* (д. Дойная Куединского района). Исполнение особых рекрутских напевов и текстов во время гуляний – неперменный атрибут рекрутской обрядности: *«По мелодии уже знаешь, где в армию провожают»* (д. Дойная Куединского района). Гулянья рекрутов – один из атрибутов проводов в солдаты многих народов Поволжья и Приуралья, подчёркивающий как особый статус новобранцев, так и особый характер их поведения в период до проводов на службу⁸⁰.

Непременным элементом рекрутских гуляний был и обычай гостевания у родственников и знакомых как в своей деревне, так и в соседних деревнях. Об этом обычае вспоминают многие информаторы: *«Они по домам ходили. Кто родня, неродня, звали: “Айда сюда!”, “Айда сюда!”, “Иди к нам!”.* Они заходят, сидят, выходят с песнями»; *«По деревне ходили к родственникам. Если у меня есть родня, например, в Усе, и в Усу ездили, и в Антропы, и в Кусты. Ему дают за неделю раньше эту повестку. И тут, и тут, и тут они...»* (д. Дойная Куединского района).

Отличительным атрибутом рекрута в чувашской традиции Пермского Прикамья, как и одним из символов обряда проводов в солдаты, были полотенца. Первое полотенце рекруту часто надевали родители в самом начале проводов. Полотенца рекрут получал от родственников и знакомых во время гостевания у последних: *«Некрута ведь в каждый дом заходят, к родне, к знакомым, к родственникам. Каждый полотенце ему дарит и денег немножко. Полотенце повешают и деньги дают»* (д. Дойная Куединского района); *«Да, все близкие родственники повешают полотенца и завяжут рекруту»* (д. Малые Кусты Куединского района); *«К кому в гости зайдёт солдат, те полотенце и повесят ему. Угостят и повесят полотенце. Вышитые полотенца обязательно были и с кружевами»* (д. Дойная Куединского района). К концу проводов на рекруте могло быть до десятка и более полотенец: *«Много навешают другой раз, много навешают...»*; *«Пятнадцать, семнадцать полотенец бывает, в эту сторону, в эту сторону...»* (д. Дойная Куединского района). Полотенца накидывали рекруту на шею, повязывали крест-накрест: *«Полотенце через плечо, наискосок, рекрут надевает*

у нас, у чувашей» (с. Пантелеевка Куединского района). Полотенце обязательно надевал рекрут и тогда, когда ходил по деревне и приглашал родственников и знакомых на вечер, посвящённый отъезду новобранца: *«Рекрут надевает полотенце и идёт приглашать по домам на вечер»* (с. Пантелеевка Куединского района). Полотенце в обрядности проводов в солдаты выступало важным признаком рекрута и подчёркивало его особый статус. По накинутым и повязанным полотенцам рекрут сразу выделялся среди компании молодёжи. Полотенце в рекрутской обрядности, как и в других семейных ритуалах, символизирует предстоящую дорогу, путь, маркирует важный переходный статус обряда проводов. Полотенце служит и подарком рекруту, дарение полотенца является важным в общинных традициях ритуального дарообмена. Полотенце как обязательный элемент обряда проводов в солдаты известно во многих культурах народов Поволжья и Приуралья, его используют в проводах рекрутов чувашаи разных этнографических групп⁸¹, этот атрибут представлен в обрядности и соседей чувашей – марийцев и удмуртов⁸². Использование полотенца характерно в Пермском Прикамье именно для чувашских традиций, так как соседнее русское население не надевало рекруту полотенца.

Ещё одним атрибутом рекрута у чувашей Пермского Прикамья были платочки, чаще небольшие, вышитые, с кружевами, которые рекрут держал в руках во время гуляний, и которые также использовались в некоторых ритуалах проводов. Платки, так же как и полотенца, дарили новобранцу родственники или знакомые, а чаще всего – девушки-сверстницы, которые участвовали в гостеваниях рекрута и вечере проводов призывника. Информаторы отмечают: *«Собирают рекрута с платками. В обеих руках платки у него»*; *«Девки платочки дарили...»*; *«На подарок носовой платок дарили только. Я это помню»* (д. Дойная Куединского района). Известен обычай бросать при отъезде платок на дорогу, который оставался у новобранца, и которым он махал оставшимся на околице деревни участникам проводов. Платки, в том числе и носовые, встречаются в обрядах проводов в солдаты у чувашей, однако не повсеместно⁸³. В то же время платки в руках рекрутов – неперменный атрибут проводов в солдаты в русских традициях Пермского Прикамья⁸⁴.

Завершающим этапом рекрутских гуляний становился вечер в доме новобранца накануне отъезда. На него приглашались родственники и знакомые, неперменным участником становилась также молодёжь – друзья и подруги рекрута. На вечере не только устраивали застолье по случаю отъезда, но также пели и плясали.

Следующий этап рекрутского обряда – собственно проводы новобранца из деревни – был более всего наполнен ритуальными действиями. Он включал обычаи и обряды, направленные на возвращение солдата на родину, в родительский дом, благословение, комплекс примет, по которым определяли, хорошей ли будет предстоящая служба.

Из обычаев и ритуалов, направленных на благополучное возвращение новобранца со службы, совершаемых при проводах, одним из самых распространённых был обычай давать новобранцу деньги с пожеланием, «чтобы эти деньги вернул после армии»: *«Солдату деньги давали, чтоб вернулся»* (д. Дубленёвка Куединского района); *«Деньги давали, опять вернёшь, вернёшься из армии – деньги вернёшь. Нет, это никто не ворочил, это просто так уж говорили: “Вернёшься, деньги обратно вернёшь”»*; *«Вот деньгами дарят. Говорят ешо, деньги дают, эти деньги обратно привези. Как будто вот обычай такой»* (д. Дойная Куединского района). *«Когда уходил, ему давали денег, чтобы вернулся и отдал»* (с. Пантелеевка Куединского района). В деревне Коровино Куединского района отмечали, что солдату давали старинные серебряные монеты, чтобы они хранили его в дороге, и чтобы он вернул их по приезде.

Рекрута перед отправлением просили также отпить вино из бутылки и откусить от каравай или горбушки кусочек хлеба. Хлеб оставляли на божнице, а бутылку с водкой или вином хранили до возвращения солдата. Эти действия комментировали так: *«Когда вернёшься – допьёшь и доешь»* (с. Пантелеевка Куединского района). Этот обычай был известен в разных деревнях и всегда отмечается информаторами: *«Бутылку оставляли. Вот самогонка была, вот он бутылку начинёт, и эту бутылку хранили до его приезда. Спрячут, чтобы он приехал. У нас было это»* (д. Дойная Куединского района); *«У нас даже бутылку водки в землю закапывали, чтоб вернулся, и вместе с ним выпить»* (с. Пантелеевка Куединского района).

Целый комплекс ритуалов при проводах в солдаты был связан с печью дома. Печь в данном контексте выступала символом родительского очага, а также расценивалась как важный апотропей. Поэтому действия с печью также должны были способствовать возвращению новобранца. В деревне Нижний Тымбай Куединского района чувашки, например, просили новобранца заглянуть в печь: *«В печь заглядывали, обязательно трубу откроют и три раза кричат в трубу: “Жди меня, печка, через два года к тебе живым и здоровым вернись”»*. Так же поступали в чувашских семьях, проживающих в деревне Земплягаш Куединского района: *«Его [рекрута] заставляли в печку посмотреть, чтобы вернулся, и чтобы*

хорошо было...». В селе Пантелеевка Куединского района новобранца просили поцеловать печь и обойти вокруг неё для того, чтобы солдат благополучно отслужил и вернулся домой. Многие ритуальные действия, описанные выше, выполнялись утром в день отъезда.

Значимым в комплексе проводов в солдаты было и родительское благословение, которое новобранец получал непосредственно перед выходом из дома. Рекрута обычно благословляли отец и мать. Однако сам ритуал в семейных коллективах мог варьироваться: в одних случаях ограничивались произнесением словесной формулы и пожеланиями благополучной службы и возвращения, в других – будущего солдата благословляли иконой, крестным знамением: *«Мать-отец благословляют, чтоб жив-здоров вернулся домой»* (д. Дойная Куединского района). Принято было давать в дорогу новобранцу нательный крест, дорожные иконы: *«Иконы дорожные подарят»* (д. Верхний Тымбай Куединского района); *«Крестик ему давали, говорили: "Пусть бог вернёт домой!"»* (с. Пантелеевка Куединского района); *«Крест специально дали, с шеи сняли, дали, чтобы обратно вернулся. Я это помню»* (д. Дойная Куединского района).

Существовали гадания, в которых определяли, хорошей или плохой будет служба у новобранца. В деревне Верхний Тымбай Куединского района, например, поступали таким образом: солдату предлагали выпить стопку, после чего её следовало бросить через голову: *«Если разбилась, то домой не вернётся, если нормально сядет на доньшко, то хорошо отслужит, если на бок упадёт, то тоже плохо будет».*

Определённые приметы и ритуалы сопровождали и выход новобранца из родительского дома. В деревне Дубленёвка, например, чтобы вернуться живым и здоровым, надо выйти из дома, а потом снова зайти.

Окончательные проводы солдата проходили на околице деревни. Обычно все односельчане провожали новобранца до полевых ворот. Здесь прощались с ним, давали напутствия, желали хорошей службы и возвращения домой. На окраине деревни также могли звучать песни и частушки. Особыми ритуалами, совершаемыми на этом этапе рекрутского обряда, в чувашской традиции было бросание монет и яиц на околице деревни. Несколько монет на окраине деревни обычно бросал сам солдат: *«На конце деревни проводят солдата, деньги бросали»* (д. Коровино Куединского района); *«Денег бросали. На лужайку выезжают, денег, мелочь-то бросали. Никто не собирал. Они чё, копейки две, три. Обычаи были такие»;* *«Деньги бросал. Это из деревни выйдут и бросают деньги. У нас в конце деревни двери были, ворота. Там бросали»*

(д. Дойная Куединского района). В разных вариантах ритуал с монетами присутствовал при проводах в солдаты и в других чувашских локальных традициях, исследователи связывают их совершение с жертвой, призванной сохранить солдата от бед и опасностей⁸⁵.

Схожим, а возможно, типологически более ранним по сравнению с обычаем бросания денег был обычай бросать яйца при проводах солдата на околице деревни: *«Бросали, яйца бросали. Это на повороте дороги, на перекрёстке. У нас бросали, Сашку провожали вот с Верх-Дойной племянника, яйца бросали, чтоб вернулся. Оно не крашено было, бело яйцо. На поле бросали. Мне дак вот сказали, что обязательно родители должны были бросить, чтоб он вернулся. Яйца когда бросают, и старались силу дать этому человеку и возвращение домой...»* (д. Дойная Куединского района). Совершение этого действия, как показывают примеры, информаторы также связывают с благополучным возвращением новобранца. Кроме того, полное яйцо символизировало и силу будущего солдата: *«что сила у него будет»*. С яйцом связывались и приметы о предстоящей службе: *«Если разобьётся, когда бросят, значит, не вернётся»* (д. Дойная Куединского района). Обычаи с монетами и с яйцом при окончательных проводах в солдаты также характерны для чувашской традиции в регионе, но они неизвестны соседним русским.

На последнем этапе проводов у околицы деревни новобранцу необходимо было также бросить платок, которым он махал при расставании. Этот платок подбирали и хранили до возвращения солдата (с. Пантелевка Куединского района). Уходящему новобранцу напоминали, *«чтобы назад не смотрел»*; *«назад смотреть не велели, чтобы домой вернулся»*.

Таким образом, обычаи и обряды проводов в солдаты, хотя и не представляют собой значительный и развёрнутый комплекс обрядности, однако включают множество примет, поверий и ритуальных действий. Сохранение института призыва на протяжении всего XX века актуализировало и сохраняло данный комплекс примет и поверий. Так как большая их часть совершалась семейными коллективами, значительно было сохранение этнических традиций, проявившихся в обычаях с монетами и яйцами, в использовании рекрутского полотенца.

Строительство дома и новоселье

Комплексы представлений и обрядов сопровождали также строительство дома и переход в новое жилище. Большое значение придавалось выбору места для будущего строительства. Дом старались не ставить на месте дороги, неблагоприятным для строительства считалось

и пожарище. Особое отношение к месту строительства характеризует в целом чувашские традиции⁸⁶. Дом строили помощью *ниме*, на которую приглашались близкие родственники и знакомые. Для благополучия и достатка в доме принято было при строительстве класть монеты. Обычай этот известен в разных вариантах: монету помещали под матицу, под угол дома, в основание печи: *«Когда строили, под угол клали куда-то деньги, строили, под угол, оставляли там деньги»* (д. Дойная Куединского района); *«Под матицу полтинники клали»* (д. Малые Кусты Куединского района). В деревне Дойная указывали на обычай помещать под матицу не только деньги, но и крестик: *«И под матку у нас клали крест и деньги, и у нас крест положили под матку»*. Подъёму матицы уделялось особое внимание, этот этап строительства заканчивался угощением работников. Перед её подъёмом в паз укладывали монеты, а затем после установления на матицу хозяева ставили четверть самогона, которая предназначалась работникам, накрывали стол и угощали участников строительства. Особые обычаи и обряды связывались с подъёмом матицы и у чувашей других территорий⁸⁷.

В новый дом старались не переходить в високосный год, который считался тяжёлым и неблагоприятным. Первой в новый дом пускали кошку. Затем заносили каравай хлеба или квашонку с тестом: *«Вот мы когда дом построили, мы сначала пустили в дом кошку, потом тесто, квашонку занесли. Раньше квашонки были деревянные, большие, семь-то большие были»* (д. Дойная Куединского района). Среди обычаев, связанных с переходом в новое жилище, существовал и такой: всех прохожих угощали испечёнными в новом доме пирогами и шаньгами: *«Квашонку в дом принесёшь, тесто замесишь, чтобы оно поднялось. Затопишь печь и хлеб испекёшь, и кто проходит, всех зовём и угощаем самогонкой. Да, да, да. Вот когда мы переходили в новый дом, нам так сказали. Сначала кошку пустили, потом квашонку занесли. Я пироги стряпала, шаньги. Вот проходили, я звала, угощала этих людей, чтобы жить нормально, как это, для богатства»* (д. Дойная Куединского района). Распространённым у пермских чувашей можно считать обычай всем, кто первый раз заходит в новый дом, бросать деньги: *«Деньги на пол бросали у нас. Кто первый в дом заходит, деньги бросали на пол»* (д. Дойная Куединского района).

Представления о новом жилище связывались у прикамских чувашей с поверьями о домовом и переселении его в новый дом. В деревне Дойная домового следовало пригласить во время переселения в новый дом из старого, для чего прибегали к разным способам: *«А я брала*

домового. Веник поставишь, а когда переходишь, этот веник тащишь с собой с домовым. Я веником перетасила». Неисполнение этого ритуала могло повлечь за собой беспокойство для жителей нового дома: «А вот когда мы дом построили, мы домового с старого дома не брали. Вот старший сын у нас, месяц мы жили в новом доме, три комнаты, в одной маленькой комнате сын спал, он говорит, как двенадцать часов, за руку меня тянет, говорит, поднимает и уходит. Вот месяц он мучился. Потом говорит, мама, я никак не могу уснуть. “Почему?” – “Вот не знаю, кто меня за руки, и иди отсюда, не дом, не дома живёшь”. Я в деревне поговорила, и мне одна женщина говорит, иди в старый дом, поставь сумку к голбцу, поставь, говорит, и скажи: домовый, пошли домой. Сумку открой, потом сумку закрой, говорит, и принеси к голбцу. Вот, и с той поры не стало, не стал мучить моего сына-то» (д. Дойная Куединского района). Представления у пермских чувашей о хозяине дома, видимо, испытали влияние традиций соседнего русского народа: обычай переселения домового из старого дома в новый находит прямые параллели в традициях русских района.

Из обычаев, связанных с хозяином дома, некоторые информаторы указывали на бытование в Прикамье у старшего поколения обычая угощать домового на шестке печи: «Они всегда верили, вот чувашки, вот я сама сколько помню. Старые люди верили в это. Мама поставит кашу эту для домового, а мы откуда знаем, для кого это поставлено. [Смеётся]. Съедем... Кастрюля маленькая, каша там была, и она сверху клала олашек большой игереч. На шесток ставят. В маленьком блюдечке кашу эту, пшённую. Вечером, зимой, я помню, зимой. Я не помню, какого числа. Это для домового. Чтобы домовый не обижался на хозяев, чтобы помогал в жизни. Для богатства, для хозяйства... Делали у нас родители, а я уже нет. Она потом куда-то деваётся эта каша. Правда что ли, домовый съедает?» (д. Дойная Куединского района). Описанный обряд находит параллели в приготовлении ритуальной каши для духа – покровителя дома и домашнего очага *хёртсурта*, известном у разных групп чувашей⁸⁸.

Праздник по случаю новоселья, бытующий как под чувашским названием *сёнь нұрт ёски*, так и под русским – *влазины*, проводили вскоре после вселения в новый дом. Гостями на празднике обычно становились те, кто принимал участие в его строительстве, и старшие родственники.

Похоронно-поминальные обряды

Похоронно-поминальные обряды в цикле семейной обрядности обычно отличаются устойчивостью и сохранением комплекса архаичных ритуалов и представлений. По мнению исследователей, культ

предков у чувашей и в настоящее время является существенным компонентом духовной культуры⁸⁹. Пермские чуваше также сохраняют комплекс похоронно-поминальной обрядности, в котором наряду с универсальными компонентами, христианскими традициями, бытуют народные ритуалы, ярко характеризующие этнические особенности.

Информаторы очень часто не выделяют похоронно-поминальные ритуалы как особенные, считают их типичными для христианского населения, отмечают и близость к традициям соседнего русского населения: *«Похороны у нас от русских не больно отличаются»* (д. Малые Кусты Куединского района). Обычно выделяют разницу лишь в отдельных ритуалах.

Смерть человека, по представлениям чувашей, наступала тогда, когда душа *чун* покидала тело. Чувствуя приближение смерти, умирающего предписывалось переложить на лавку или деревянную кровать, убрав перину. Пермские чуваше сохраняли представление о том, что умершего на перине на том свете заставят пересчитывать перья: *«Главное, чтоб подушки и перины не было, а то, говорят, там считать будет»* (д. Верхний Тымбай Куединского района). Эти же представления характерны и для других групп чувашей⁹⁰.

Сразу после наступления смерти приступали к обмыванию умершего. Обмывание покойника является обязательным ритуалом. Обмывание проводили в доме или бане. В прошлом воду для обмывания старались брать из проточного источника, чаще из реки: *«Из речки воду берут, из колодца нельзя»* (д. Бормист Чайковского района). Часто человек перед смертью сам назначал обмывальщиков. Обычно обмывали родственники и знакомые, к женщине приглашали женщин, к мужчине – мужчин. Считалось, что участвовать в обмывании должно нечетное число людей – обычно три человека. Среди предписаний, связанных с этим ритуалом – запрет мыть голыми руками, мыть тряпочкой, в противном случае у того, кто обмывал, будут мёрзнуть ноги: *«Говорят, если покойника рукой мыть, ноги мёрзнуть будут»* (д. Верхний Тымбай Куединского района). Все действия, которые совершали с умершим, делали наотмашь, наоборот, не так, как живому человеку: *«Когда моют, поливают покойника наотмашь, портянки наматывают с внутренней стороны на внешнюю»* (д. Бормист Чайковского района).

Среди пермских чувашей было распространено поверье, что вода, которой обмывали покойника, наделена особыми свойствами, она может навлечь болезнь, если ходить по тому месту, куда её вылили. Покойничью воду, по поверьям, можно было использовать и в злых умыслах.

Поэтому предписывалось выливать воду в особое место: *«Воду после него в сторону сливали, чтобы собаки и люди не ходили»* (с. Большие Кусты Куединского района); *«Воду в отдельное место нехоженое выливают, чтоб не топтали»* (д. Верхний Тымбай Куединского района). Наоборот, другие предметы умершего могли стать апотропеем, защищать человека. Повсеместно среди пермских чувашей было распространено поверье, что крест и рубаха с умершего помогают в суде: *«С покойника если крест возьмёшь, он тебя огородит»* (с. Большая Уса Куединского района); *«Если крест с покойника взять на суд – не засудят»* (с. Большие Кусты Куединского района).

После обмывания обычно одевали умершего и укладывали в гроб. Прежде чем положить тело в гроб, на дно помещали стружки, опил, листья с берёзовых веников, затем на дно укладывали белый холст. Предписание помещать на дно гроба опил и стружки связано с поверьем не оставлять ничего от покойника и от изготовления гроба: *«В гроб кладут стружки и опил: от покойника ничего оставлять нельзя»* (д. Дойная Куединского района). Листья от берёзового веника часто помещали на дно гроба, ими также наполняли подушку. Среди пермских чувашей сохранилось поверье, что женщина должна сохранять свои волосы – собранными волосами и набивали подушку покойнику: *«Если покойник волосы свои хранил, то волосы положат в наволочку»* (д. Дубленёвка Куединского района). Данное поверье соотносится с представлениями о том, что покойника на том свете заставят собирать все свои волосы.

Среди обязательных предписаний, связанных с одеждой покойного – предписание хоронить женщину в головном уборе, в *сурпан*, а чаще – в платке: *«Женщину без платка не хоронят»* (д. Дойная Куединского района). Некоторые информаторы отмечали, что в качестве погребальной использовали свадебную одежду. Пожилые обычно заранее готовили одежду «на смерть». Сверху умершего закрывали белым полотном. В гроб в некоторых случаях было принято класть вещи, которые, по представлениям, будут необходимы усопшему. Среди них расчёска для мужчины и гребень для женщины: *«Мужику ещё расчёску положат, женщине – гребёнку»* (д. Коровино Куединского района); мыло, иголки, нитки: *«Нитки покойнику кладут»* (д. Бормист Чайковского района); *«В гроб гребень кладут, мыло, иголку, нитки»* (д. Верхний Тымбай Куединского района).

В похоронных ритуалах пермских чувашей, как и других групп народа, особое внимание уделено ниткам. Три нитки раздавали всем пришедшим проститься с покойником: *«Нитки потом дают. Просто*

раздают, перед тем как хоронить, раньше делали свои нитки по три штуки, по метру, нитки просто так, любого цвета» (д. Коровино Куединского района). Нитки, получаемые при прощании с умершим, должны были быть использованы: *«Людям нитки дают, ими шить надо»* (с. Пантелеевка Куединского района). В последние годы вместо холщовых ниток домашнего изготовления стали использовать покупные катушки с нитками: *«Учувашей на похоронах нитки дают по три штуки. Раньше нитки были портяные, а сейчас шпульки дают»* (д. Дубленёвка Куединского района). Три нитки берут участники похоронного ритуала, когда идут за водой для обмывания покойного: *«Если воду для обмывания из речки берут, то по дороге оставляют три нитки»* (д. Бормист Чайковского района). Нитки кладут в гроб с умершим: *«В гроб иголки кладут и нитки»* (д. Нижний Тымбай Куединского района). Нитки широко представлены в похоронно-поминальной обрядности чувашей, а также других народов Поволжья и Приуралья⁹¹, они символизировали дорогу, путь в иной мир⁹². Информаторы часто обычай раздавать нитки связывают с дорогой: *«Мы по три нитки даём, это как дорога на кладбище»* (с. Пантелеевка Куединского района).

Гроб с покойным размещали в переднем углу, при этом чувашей ставили гроб ногами к переднему углу, «к иконам»: *«В доме он лежит, на икону смотрит, а когда выносят, переворачивают ногами к дверям»* (д. Коровино Куединского района); *«Ногами к иконам положить, а выносить тоже нужно ногами вперёд»* (с. Пантелеевка Куединского района); *«Покойника кладут лицом на иконы, а выносят ногами вперёд, хотя в доме лежит лицом к иконам, поворачивают»* (д. Дубленёвка Куединского района); *«Ногами к иконам ставили, а выносили тоже ногами вперёд»* (д. Бардабашка Бардымского района). Размещать гроб в доме ногами к переднему углу – это устойчивая традиция у пермских чувашей. В то же время среди соседнего русского населения, на что указывают и информаторы-чувашеи, известно два варианта размещения гроба в доме. Ногами к иконам ставили гроб соседние старообрядцы. Православное русское население умершего размещало головой к иконам.

Среди предписаний похоронного ритуала – не оставлять покойника «одного» (*«одного нельзя оставлять»*). В течение дня и ночи принято было находиться у гроба родственникам и знакомым. При этом женщинам предписывалось быть всё это время в головном уборе.

Согласно традиции похороны проводили на третий день после смерти: *«После того, как он три дня отлежит, его хоронить надо»* (д. Дубленёвка Куединского района); *«Три дня у чувашей не хоронят»*

(с. Пантелеевка Куединского района); *«Говорят, две ночи надо дома держать покойника»* (д. Бардабашка Бардымского района). В день похорон в доме умершего собирались родственники, знакомые, односельчане. Прощаясь с усопшим, все проходили вокруг гроба: *«Вокруг гроба по солнышку один раз обходят, и подарки дают, кто что приготовил: мыло, носки, платочки, полотенца»* (д. Коровино Куединского района). Известен в Пермском Прикамье и обычай, характерный также для чувашей метрополии⁹³, передавать через гроб несовершеннолетних детей покойного.

В разных населённых пунктах были разные варианты поминальной трапезы. В одних случаях первый стол собирали ещё до похорон, «при покойнике». Так часто поступали в небольших деревнях, которые были расположены далеко от кладбища: *«Где кладбища нет, при покойнике собирают прощальный обед, он в доме лежит, а людей кормят. А кто на кладбище съездит, ещё кормят»* (с. Пантелеевка Куединского района). Соседнее русское население обычай кормить участников похорон до выноса покойника отмечает как особенность чувашских похорон: *«У русских в рот не берут, пока хороняют, а у них молостник пьют и тут же едят»* (с. Пантелеевка Куединского района). В других деревнях сохранялся обычай угощать всех участников похорон оладьями с мёдом: *«У нас, когда провожают, на оладьи мёд намажут и дают, и нитки дают»* (д. Дойная Куединского района).

Во время шествия похоронной процессии сохранялся обычай подавать первому встречному, не участнику похорон. На «первую встречу», «на помин» в разных деревнях вручали либо полотенца, либо узелок с посудой и стряпнёй. Так, в деревне Бормист Чайковского района отмечали: *«Когда покойника везут, то впереди идёт самый близкий человек покойника. Он несёт чашу с мёдом и подарок – полотенце. Его дарят первому встречному человеку и кормят мёдом»*. В деревнях Куединского района чаще вручали узелок с чашкой и выпечкой: *«Первому встречному на помин дают. На помин, так и говорят. Чашку, положишь олашки, в носовой платок завяжут»* (д. Коровино Куединского района); *«Вот и первому попавшему на пути во время похорон посуду, пирожки, завязанные в платок, даёшь...»* (д. Дубленёвка Куединского района); *«У нас посуду, нитки в платочек белый завернут, кто первый навстречу идёт – отдают»* (д. Малые Кусты Куединского района). Схожие обычаи первой встречи также характерны для чувашей других территорий⁹⁴, известны они и в русской традиции. Однако обычай дарить полотенце русским юго-западного Прикамья не известен.

Гроб с умершим обычно несли на руках на полотенцах до окраины деревни либо до первого перекрёстка, где его ставили на сани, телегу, а позднее – машину. Идя за гробом, во многих деревнях принято было бросать пихтовые ветки. Во время движения похоронной процессии к кладбищу, если на пути попадалась река, близкие родственники бросали в воду монеты. Информаторы так комментировали необходимость выполнения этого действия: *«Как воду выкупают, для покойника...»* (д. Дойная Куединского района).

На кладбище, прежде чем опустить гроб в могилу, принято было выкупать землю для покойного, для чего в могилу бросали деньги, а в некоторых случаях и кусочки хлеба: *«Перед покойника серебряные деньги бросают»* (д. Коровино Куединского района); *«В могилу бросают хлеб и деньги»* (д. Малые Кусты Куединского района); *«Маме деньги бросали и хлеб»* (д. Маремья Бардымского района). Выполнение таких действий повсеместно связывали с необходимостью выкупа земли для покойника: *«Деньги в могилу кидают для выкупа»*; *«Гроб опускают, тоже деньги бросают. Место не выкупишь, покойника к себе не принимают»* (с. Пантелеевка Куединского района). В Пантелеевке отмечали обычай выкупать землю и перед тем, как начинают копать могилу: *«Могилу начинают копать, деньги кладут – место выкупают»*.

На кладбище обычно происходило и последнее прощание с умершим, для чего было принято трижды обойти вокруг могилы: *«Прощаются, три раза вокруг могилы обходят, руками дотрагиваются у ног и у головы»* (д. Коровино Куединского района); *«Вокруг могилки три раза обходят и говорят: “Пусть земля будет пухом”»* (д. Малые Кусты Куединского района).

Вернувшись с кладбища, участники похорон шли на поминальную трапезу. По обычаю принято было накрывать нечётное число поминальных столов, за которыми по очереди кормили всех участников похорон. В деревне Дубленёвка Куединского района отмечали: *«Когда похороны, три стола нужно сделать»*. На нечётное число указывали и в Пантелеевке: *«У нас нечётное число собирают, один, три или пять»*. Среди правил поминального стола – отсутствие вилок, участникам трапезы подают только ложки. Среди запретов поминальной трапезы – выходить из-за стола до её окончания: *«Пока все не напьются, не наедятся – из-за стола не выходят»* (с. Пантелеевка Куединского района). Обязательные блюда поминального стола – кутья, мёд и пироги.

Целый комплекс поверий и представлений был связан с умершим. В случае неправильного исполнения погребального ритуала покойник

может присниться и указать на ошибки: *«Ребёнка в чепчике похоронили, а надо было платок надеть, снится, что голова у него мёрзнет. Подала платок старухе»* (д. Дойная Куединского района); *«Видела мужа своего, он был так хорошо одет, поблагодарил всех, что хорошо проводили, но сказал, что я ему носовик не дала. Ему нужно в руки было положить, а я ему в карман засунула»* (с. Пантелеевка Куединского района).

Точное соблюдение ритуалов похоронно-поминальной обрядности обеспечивало «хорошее» расположение души умершего в потустороннем мире. Обязательным считалось, например, отпевание усопшего: *«Пока не отпоёшь, там плохо ему. Сон видела про отца: “Вот, – говорит, – я теперь у окна стою. В яме сидел, теперь выкарабкался!” Отпела я его»* (с. Пантелеевка Куединского района).

Особые ритуалы проводили в случае, если в семье после похорон до совершения поминок сорокового дня был второй покойник. В этом случае на похоронах в могиле с умершим хоронили куклу: *«Если в родне двое умерло, сорочины не прошли ещё, то со вторым хоронят куклу, сами делают или покупают. Её в коробке вперёд гроба в могилу кладут, чтобы третьего не было»* (с. Пантелеевка Куединского района); *«Если кто-то умер, а до 40 дней со смерти кто-то второй умер, то, чтоб третий не умер, кладут в гроб куклу и говорят: “Не ходите за третьим покойником!”»* (д. Верхний Тымбай Куединского района).

К раздаче милостыни обычно прибегали в том случае, если покойник часто снился или снился в определённой ситуации: *«А снится, дак надо милостыню подать или из дому что-то»* (с. Пантелеевка Куединского района); *«Если покойник во сне есть просит, надо накормить прохожих и гостинцы раздать»* (с. Большие Кусты Куединского района). Если покойник часто снился, прибегали и к такому способу: *«Если тебе покойник часто сниться будет, то нужно рыбью голову через плетть кинуть перед сном и сказать: “Вот, на тебе рыбью голову, ты иди”»* (д. Дубленёвка Куединского района).

Пермским чувавам известны мифологические представления, согласно которым нечистая сила в облике умершего могла навещать близких родственников и знакомых. В таком случае совершались ритуалы, направленные на защиту дома: *«Семигодовалым маком сыплют вокруг дома»*; *«Люди-то, которы вот чё делают, вениками-метёлками гонят, ещё говорят: “Не приходи больше!”»* (д. Верхний Тымбай Куединского района). В некоторых случаях считали, что в образе умершего нечистая сила появляется только в том случае, если покойника не отпели в храме: *«Если не отпетый, дак может ходить, отпетый, дак не ходит...»*

(с. Пантелеевка Куединского района). Одной из причин «хождения» называют сильную тоску по умершим: *«А если по покойнику тосковать сильно будешь, он приходить будет»* (с. Пантелеевка Куединского района). К апотропейным можно отнести обычай приносить с могилы землю: *«Чтобы не ходил, не пугал, с могилы берут землю и в подполье кидают»* (с. Пантелеевка Куединского района).

Поминальные ритуалы у чувашей Пермского Прикамья приурочены к 3, 9, 20 и 40-му дням. Поминки третьего дня обычно проводились непосредственно во время похорон. Поминание девятого дня считалось обязательным в цикле поминальных ритуалов, однако эти поминки могли проводить лишь в кругу семьи. На поминки двадцатого дня (полусорочина) также собирались обычно в семейном кругу: *«Полусорочина – не собирают людей, только сами поминают»* (д. Малые Кусты Куединского района). Такие же сроки поминовения умерших характерны и для соседнего русского населения, в то время как обычай поминовения на седьмой день, известный в Чувашии, в Пермском Прикамье не отмечен⁹⁵. Среди предписаний, связанных с выбором поминальных дней, есть поверье, что *«поминки на день вперёд надо делать»* (с. Пантелеевка Куединского района).

Особой сложностью и наполненностью обрядовыми действиями отличались поминальные ритуалы сорокового дня. По представлениям, характерным для многих народов, душа умершего до сорокового дня оставалась на земле: *«До сорокового дня душа здесь»* (д. Коровино Куединского района); *«До сорока дней душа дома, может сниться»* (с. Пантелеевка Куединского района). Во время сорочин принято было посещать могилу покойного: *«На сороковой день поминки делают, на кладбище приходят. Покойнику подают еду и говорят: “Будьте сыты, к нам больше не ходите, мы к вам сами придём!”»* (с. Пантелеевка Куединского района). На поминки приглашали родственников, знакомых, тех, кто принимал участие в похоронах. В некоторых случаях сохранялось предписание накормить за поминальным столом не менее сорока человек: *«Не меньше сорока человек должны покушать»* (д. Малые Кусты Куединского района). Среди блюд поминального стола пермские чуваше отмечали кутью (*«рис с изюмом»*), кисели (*«кисель варят густой из овсяных хлопьев»*, *«кислый кисель варят»*), куриный суп с лапшой (*«обязательно был куриный суп»*, *«лапша с курицей»*), каши, мёд, оладьи, другую домашнюю выпечку. Старшее поколение отмечало обязательное приготовление к поминальным трапезам пива.

У пермских чувашей сохранялся обычай на сороковой день провожать душу умершего. В этом случае после поминального обеда его участ-

ники шли во двор дома или на перекрёсток дорог, где и прощались с усопшим: *«Пиво берут с собой. Стряпню, выходят на перекрёсток трёх дорог, за деревню, все гости идут туда, прощаются»* (д. Малые Кусты Куединского района); *«Все поедят, все покушают, потом со стола кое-чѐ маленько соберут и выходят на улицу, провожают. Берут выпивку, свечку. В сторону огорода на чистое место. Там помянешь, свечку зажжёшь, полотенце и воду ещё с собой берут, потом руки помоешь и зайдёшь в избу, и всё, за стол снова садишься»* (д. Дойная Куединского района). В некоторых случаях оговаривалось присутствие лишь нечётного числа участников ритуала: *«выходило нечётное число народу»*. На перекрёстке дорог бросали также стряпню и выливали пиво, предназначавшееся умершему. По возвращении каждый участник проводов заносил со двора в дом полено: *«На обратном пути каждый по полену несёт с сарая, в дом, кладут около печи»* (д. Малые Кусты Куединского района).

После «проводов души» в доме накрывался второй, «новый» стол для участников поминального обряда: *«Душу провожают, уходят, а кто остаётся в доме, всё со стола убирают и заново стол ставят, новый стол уже. Стол с места на место передвинут и потом уже за здоровье пьют. Потом поют за здоровье хозяев, кто остался в живых, за здоровье живых. Поют, и уже можно плясать после, когда проводят»* (д. Дойная Куединского района).

С сорокового дня снимались многие запреты, регламентировавшие поведение родственников покойного: *«После сорокового дня можно песни петь»* (с. Пантелеевка Куединского района); *«Телевизор после сорокового дня можно смотреть»* (с. Большие Кусты Куединского района).

Следующие поминальные ритуалы приурочивались к полугодовому сроку и были известны как полгодаины, полугодинины, а также к годовщине после смерти. В эти сроки было принято опять собирать поминальный стол и приглашать родственников и знакомых. Последние поминки по умершему проводили на третью годовщину. В деревне Малые Кусты Куединского района так характеризовали обычай этих поминовений: *«Два года не справляли, а на третий раз, на третий год последний раз людей собирали»*.

Среди предписаний существует требование в течение трёх лет посещать кладбище на все поминальные дни. По прошествии трёх лет разрешалось лишь домашнее поминовение умершего: *«Три года могилу надо навещать, потом можно дома поминать»* (с. Пантелеевка Куединского района); *«Нехорошо будет, если не поминать, три года на кладбище постоянно ходить надо»* (д. Коровино Куединского района). В дальнейшем поминовение умерших проводили в общие календарные сроки.

Таким образом, комплекс семейной обрядности пермских чувашей оказался развёрнутым и наполненным разнообразными обрядовыми действиями. В семейной обрядности сохранились многие элементы, которые ярко характеризуют этнические традиции. Некоторые элементы семейных традиций и в настоящее время актуальны и продолжают сохранять этнические черты.

Календарные праздники и обряды

Календарные праздники и обряды наиболее полно и ярко характеризуют культуру этноса, у каждого из народов они отличаются многообразием, взаимосвязаны со всеми другими компонентами культуры. Традиционный народный календарь чувашей Пермского Прикамья также один из значимых элементов этнокультурных традиций. Как и другие элементы традиционной культуры, календарные праздники и обряды складывались на основе традиций, принесённых при переселении, в условиях адаптации к новым природно-климатическим реалиям, дисперсного расселения в полиэтническом этнокультурном окружении.

Наиболее развёрнутым празднично-обрядовым циклом у пермских чувашей были праздники и обряды зимнего периода от Рождества до Крещения – **Святки**, известные также и под чувашскими терминами *сурхури*, *кишарни*. Такие же термины для святочного периода использовались в традициях преимущественно верховых и средненизовых чувашей⁹⁶.

Среди святочных обычаев многочисленностью вариантов отличаются святочные гадания. В ходе полевых исследований записано множество их вариантов, большая часть которых связана с желанием узнать о будущем замужестве. Способов гаданий было несколько, одни из наиболее популярных – гадания-выслушивания. Для таких гаданий использовали разные пространственные локусы: слушали на перекрёстке, под окнами, на мосту, у колодца, на кладбище. В селе Пантелеевка Куединского района слушали у колодца: *«Если булькает – к плохому, звенит – к хорошему»*. Популярными были гадания на перекрёстке дорог, известные в разных вариантах: *«На росстани слушались. Где собака взлает – в ту сторону замуж выйдешь»* (с. Пантелеевка Куединского района); *«Выйдешь на дорогу, на перекрёсток, палку возьмишь, её крутишь, снег скрипит, как будто выговаривает. Какой звук пошлышится, имя – Гриша или Миша»* (д. Кашка Куединского района). Своеобразным представляется гадание-выслушивание на кладбище: *«Ходили на кладбище, кресты стучали. Спросишь: “Вы как там?”. Спрашивали, какой*

жених будет, как жить будешь. Слушашь. Вместе с русскими ходили. Ничё, не страшно» (д. Дойная Куединского района).

Гадания, в основе которых были высматривания, также бытовали в разных вариантах. Жениха высматривали в колодце: *«С фонарём гадали около колодца, что вода тебе высветит, то в будущем тебе и будет...»* (д. Верхний Тымбай Куединского района). Широко распространённым гаданием было высматривание в зеркале: *«Обручальным кольцом гадали, стакан воды на бумажку с золой ставили, кольцо на своём волосе опускаешь, зола узоры даёт стакану, там человека видно. Смотреть надо через зеркало. Мне вот мужик привиделся. В тот же год замуж вышла»* (с. Пантелеевка Куединского района). В святочные дни гадали по луне: *«На луну смотрят. Если две увидишь, то взамуж выйдешь в этом году. Долго надо смотреть»* (д. Кашка Куединского района). На высматривании основано и гадание со стружкой или бумагой, которую сжигали и по отбрасываемой тени предсказывали будущее: *«Стружки жгли у дверей и на тенях гадали: что увидишь на тени, то тебе и будет»* (д. Верхний Тымбай Куединского района).

Бытовали гадания, основанные на выборе жребия. Чаще всего ворожили с курицей: *«Куриц затащут, курицу с петухом. Блюдечко с зерном поставят, воду. Если станет клевать – богатый, если воду пить – пьяница»* (д. Кашка Куединского района); *«Курицу приносили. Если уголь, деньги, зерно клевать будет – богатый жених, если воду пьёт, муж пьяница будет»* (с. Пантелеевка Куединского района). Чувашки из деревни Кашка отмечали бытование такого способа гадания: *«В подвал кольца, это девки кидали на ниточке, достанет, смотрели, что прилипнет, если волосок, чё-то прибудет».*

В целом ряде святочных гаданий важным был вещий сон. На сон гадали также разными способами: *«Колодцы на замок закрывали, кто по воду придёт, ночью во сне, если девка, жених придёт»* (д. Кашка Куединского района); *«Брали таракана и зашивали его в подол и ложились спать. И что приснится, уже смотрели...»* (с. Пантелеевка Куединского района).

В основе ряда гаданий – ощущения, получаемые во время выполнения ритуала, и их интерпретация: *«Ещё в мурейку в бане руку суёшь. И какая рука будет, волосатая или голая, такой у тебя и муж будет, богатый или бедный»* (д. Верхний Тымбай Куединского района); *«Ещё в баню ходили, если лохматый кто-то подаёт руку, значит, богатый будет жених. В окошко банное руку совали. А парни специально подшучивали, то голой рукой здоровались, то варежками. Если варежками – богатый жених будет»* (д. Дойная Куединского района).

Узнать направление, откуда следовало ждать жениха, также можно было несколькими способами, например при помощи валенка: *«Кидали валенок за ограду, куда носок, оттуда и будет твой жених»* (с. Пантелеевка Куединского района). В другом случае для определения направления использовали длинную жердь, которой крепили сено на возу – бастрык: *«Бастрык поставили, в какую сторону упадёт, туда и замуж»* (д. Коровино Куединского района).

Распространённым было и гадание с ложками: *«Воду замораживали в ложке. Если станет бугром – прибыль, богато жить будет, ровно – ничего не будет»* (д. Кашка Куединского района).

Среди святочных гаданий известно пермским чувашам и гадание с овцами: *«Овечку ловили в темноте, если старую поймает, то муж таким будет»* (с. Пантелеевка Куединского района). От гадания с овцами, по мнению некоторых исследователей, и происходит название праздничного цикла *сурхури* (букв.: овечья нога)⁹⁷. От гадания как обрядовый комплекс праздничного цикла *сурхури* широко представлены в культуре разных этнографических групп чувашей⁹⁸.

Другим комплексом святочной обрядности было ряженье. Чаще всего ряженных именовали *сряжунчиками*, реже *святками*. Называние ряженных сряжунчиками характерно для всей территории юго-западных районов Пермского Прикамья, а термин «святки» встречается только на тех территориях, которые освоили чувашаи, так что можно предположить поволжское его происхождение. Тем более, что и в русских традициях подобные названия встречаются преимущественно в Поволжье⁹⁹. Приёмы ряженья были разнообразны: выворачивали шубы, надевали маски или другими способами закрывали лицо, чтобы быть неузнанными, переодевались мужчины женщинами и наоборот: *«Сряжунчики ходили, встречались по вечерам. Неделями сряжунчики ходили. Да всяко место надевают, их и не узнаешь. Женщины в мужчин одевались, мужчины в женщин – не узнать. Лицо марлей ли тряпичей ли завешивали. И старые и малые. Но больше-то молодёжь ходили»* (д. Маремья Бардымского района); *«Чёртом, обезьяной, стариком, старухой рядились. На лицо маску из газеты, картона делали...»* (д. Бормист Чайковского района); *«Было принято рядиться. Парни в девок, девки в парней, маски одевали...»* (с. Пантелеевка Куединского района); *«Так святками и называли. Лицо у них краской и сажей намазано, шубы они навыворот надевали»* (с. Пантелеевка Куединского района). Среди зооморфных персонажей ряженья информаторы отмечали медведя, корову, козу: *«Ещё у нас Святки были. В них сряжались всё: в медведя, в корову...»*

(с. Пантелеевка Куединского района). В деревне Дойная отмечали ряженье в козу: *«Бегали тоже мы в Святки. Маски делали, как козе, переводили рога самодельные, бороду делали – отрезали от коня гриву»* (д. Дойная Куединского района).

Ряженные обходили дома, где обычно плясали: *«приходят и попляшут», «придут в дом, попляшут, поют»: «Раньше старые ходили, плясали, сряжунчики ходили, святки. Идут, говорят: “Пусти, святки к тебе идут!” – с заслонкой, балалайкой ходили»* (д. Бормист Чайковского района). Часто во время обходов ряженных угощали конфетами, стряпней, нередко подносили брагу или пиво: *«Придут в дом, пляшут, поют. А ты им дашь чего-нибудь съестного или денежки»;* *«Да, бегали тут всякие по домам, конфет да пива просили. Заходили они в дом, песни пели. Давайте нам пирога, давайте пива нам. Они в дом стучались: “Святки пришли!”. Но некоторые не пускали...»* (с. Пантелеевка Куединского района).

В качестве обычая, бытовавшего преимущественно в ареале расселения верховых чувашей, но известного и среди других групп, исследователи отмечают приготовление особой выпечки – шариков из теста *ййва*, которые в праздничные дни раздавали детям и с которыми проводили определённые гадания¹⁰⁰. Этот обычай бытовал и в Пермском Прикамье: *«К Рождеству мама шарики такие делала, ййва. Их на ночь клали на праздник под зголовья. Их на Рождество клали и на Новый год клали тоже. Какой сон приснится, хороший приснится – хороший год будет. Плохой приснится – плохой год»* (д. Дойная Куединского района).

Завершал цикл святочной обрядности праздник **Крещения** (19 января). Среди обычаев Крещения – ходить за святой водой. Святую воду брали в православных храмах: *«Крещенье, Крестени праздник, мама ходила в другие деревни в церковь, говорили, там воду святят. Мама ходила за водой»* (д. Маремья Бардымского района). Однако чаще всего, особенно в советский период, когда большая часть храмов была закрыта, святую воду в ночь на Крещение брали обычно на родниках: *«Воду святити, воду святить у нас ведь церкви не было. Из этого брали, из ключа утром рано до солнышка. Мама всё говорила, это святая водичка. Обязательно, пока солнышко не взойдёт, она: “Ну-ко, святую водичку принесите. Пока, – говорит, – вода не замаранная, принесите”. Приносили эту воду, годами она стоит»* (д. Шалам Куединского района). Святая крещенская вода, по народным представлениям, обладала целебными свойствами: *«Её пили, если болеешь»* (д. Маремья Бардымского района); *«Это называлась святая вода, её всё берегли. Мама всё говорила, эту воду*

не надо трогать. Это когда сильно заболеешь, она капельками немножко даст глотнуть, когда чё вот, много не давала» (д. Дойная Куединского района). Ещё среди крещенских – обычай ставить кресты над окнами и дверями жилых и хозяйственных построек: *«Кресты ставят, чтобы чёрт не зашёл»* (д. Бормист Чайковского района).

Рождество, Старый Новый год, Крещение в некоторых деревнях были престольными праздниками с приуроченным к ним гостеванием родственников и знакомых, которые проходили в праздничных застольях: *«Собирались, каждый ехал к родне, день, два, три гуляет деревня»* (с. Пантелеевка Куединского района).

Как видим из приведённых примеров, основными обрядовыми комплексами Святки у пермских чувашей были ряженье и гадание. Эти ритуальные комплексы занимали важное место в обрядности этого периода и у чувашей в Поволжье¹⁰¹, в то время как другие обычаи, представленные в традициях основных групп чувашей в Прикамье, почти не отмечены¹⁰². Ряженье и гадание являлись значимыми и в комплексе обрядности соседнего русского населения края, поэтому их бытование было актуализировано иноэтническим окружением. В советский период именно эти комплексы обрядности продолжали бытовать и сохранялись в активной форме вплоть до недавнего времени.

Следующим значительным праздничным циклом народного календаря была **Масленица**. Чаще всего пермские чуваше пользовались русским названием праздника, однако не забыли и чувашского термина *Џаварни*. Большая часть обычаев Масленицы, в том числе катание на конях, катания с гор, имела общественный коллективный характер, поэтому в русско-чувашских деревнях праздник обычно отмечался сообща.

Среди обычаев Масленицы – катание с гор, о котором рассказывали все информаторы. Эта забава была распространена повсеместно. О масленичной неделе обычно говорили: *«на санках неделя шла»; «целую неделю катались»*. В редких случаях для этого строили специальные горки, обычно использовали естественные возвышенности – угоры. Нередко для масленичных катаний выпрягали конские сани: *«Здесь катались раньше на больших конных санях, оглобли выворачивали...»* (д. Малые Кусты Куединского района). В выселке Шалам, где проживали только чуваше, молодёжь тоже устраивала катание с гор на выездных санях – кошовках, о чём рассказывают информаторы: *«Вот Масленица и есть. Целую неделю так катались. У нас на выселке горы были очень крутые, с горок на кошовках. Кошовки были, сани же, но как со спинками.*

А в кошовку садится очень много людей. Вот туда многуша насядем. А там, в логу костёр разведём. Через костёр на кошовках проедем. А там и угли, дым и грязь. Костёр жгём, через костёр, солому зажгём. А чё, едем, едем, едем, а там под костром, там туда яма, в одну сторону, в другую. Все валимся, всё...» (д. Дойная Куединского района).

Однако чаще всего с горок катались на санках, либо готовили к Масленице *лотки* – широкую толстую плаху впереди заостряли, а дно намо-
раживали: *«Из корытчика делали, середину-то выдолбят у доски, снизу коровьим навозом намажут, обольют водой, застынет, на них катались»* (с. Большие Кусты Куединского района). Другим приспособлением для масленичных катаний была *кобылка*, отличающаяся от лотка тем, что она имела сиденье: *«Кобылка, это скамейка как, но только на лыжах»* (д. Коровино Куединского района). В катании с гор принимали участие не только дети и молодёжь, но и все жители деревни: *«На горках катались, садились по многу и мужчины, и женщины вместе. И старики катались»* (с. Большие Кусты Куединского района); *«Да, помню и старухи катались даже, кто на санках, кто на лотках, а кто и на льяном снопе, охота всем, видимо»* (д. Бардабашка Бардымского района).

Катание на конях также было известно в Пермском Прикамье у чужащей, его бытование отмечают во многих деревнях. Для праздничных катаний коней украшали ленточками, колокольчиками, запрягали в лучшую выездную упряжь: *«Раньше на Масленицу специально запрягали лошадь, лошадь украшали полностью! И обязательно колокольчики!»* (д. Дойная Куединского района); *«Мы катались на лошадях. Лентами, колокольцами лошадь украшали»* (д. Коровино Куединского района).

Сроки и время катания на масленичной неделе варьировались в разных деревнях. В селе Большие Кусты Куединского района катания проводили только в вечернее время, несколько раз во время праздничной недели, *«но не каждый день»*. В деревне Дойной отмечали, что катание на лошадях устраивали только при проводах праздника, в последний день Масленицы: *«На Маслену всю неделю на лотках катались, а когда уходит – на лошадях катались»*. Обычно катались только в своей деревне: *«В другие деревни не ездили, только в своей катались»* (с. Большие Кусты Куединского района).

Характерный обычай Масленицы – печь к празднику блины и шаньги: *«Стряпали блины да шаньжки»* (д. Бардабашка Бардымского района); *«Блины да шаньги делают»* (д. Дойная Куединского района). Как отмечают информаторы, *«блинов стряпали много, все надо съесть, блины ели с мёдом,*

маслом, сметаной» (с. Большие Кусты Куединского района). Обычай гадания с первым блином отмечен в деревне Шалам Куединского района: *«Çăварни, это уж обязательно блины пекли, блины мама испекёт, из гречневой муки. Испекёт блин и говорит: “Выходи, молодой встретится или старый. Постарше меня встретится, значит, мужик будет старый, молодой встретится – молодой будет”. Вот выходим с этим блином на улицу»*.

С Масленичным воскресеньем связан обычай просить прощения накануне Великого поста: *«Вот когда на улице люди встречаются, говорят: “Прости меня!”»* (д. Колегово Куединского района); *«В последний день Масленки прощение просили»* (с. Пантелеевка Куединского района).

Проводы Масленицы обычно не имели развёрнутых ритуальных действий, а сопровождались разжиганием костров. В разных деревнях Куединского района с чувашским населением так рассказывали о проводах праздника: в деревне Дубленёвка *«в последний день просто солому жгли в одной куче»*; в селе Пантелеевка, провожая Масленицу, *«солому сжигали на горе, ею кидались»*, *«в воскресенье жгли Масленку, брали солому, клали на сани, поджигали и катили с горы»*; в деревне Дойная на угоре, где проводили масленичные катания, также *«кучей солому наваливали и поджигали»*, *«чучело не делали, просто костёр жгли»* и *«через солому, которая горит, санями проезжали»*. Про масленичные костры также говорили: *«Масленку жгли»* (д. Малые Кусты Куединского района).

В структуре масленичной обрядности, которая носила общественный характер и отмечалась всем сельским сообществом – русскими и чувашами, следует отметить слабое сохранение собственно чувашских обрядовых комплексов. В Пермском Прикамье не зафиксированы характерные для масленичной обрядности верховых чувашей заклички и масляные лепёшки, общесельский пир средненизовых чувашей¹⁰³. Проводы Масленицы с разжиганием масленичных костров – наиболее распространённая традиционная форма и у русского населения этой территории. В то же время катание с гор и катание на конях, являвшиеся центральными и наиболее устойчивыми комплексами этого праздника, универсальны и характерны как для чувашей, так и для русских¹⁰⁴.

Среди весенних дат особо выделен в народном календаре пермских чувашей праздник **Благовещения** (7 апреля). С ним у пермских чувашей, как и других народов, связывались запреты на работу в этот день, праздник считался «тяжёлым» днём. Запрещено было заплетать волосы в Благовещение: *«Девка даже косы не плетёт в праздник»* (д. Коровино Куединского района); *«Птичка гнёздышко не вьёт, красна девица косу не плетёт»* (д. Дубленёвка Куединского района).

С пасхальным циклом праздников связано и почитание **Вербного воскресенья**, или Вербного дня, известного и по-чувашки как *Кăчкă праздник*. В этот день было принято приносить в дом веточки вербы, ставить их на божницу. Часто эти веточки украшали бумажными цветами. В этот же день принято было украшать и божницу, готовясь к празднику Пасхи. Великий четверг – четверг на предпасхальной неделе – также был известен чувашам в Пермском Прикамье как день подготовки к празднику, уборки жилых и хозяйственных помещений: *«В тот день избы моют. Я помню, все начинали работу по дому. Песком полы мыли, потолки, стены, всё. Всю избу мыли в четверг. Стайку [хлевы для скота] чистили. Печки белили. Квашонки всегда чистили, да»* (д. Дойная Куединского района). Информаторы отмечают, что другие обычаи Великого четверга были восприняты уже на новой родине от русского населения: *«Деньги считают, раньше этого не делали, сейчас только, мода пошла только сейчас»* (д. Дойная Куединского района).

Пасха – *Мăнкун, Мункун* (букв.: Великий день) была одним из главных праздников годового цикла православных чувашей. К Пасхе чуваше обязательно прибирали в домах и мыли избы. Накануне праздника красили яйца, обычно покраску яиц приурочивали к субботе накануне праздника: *«В пятницу мыли яйца, в субботу – красили, в воскресенье – ели»* (с. Пантелеевка Куединского района). Наиболее распространённым способом было окрашивание яиц в отваре луковой шелухи, чем добивались тёмно-красного или бордового цвета. Крашеные яйца выступали пасхальным подарком: *«Кто придёт, обязательно надо дать яйцо»* (с. Большие Кусты Куединского района). Одно, два, а иногда и три окрашенных яйца помещали на божнице. Яйца, пролежавшие у икон три года, наделялись особыми свойствами отводить пожар: *«Пожар будет – с этими яйцами пойдёшь на пожар – меньше горит»* (д. Дойная Куединского района); *«Если идёт пожар, его можно остановить, бросив в него трёхгодичное яйцо с божнички...»* (с. Пантелеевка Куединского района); *«На Пасху крашеные яички, их хранили на беду... Какая-нибудь беда случится, эти яички обойдёшь. Вот особенно пожар. Это яичко обезжишь, туда, говорит, бросишь, огонь, говорит, никуда не перейдёт. Это нас мама маленьких учила. Чего-нибудь, говорит, случится, с иконой яичко возьмите, вокруг обезжите и туда кинете, чтобы никуда огонь не перекинулся»* (д. Дойная Куединского района). Пасхальные яйца были и главным блюдом на праздничном столе. Яйцо – универсальный символ весенних праздников народов Поволжья и Приуралья¹⁰⁵, широко представленный и в чувашской традиции разных территорий¹⁰⁶.

В первые годы после приезда, в 1920-х – начале 1930-х годов, сохранялась традиция посещать в праздник церковь в русских сёлах округа (деревня Дубленёвка, сёла Большая Уса, Лайга и другие). Атмосферу праздника передают воспоминания информаторов: *«Раньше перед Пасхой постовали семь недель, а нас, детей, только первую и последнюю недели постовать заставляли. Яйца красили, носили в церковь святить. Мы все в церкву шли, мама дома оставалась. На Пасху в церкви красиво. Придём из церкви, у мамы уже всё на столе: суп, яйца, стряпня»* (д. Дойная Куединского района).

В советское время *«встречать Христа»*, или *«встречать Пасху»* обычно оставались дома и лишь изредка отправлялись в церковь. В деревне Дойная Куединского района, например, в ночь на праздник зажигали свечу и произносили молитву – *«Пасху встречали»*. Считали, что в эту ночь Христос спускается на землю и остаётся на все дни праздника.

С Пасхой были связаны некоторые представления и запреты. В праздничное утро наблюдали игру солнца, считалось, что в этот день «солнце играет», радуется празднику. Известны и некоторые запреты, например не разрешали в этот день открывать сундуки, а позднее – и распахивать дверцы шкафов, считалось, что в ином случае летом во время урагана может снести крышу дома: *«Говорили, сундук нельзя открывать, с вечера открывали, приготовить всё надо»* (д. Коровино Куединского района); *«На Христов день сундуки открывать нельзя, а то крыши сорвёт ветер»* (д. Бормист Чайковского района); *«Сундук откроешь – тоже беда будет. Ничё. Всё заранее, накануне – вот всё приготовили заранее. Я строго насчёт этого, строго. Даже шифоньер не даю открывать. Беда, говорю, пристигнет. Нельзя. Это мама учила, моя мама»* (д. Дойная Куединского района). Подобный запрет был известен верховым чувашам¹⁰⁷ и не известен русскому населению Прикамья, поэтому его также можно отнести к сохранившимся чувашским комплексам календарных представлений. В Пасху старались не готовить рыбные пироги, отмечали, что *«шаньги и пироги стряпали, а рыбный пирог – нельзя»*, хотя объяснение этого обычая уже было забыто.

Пасхальное время как начало нового природного и хозяйственного цикла – сакральное время, обладавшее и определённой опасностью, с чем был связан и описанный выше запрет на открывание сундука. Среди схожих пасхальных запретов – запрет выходить из дома в праздник с непокрытой головой, что также, по поверьям, могло навлечь град, ураган, другие несчастья: *«На Пасху мама не давала раздетой выходить, без головного убора. Вот у меня нынче вся семья были на Пасхе, все дети*

были. Я говорю, девчонки, смотрите, чтоб не одетые не один не выйдете. Мама всё говорила, выйдете раздетые утром в первую очередь, обязательно ураган придёт, с домов крыши сорвёт, чём-нибудь да беду наделает. Не давала мама раздетой выходить, без головного убора. Нельзя. Вот на Пасху утром, в день Пасхи до обеда полностью чтобы босиком, без головного убора не выходили» (д. Дойная Куединского района).

К празднику Пасхи в чувашских семьях обычно готовили на подарок детям новую одежду: *«Фартуки мама сошьёт нам, платье с карманами. Папа лапти новые сплетёт. Заранее подарки готовили и в сундуке хранили»* (д. Дойная Куединского района). Взрослые также старались приготовить себе что-то новое из одежды: *«На Пасху обязательно новую одежду шили, рубахи, чулки новые»* (д. Бормист Чайковского района). Обычай надевать на праздник Пасхи новую одежду характерен и для других групп чувашей¹⁰⁸.

Главным развлечением пасхальных праздников в пермских деревнях как у чувашей, так и у русских были качели. Их устанавливали и в закрытых дворах усадеб, и на открытых полянах и площадках в деревне. Разной была и конструкция качелей, их строили на двух столбах с перекладиной либо возводили «круговую качель» – на одном центральном столбе укрепляли несколько верёвок, на которых и раскачивали катающихся: *«На угор ходили, качели делали. Круговую качель делали – столб вроят, на него колесо, на колесо – четыре верёвки, на конце верёвки – петля. В петлю садятся – колесо крутится. Парни шестом петли цепляют – четыре человека одновременно поднимают, раскручивают девок, потом отпускают, девки, как ласточки, летают»* (д. Дойная Куединского района). Кататься на качелях собиралась не только молодёжь, но и взрослые. Здесь же на полянах, где стояли качели, пели и плясали под гармошку либо танцевали «Коробочку», «Краковяк», «Подгорную».

Среди пасхальных обычаев сельской общины – обычаи гостевания у родственников и знакомых: *«В Пасху ходили по домам, от одного к другому»* (с. Пантелеевка Куединского района); *«Вот Пасху целую неделю, целую неделю из дома в дом праздновали. Из дому в дом...»*; *«В Пасху гуляли: так у одних посидят, потом к другим идут – и по всем...»* (д. Дойная Куединского района). В небольших поселениях в таких гостеваниях принимали участие все жители деревни: *«Пасху обязательно гуляли целую неделю. У нас было одиннадцать домов, из дому в дом ходили. Сегодня у меня пируют, завтра у соседа. Пели, плясали»* (д. Шалам Куединского района). Такие же гостевания родственников и соседей обычно приуро-

чивали не только к Пасхе, но и к другим значимым праздникам народного календаря: *«А в деревне, если собираю я сегодня праздник, да, вот один идёт по деревне, всех собирает, зовёт: “Приходите сегодня в гости”. Это детей отправляли. Детей нет, так взрослые ходят. И в каждый дом: “Вот сегодня в гости приходите”. В один праздник у одних праздновали, другой праздник – у другой. Вот, например, в Пасху у меня дак, на Масленицу или чё – у другой. Паска – неделя, каждый день. Вот у нас родственников много, сегодня у тебя, завтра у тебя. Всю неделю ко всем ходим»; «В праздники ходили в назначенный какой-нибудь дом, не просто же так. Вот, например, назначили, сегодня у нас гуляют, значит, вся тут деревня у нас почти гуляет. Та улица – в другом доме. Вот так ходили. В следующий праздник в другой дом ходили. Соседи, родственники, не вся деревня всё же. Это мы в Пасху ходили так, и в Масленицу ходили. Кто в гости идёт, что-нибудь да принесёт, с пустыми руками никто не ходил. Пирог хуплу таскали раньше и пиво»* (д. Дойная Куединского района).

Обрядовый комплекс у пермских чувашей был связан с **первым выгоном скота на пастбище**. Он не приурочивался к конкретной календарной дате, а совершался «по погоде». Выгонять скот было принято веточками вербы с Вербного воскресенья. После выгона ветви размещали в конюшне, чтобы скот «знал дом» и возвращался домой с пастбища. В этом обычае у чувашей Пермского Прикамья часть ритуалов носила домашний характер и выполнялась в каждом хозяйстве, другие имели общественный характер и чаще всего совершались пастухами. Среди «домашних» ритуалов, совершаемых при первом выгоне, обычай поить корову водой «с печной заслонки»: *«Когда первый раз корову выгоняешь. Утром налью тёпленькой воды, беру заслонку. Заслонку вымою три раза: “Как заслонка от печки не отходит, пусть скотина так от дома не отходит!” Я по-русски это говорю...»* (д. Дойная Куединского района). Как видно из примера, данный ритуал совершался, чтобы обеспечить возвращение скота в хозяйство с пастбища. Другие действия защищали скот от болезней и сглаза: *«Раньше на шее у коровы был поясок такой шитый специальный, и там вот бусинки были ещё пришитые, белые как называлась такая штучка, белая с дырочкой [раковина каури], это обязательно телёнку и корове привязывали. Это сразу делали, как выгоняешь первый раз, надеваешь, и на всё лето. И каждый год так делала, из года в год, пока дёржишь корову. Как ошейник, лента широкая, как ремень сделают и бусинки эти нашьют»* (д. Дойная Куединского района).

Развёрнутые обычаи выгона скота, связанные с пастухом, отмечены в деревне Дойной Куединского района. В первый день выгона *«каждый*

хозяин даёт пастуху яйца», «у нас яйца пастуху дают», «я и сейчас даю, яйца сварить, варёные, кто сыр даёт, стряпню», затем пастухи совершали ритуальное действие с яйцами – выкладывали их на муравейник, произнося: «Как муравьи гуртом ходят, так и скотина». Считалось, что после этого скот будет дружно ходить по пастбищу и не разбредаться. Когда хозяева проводили скотину к стаду, им предписывалось посидеть около пастбища некоторое время: «Надо посидеть, это, говорили, для того, чтобы скотина была спокойная, зад свой прижмёшь и посидишь. Но чтоб они не разбрелись» (д. Дойная Куединского района).

Среди обычаев первого дня выпаса с участием пастуха – обычай объезжать стадо: «А кто если пасёт первый день, говорят, на палку садится верхом и обходит всё кругом». Эти действия выполняли для того, чтобы скот ходил дружно, «чтоб никуда не терялся». Окружение, зачерчивание – известные приёмы охранительной магии. Схожий комплекс скотоводческих ритуалов с пастухами был характерен для чувашей метрополии, он описан и проанализирован в литературе¹⁰⁹. А вот у русских юго-западных районов Пермского Прикамья подобные ритуалы неизвестны¹¹⁰, что также свидетельствует о сохранении чувашами этого комплекса обрядности на новой родине.

Весенний праздник Егорьев день (6 мая) считался днём начала сева капустной рассады. Весенние праздники Вознесение, Николин день отмечались как дни луговых весенних гуляний, луговые гулянья в этот период приурочивали также к воскресным дням. О весенних и летних гуляньях так рассказывали в деревне Батманы Куединского района: «Раньше на лужки часто ходили. Вечером собирались и девки, и парни. Часов до 10–12 вечера пели, плясали под гармошку, балалайку. Мой муж гармонистом был. [В игры на лужке играли?] Играли в кошки-мышки. Вокруг Александровской берёзы хоровод водили. Сами друг за друга встают и водят хоровод. В другие деревни иной раз ходили. Было и такое, что к нам прибежали из других деревень».

Традиционный для чувашской календарной обрядности праздник **Акатуй** проводился и в Пермском Прикамье. Формирование в советский период новых аграрных праздников завершения сева привело к сохранению некоторых традиционных форм народных праздников. В Пермском Прикамье, в его юго-западных районах, колхозный праздник окончания весенних полевых работ, проводившийся в начале июня, был известен как *праздник борозды, отсевки*, нередко и русские использовали для его названия иноэтнические термины, чаще всего – **Сабан-туй**¹¹¹. Поэтому традиционный чувашский **Акатуй** в Прикамье также

стал одним из вариантов колхозного праздника завершения весенних полевых работ: *«Раньше посевная кончится, праздник акатуй делали, "ака" – это "сеять", а "туй" – "свадьба", посевная свадьба. Пельмени, брагу делали, столы на природе ставили, председатель колхоза доклад читал, награждал. Спортивные соревнования были: на столб лазали, бежали, канат тянули»* (д. Дойная Куединского района). Как массовый общественный праздник после проведения весенних работ проводится *Акатуй* сегодня и в районах Чувашии¹¹², хотя в прошлом традиционный праздник имел более развёрнутый ритуальный характер, проводился в разные сроки, как до, так и после сева¹¹³. В раннем, более архаичном виде в Пермском Прикамье *Акатуй* не проводился.

Завершала цикл весенних праздников **Троица**. К Троице у пермских чувашей было принято украшать дома берёзовыми ветками: *«Раньше-то берёзы надломают и в избы нанесут ветки-то»* (д. Малые Кусты Куединского района). Украшали жилище как внутри, так и снаружи: *«Это на Троице берёзу наломали и везде навтыкали: и под окошком, и на окнах, на рамы втыкали. Мама говорила, чтобы везде всё зелено было»* (д. Дойная Куединского района). Нередко украшенные берёзки ставили перед воротами дома, размещали над окнами: *«Берёзку обязательно приносили, ставили перед воротами дома, украшали тряпочками. Долго стояла, потом на дрова убирали»* (с. Большие Кусты Куединского района); *«На Троицу дом украшали ветками рябины, черёмухи, берёзы, снаружи»* (д. Дойная Куединского района). Украшение домов берёзкой характерно больше для чувашского населения юго-восточных районов, соседнее русское население обычно не украшало дома ветками внутри и снаружи, а украшало берёзку¹¹⁴. В то же время обычай ходить в лес, приносить ветви деревьев и украшать ими жилище отмечен у чувашей метрополии¹¹⁵.

Украшение берёзки, как и гулянья вокруг неё, распространённые у пермских чувашей, являются воспринятым и совместным обычаем русских и чувашей в Пермском Прикамье. Такие гулянья обычно проводились всеми жителями деревни. Часто там звучали хороводные и игровые русские песни: *«Красили берёзку, вокруг берёзки кругом ходили, платки, ленточки на берёзку повесишь. Один около берёзки ходит, а остальные большим кругом, пели "Во поле берёзка стояла..."», "Александровска берёза..." пели...»*; *«Берёзу рубили, украшали платками, лентами, носили по всей деревне. Поставят, пляшут вокруг неё, поют "Александровску берёзу". Играли – "третий лишний"»* (д. Дойная Куединского района); *«Украшали берёзку тряпочками, вели хоровод, с русскими песни пели»* (д. Малые Кусты Куединского района). Старшее

поколение отмечало, что в первые годы после приезда *«только русские украшали берёзку, ленточки навешают, ходят вокруг»*, а чувашаи *«только смотрели»* (д. Дойная Куединского района). Однако с течением времени чувашаи стали активными участниками праздника.

Среди троицких обычаев – приготовление новых берёзовых веников. Обычно их вязали к Троицкой субботе, а утром в субботу, накануне поминовения умерших, ходили в баню париться новыми вениками: *«И обязательно в баню ходили, с новыми вениками, обязательно. На Троицкую субботу, как на кладбище идти, утром рано баню истопишь и попаришься, чтобы, говорит, ну, уопишие тоже с нами вместе помылись...»* (д. Дойная Куединского района).

Троицкие праздники считались днями рождения и почитания природных стихий – земли, воды, леса. Как День земли был известен понедельник после Троицы с распространявшимися на него запретами ходить босиком, работать на земле в этот день: *«В понедельник земляной праздник, землю трогать не надо»* (д. Дойная Куединского района); *«Праздник земли на другой день после Троицы, земля – именинница»* (д. Коровино Куединского района); *«После Троицы в понедельник – праздник земли. Нельзя было ходить босиком по земле»* (д. Дубленёвка Куединского района). Днём рождения воды считались суббота перед Троицей или вторник после праздника, главный запрет – стирка в этот день: *«Вторник – водяной праздник – стирать нельзя»* (д. Дойная Куединского района). Вариативными были представления о дне рождения леса – воскресенье, собственно праздник Троицы, либо среда после праздника: *«В среду праздник леса»* (д. Дубленёвка Куединского района).

К комплексу летних праздников примыкают обряды и действия, связанные с предупреждением засухи и вызыванием дождя. Их совершали обычно по мере необходимости в засушливые годы. В разных сёлах и деревнях вспоминали о разных ритуалах. В деревне Дубленёвка, например, отмечали проводимое по случаю засухи моление: *«Если дождя долго не было, шли в лес с иконой молиться»*. Во многих деревнях летом совершали ритуальное обливание: ходят по улице и *«водой друга брызгают»* (д. Коровино Куединского района). Делали это, чтобы вызвать дождь: *«Дождя нет, нужно водой ходить плескать всех»* (с. Пантелеевка Куединского района); *«Когда дождя не было, мы прохжих водой обливали и говорили: “Дай, Бог, дождя!”»* (д. Земплягаш Куединского района). Бытовало поверье, что небесную воду держат предки, поэтому существовал обычай поливать во время засухи могилы на кладбище. В селе Пантелеевка Куединского района в засуху

предписывалось «мыть котлы»: *«Мы с одной старухой котёл мыли, дождя нет. Старинный котёл был, помыли, и дождь пошёл. Если дождя долго нет...»*. «Игра в дождь», обливание – один из самых распространённых ритуалов вызывания дождя у многих народов Поволжья и Урала. Известен он и чувашам основной территории¹¹⁶, и русским в Пермском Прикамье¹¹⁷. Обычай «мыть котлы» характеризует в Пермском Прикамье лишь чувашскую традицию, использование «котлов» в метеорологической магии в Чувашии известно и на других примерах¹¹⁸.

Среди календарных дат летнего периода особо выделен **Иванов день** (7 июля), о котором у пермских чувашей существовал целый комплекс мифологических представлений, связанный с цветением папоротника. *«Это в Иванов день надо в 12 ночи идти в лес, послать белое полотенце и ждать. Черти тут будут. Этот папоротник двенадцать раз цветёт. На двенадцатый раз его сорвать надо, положить в карман – невидимкой будешь»* (д. Дойная Куединского района); *«Папоротник цветёт. Говорят, надо одному идти, вдвоём не получится. Легенда ходила: если подберёшь, можно невидимкой сделаться»* (д. Кашка Куединского района).

Петров день – начало сенокоса. Старожилы вспоминают, что *«раньше не косили до Петрова дня»*. К Петрову дню старались заколоть барана – *«в сенокос чтобы силы были»* (д. Малые Кусты Куединского района); *«режут барана, едят мясо»* (д. Дубленёвка Куединского района). Особо отмечали праздник в тех деревнях, где он был престольным. Петров день как дата начала летней страды, начала сенокоса известен и в районах Чувашии¹¹⁹, есть он в праздничном календаре и соседнего русского населения¹²⁰.

Среди осенних праздников пермским чувашам был известен **Ильин день** (2 августа). До Ильина дня старались завершить сенокос, а с Ильина дня начинали жатву: *«Ильин день, жатва начинается. Как раз второго августа жать начинали»* (д. Дойная Куединского района). С Ильина дня начинали копать и употреблять картофель, до этого дня *«картошку не тревожили»*. В этот день было принято пробовать картофель нового урожая: *«В Ильин день обязательно пробуют свежую картошку. Уй-ран со свежей картошкой едят обязательно. Всё, говорят, с этого дня можно есть свежую картошку»* (д. Дойная Куединского района). В деревне Дубленёвка Куединского района указывали на обычай выпекать на праздник хлеб из муки нового урожая. В тех деревнях, где Ильин день отмечали особо, как престольный праздник, кололи барана.

На границе осени и зимы пермские чувашаи отмечали праздник **Покров** (14 октября). К этому дню ждали выпадения первого снега:

«Первый снег на Покров выпадает, зима начинается» (д. Коровино Куединского района). С Покровом связывался ряд примет о погоде и будущем урожае: *«Ясная погода – в огороде всё будет расти на следующий год»* (д. Малые Кусты Куединского района). Один из обычаев праздника – готовить пирог, чтобы сохранить тепло, «тепло запекать», «тепло заганивать»: *«В Покров обязательно пекли пирог, хуплу. Тепло, говорят, надо в дом заганивать. Обязательно пирог пекли...»* (д. Дойная Куединского района). Чуваши считали, что с Покрова природа начинает дышать холодом¹²¹, смысл ритуала – сохранить тепло в доме. Обычаи удержания тепла известны у чувашей не только в Пермском Прикамье¹²².

Целый комплекс в народном календаре чувашей составляют поминальные обычаи. Календарные поминовения умерших приурочивали к весенним и осенним праздникам. Поминовение и посещение кладбища приходилось на вторник через неделю после Пасхи – Радуницу. Другим поминальным днём была Троицкая суббота. Хотя в некоторых деревнях ходили на кладбище и в сам праздник Троицы. Осенними поминальными днями считались Покровская суббота, Казанская и Ноябрьская: *«Покойников поминаем мы после Пасхи во вторник и в Троицкую субботу. В Казанскую субботу поминают и в Покровскую субботу поминают, Казанская 4 ноября. До этого вспоминают. Дмитровская суббота вот ещё около восьмого бывает ноября. Но мы на кладбище ходим только в Троицкую субботу. Это у нас Семик и есть. Но в каждой деревне в разные дни ходят, где как ведь. В Малых Кустах в воскресенье ходят, в Троицу. В каждой деревне по-своему. У нас здесь все собираются в субботу»* (д. Дойная Куединского района). Однако, как видно из примера, в поминальные осенние дни не всегда посещали кладбище. При поминках на кладбище было принято обязательно оставлять на могиле яйца, в Радуницу – окрашенные в красный цвет, как и на Пасху, могилы посыпали зерном, с собой приносили пиво, квас, стряпню и устраивали поминальную трапезу. Среди поминальных обычаев – обязательно готовить блины и оладьи: *«Само главное, оладьи или блины пекли на родительские дни. И с мёдом закусывали. По рюмке выпили...»* (д. Дойная Куединского района). Других, более архаичных обычаев, связанных с поминовением умерших и известных у других групп чувашей¹²³, в Пермском Прикамье не зафиксировано.

Восприняты были переселившимися чувашами местные престольные праздники, бытовавшие в русских сёлах и деревнях округи¹²⁴. Как и русские, в деревне Батманы Куединского района чуваше

признавали престольными *«12 февраля – Присвятых, 14 октября – Покров»*; в деревне Маремья Бардымского района – *«Николин день 19 декабря, Ильин день – 2 августа»*, в деревне Коровино Куединского района – *«Новый год, Ильин день, Покров»*, в селе Пантелеевка – *«Троицу и Введение, 4 декабря»*, в деревне Дойная – *«Крещение, Вознесение и Покров»*, в деревне Малые Кусты – *«Рождество и Николу весеннего»*. Престольные праздники отмечали все жители деревни, и русские, и чуваши: *«Праздновали с русскими вместе, ходили в гости. В Чувашии, мама рассказывала, отмечали Спас, а здесь другие стали праздновать»* (д. Дубленёвка Куединского района). К престольным праздникам готовились особо, *«обязательно варили пиво, делали бражку»*. Родственники и знакомые гостились на праздники, приезжали на престолы в соседние деревни: *«В Введеньё наедет гостей, поём и пляшем...»* (с. Пантелеевка Куединского района); *«К нам по ним [престольным праздникам] из других деревень приезжали»* (д. Дубленёвка Куединского района); *«Вот в Коровино Покров отмечали, в Верх-Усе тоже Покров. У нас в Верх-Усе тётка жила, ездили. Готовились к празднику. Ждёшь, что гости придут в такой праздник»* (д. Дойная Куединского района).

Таким образом, проанализированный материал позволяет сделать определённые выводы о бытовании календарной обрядности у пермских чувашей. Календарная обрядность как один из основных и стержневых компонентов народной культуры сохранила актуальность при переселении и продолжала развиваться на новой территории проживания.

С одной стороны, чуваши при переселении сохранили и принесли некоторые календарные традиции со старой родины, в том числе терминологию народного календаря. Часть обрядов народного календаря пермских чувашей не имеет аналогов в обрядовой культуре русского населения юго-западной части Пермского края. В то же время чувашеи Пермского Прикамья происходили из разных районов Чувашии, поэтому принесли разные исходные традиции. В новых условиях наиболее актуализированными оказались общие, универсальные обрядовые и праздничные комплексы, в то время как существенно отличающиеся в разных группах обычно уже не бытовали. Архаичные обрядовые комплексы в новых условиях почти не воспроизводились, главными в системе народного календаря стали досуговые элементы.

С другой стороны, проживание в иноэтничном, русском, окружении также актуализировало, в первую очередь, те общественные комплексы праздничной культуры, которые составляли общий пласт в традициях

обоих народов. В иноэтническом окружении, со сложившейся системой и традициями календарных праздников и обрядов русских, чуваши активно восприняли праздничную культуру русского населения, особенно общественные традиции календарных праздников. Взаимодействию народного календаря способствовала и определённая близость календарных обычаев народов: в их основе лежали праздники православного календаря, а многие календарные традиции имели универсальные формы и были общими, как, например, крашение яиц на Пасху, качание на качелях, масленичные катания с гор и т. д.

Важным институтом сохранения чувашских традиций в календарной обрядности явилась семья. Семейные и родовые коллективы транслировали и передавали традиции календарной обрядности, которые показывают значительную степень сохранности этнических компонентов.

Развитие календарных обычаев, как и других явлений этнической культуры, в Пермском Прикамье происходило в эпоху существенных трансформаций традиционной культуры, в условиях новых идеологических и социально-экономических реалий, что сказалось на изменении и разрушении календарных праздников и обрядов как целостной системы. В этих условиях календарные праздники и обряды пермских чувашей не сформировались в целостный единый региональный комплекс с присущими только им чертами.

ТРАДИЦИОННЫЙ ФОЛЬКЛОР

Фольклор пермских чувашей складывался на основе традиций, перенесённых с исторической родины. Им удалось сохранить традиционные образцы и жанры фольклора. Переселение из разных районов Чувашии привело к тому, что в Прикамье можно услышать тексты, характерные для разных этнографических групп и локальных традиций чувашей. Достаточно позднее формирование группы в период активного разрушения комплексов традиционной культуры не привело к формированию регионального фольклора с характерными особенностями. Проживание в соседстве с русским населением обусловило активное взаимодействие, что проявилось в восприятии чувашами фольклорных текстов и соседнего русского народа.

Песенный фольклор чувашей, как и других народов Поволжья и Приуралья, чрезвычайно богат и разнообразен. Наиболее древним и интересным жанром, бытовавшим в Прикамье, можно назвать обрядовые песни, сопровождавшие семейные ритуалы – свадьбу, проводы в солдаты, гостевание родственников. В Пермском Прикамье почти

не отмечено бытование архаичного жанра традиционного песенного фольклора – календарных обрядовых песен. Одним из популярных жанров песенного фольклора стали лирические песни. Во время праздничных гуляний исполнялись также чувашские игровые и плясовые песни.

Ещё один жанр фольклора пермских чувашей, принесённый при переселении и активно развивавшийся в Пермском Прикамье – это частушки *такмак*. Значительная часть частушек бытовала и исполнялась на родном языке. Однако в репертуаре исполнителей, как правило, были частушки на двух языках – родном и русском. Они звучали во время молодёжных гуляний, свадебного и рекрутского обряда, календарных праздников и обрядов. Тематика частушек была крайне разнообразна, выделяются целые циклы солдатских, любовных частушек, а также посвящённых тому или иному историческому событию.

Как мы отмечали, проживание в русских деревнях, в окружении русского населения способствовало активному усвоению чувашами русского фольклора. Совместные гулянья на весенне-летних хороводных праздниках Вознесение, Троица, Заговенье способствовали формированию во многих русско-чувашских деревнях общего репертуара русских игровых и хороводных песен. От чувашского ансамбля «Юрату» деревни Дойная Куединского района, например, наряду с традиционным фольклором на родном языке было записано множество игровых, хороводных и плясовых русских песен, характерных и для соседнего русского населения. Другим жанром, активно осваиваемым чувашами, стали русские протяжные лирические песни и романсы. Активное освоение песенного репертуара соседнего народа свидетельствует об интенсивности межэтнических контактов русских и чувашей в Пермском Прикамье.

Среди прозаических жанров у пермских чувашей отмечено бытование традиционной сказки. Несколько сказочных текстов было записано в деревнях Куединского района. Другим, не менее популярным жанром традиционного фольклора как на родном, так и на русском языках являются мифологические рассказы о духах природы, духах жилых и хозяйственных построек: лесном, водяном, домовом, баннике. Жизнь в русском окружении привела к взаимопроникновению мифологических традиций двух народов, заимствованию сюжетов и образов.

Многочисленные устные рассказы повествуют о переселении из разных районов Чувашии в Пермское Прикамье. В памяти старшего

поколения эти события связаны с их личной судьбой и историей. Однако у второго и третьего поколений пермских чувашей на основе рассказов стариков складываются семейные и исторические предания, для которых характерны типичные общие сюжеты и мотивы, определённые образы. К топонимическим и историческим преданиям следует отнести рассказы об основании и истории населённых пунктов, происхождении их названий. Часть этих рассказов воспринята у местного населения.

Одним из ярких носителей и знатоков чувашского фольклора Прикамья по праву можно назвать Елизавету Абрамовну Егорову (1924 г.р.) из деревни Дойная Куединского района. В 1928 году её родители переехали в Пермское Прикамье, и уже здесь от старшего поколения Елизавета Абрамовна восприняла многочисленные тексты фольклора чувашей. От Е. А. Егоровой записаны лучшие образцы чувашского фольклора Пермского края: сказки, мифологические рассказы, свадебные и рекрутские обрядовые песни, тексты игровых и хороводных песен, лирические мелодии. Часть записанных текстов чувашского фольклора опубликована в сборниках, посвящённых многонациональному фольклору Пермского края – «Сказки, живущие в Прикамье», «Куединские песни»¹²⁵. С 1958 года в Дойнинском сельском Доме культуры работает фольклорный чувашский коллектив, бессменным руководителем которого многие годы была Елизавета Абрамовна Егорова. Последние несколько лет этот фольклорный коллектив, состоявший из старшего поколения чувашей, известен как ансамбль «Юрату» («Любимые»).

Среди традиционных инструментов, бытовавших у пермских чувашей, следует отметить гусли *кёсле*. Гусли были обязательными участниками свадебных обрядов, деревенских гуляний. Чувашей-гуслиров приглашали не только на чувашские свадьбы и гулянья, они были дорогими гостями и в русских деревнях и сёлах. В 1960–1970-е годы наигрыши на гусях можно было услышать на сельских сценах, так как гусли были участниками самодеятельных фольклорных и театральных коллективов. Последние старики-гуслиры сохраняли традицию игры на инструменте ещё на рубеже 1970–1980-х годов. К настоящему времени традиция игры на гусях у пермских чувашей исчезла.

Другим инструментом, получившим активное бытование в крае среди чувашей, становится гармонь *хут купӑс* в разных её вариантах: тальянка, хромка, минорка. Под наигрыши гармошки исполнялись

плясовые и игровые песни, частушки. Они сопровождали традиционную пляску и фигуры кадрили, ланце и других танцев. Наряду с гармонью особой популярностью пользовалась также и балалайка *тӓмра*, чаще всего считавшаяся женским инструментом. Балалайка также сопровождала исполнение плясовых песен, частушек.

В настоящее время в среде пермских чувашей продолжают бытовать отдельные жанры традиционного фольклора, однако их носителями обычно выступает лишь старшее поколение. Напрямую бытование и трансляция фольклорных текстов зависят от знания родного языка. Молодое поколение, слабо его знающее, уже не является носителем чувашского фольклора. Чаще всего традиционный чувашский фольклор можно услышать не в среде естественного бытования, а на выступлениях фольклорных ансамблей.

Таким образом, исследование традиционной культуры чувашей Пермского Прикамья показало, что в условиях сельского и относительно компактного расселения в южных районах Пермского края им удалось сохранить отдельные комплексы этнической культуры. В материальной и духовной культуре пермских чувашей, несмотря на интенсивные процессы культурной ассимиляции, сохранились этнические черты, связывающие культурные традиции данной группы с основным массивом расселения народа. В то же время разные сферы культуры по-разному сохранили этническое своеобразие, из материальной культуры в большей степени сохранность этнокультурных традиций присуща системе питания, в меньшей степени характерна для других комплексов. В духовной культуре большая сохранность наблюдается в семейных традициях, что обусловлено важной ролью семьи как института сохранения и трансляции этнической культуры.

Исторически непродолжительный период функционирования культурных традиций на новой родине не привел к формированию нового единого регионального варианта чувашской культуры. На многих примерах из этнокультурных комплексов было показано их функционирование как комплексов смешанного типа, с присущей им мозаичностью, в которых присутствуют черты разных групп чувашей основной территории расселения, принесённые на новую родину и в той или иной степени воспроизводимые в Пермском Прикамье. Существенное влияние на становление и бытование этнокультурных традиций на новой родине оказало доминирующее русское инокультурное окружение, обусловившее восприятие пермскими чувашами значительного пласта культурных традиций русских. Функционирование этнокультурных

комплексов чувашей Пермского Прикамья напрямую зависело от языковой и культурной ассимиляции в условиях дисперсного расселения. Поэтому уже с середины XX века, когда ассимиляционные процессы протекали наиболее интенсивно, комплексы этнической культуры претерпели существенные утраты.

В настоящее время продолжают сохраняться и функционировать лишь отдельные элементы традиционной чувашской культуры. Явлением последнего времени стала и символизация отдельных культурных традиций, которые выступают маркерами чувашской культуры, часто выполняют презентационную функцию.

¹ Народы Поволжья и Приуралья: историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1985. С. 180–181.

² Народы Поволжья и Приуралья... С. 180–181.

³ Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. Уфа: «Гилем», 2002. С. 185–187; *Ягафова Е. А.* Этническая история и культура народов Урало-Поволжья (мордва, марийцы, удмурты, чувашаи, татары, башкиры). Самара: Изд-во СамГПУ, 2002. С. 98–100.

⁴ *Иванов В. П., Николаев В. В., Дмитриев В. Д.* Чувашаи: этническая история и традиционная культура. М., 2000. С. 57.

⁵ Народы России. Энциклопедия. М.: Наука, 1994. С. 405; *Иванов В. П., Николаев В. В., Дмитриев В. Д.* Указ. соч. С. 57–58.

⁶ *Иванов В. П., Николаев В. В., Дмитриев В. Д.* Указ. соч. С. 58; *Фокин П. П.* Неземледельческие занятия чувашских крестьян: гончарство и обработка животноводческого сырья (Материалы к историко-этнографическому атласу) // *Этнография чувашского крестьянства.* Чебоксары, 1987. С. 51.

⁷ Народы России... С. 405; Народы Европейской части СССР: этнографические очерки. М., 1964. С. 604–605.

⁸ Справка о положении иногубернских и иноуездных переселенцев в Сивинском имении, согласно данным подворной переписи 1910 г. Пермь, 1911. С. 22.

⁹ Поездка в Сивинское имение // Пермские губернские ведомости. 1909. 12 сент.

¹⁰ Там же.

¹¹ ГАПК. Ф. 204. Оп. 1. Д. 11. Л. 13.

¹² Поездка в Сивинское имение...

¹³ ПермГАНИ. Ф. 641/1. Д. 12155. Л. 65.

¹⁴ Там же. Л. 67.

¹⁵ Там же. Л. 69.

¹⁶ Там же. Л. 71.

¹⁷ Там же. Л. 65–71.

¹⁸ ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29512. Л. 9.

¹⁹ Там же. Д. 33095. Л. 4.

²⁰ Там же. Д. 9543. Т. 2. Л. 171.

²¹ Там же. Т. 1. Л. 49.

- ²² Там же. Л. 88.
- ²³ Там же. Л. 105.
- ²⁴ *Иванов В. П., Николаев В. В., Дмитриев В. Д.* Указ. соч. С. 57; Народы Европейской части СССР: этнографические очерки. М., 1964. С. 603.
- ²⁵ Народы Башкортостана... С. 188.
- ²⁶ *Иванов В. П., Николаев В. В., Дмитриев В. Д.* Указ. соч. С. 58.
- ²⁷ *Коровушкин Д. Г.* Чуваши в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX – начале XXI в. Новосибирск, 2009. С. 19.
- ²⁸ *Матвеев Г. Б.* Сельские поселения чувашей во второй половине XIX – начале XX в. (Материалы к историко-этнографическому атласу) // Этнография чувашского крестьянства. Чебоксары, 1987. С. 35.
- ²⁹ Справка о положении иногубернских... С. 3.
- ³⁰ Список населённых пунктов Уральской области. Т. VIII. Пермский округ. Свердловск, 1928. С. 322.
- ³¹ Список населённых пунктов Уральской области. Т. VI. Кунгурский округ. Свердловск, 1928. С. 52.
- ³² ГАПК. Ф. р.-493. Оп. 19. Д. 10. Л. 94–97, 188–189.
- ³³ Справка о положении иногубернских...; ПКМ. Карта Сивинского имения Крестьянского поземельного банка; Список населённых пунктов Уральской области. Т. VIII. Пермский округ...
- ³⁴ Составлено и подсчитано по данным похозяйственных книг Большекустовского сельского совета Куединского района.
- ³⁵ ОО НКЦЧПК. Личный архив П. Н. Николаева.
- ³⁶ *Гузенкова Т. С., Иванов В. П.* Чуваши // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 405; *Петров И. Г.* Чуваши Башкортостана. Уфа, 1994. С. 19; *Матвеев Г. Б., Ягафова Е. А.* Материальная культура // Чуваши Самарской Луки. Чебоксары, 2003. С. 32.
- ³⁷ *Матвеев Г. Б.* Жилища и постройки чувашей в середине XIX – начале XX в. (северо-западные районы Чувашии) // Бытовая культура чувашей (Материалы к историко-этнографическому атласу). Чебоксары, 1985. С. 57.
- ³⁸ ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12155. Л. 65.
- ³⁹ Там же. Л. 67.
- ⁴⁰ Там же. Л. 71.
- ⁴¹ Там же. Л. 69.
- ⁴² ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29512. Л. 9.
- ⁴³ Там же. Д. 33095. Л. 4.
- ⁴⁴ Возможно, в документах отмечены лишь основные постройки усадебного комплекса, дающие представление о развитии и составе хозяйства, в то же время вспомогательные бытовые постройки (бани, погреба и другие) учтены не во всех усадьбах.
- ⁴⁵ *Гузенкова Т. С., Иванов В. П.* Указ. соч. С. 405.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ См. другие группы чувашей: Чуваши. Т. 1. С. 384.
- ⁴⁸ Чуваши. Этнографическое исследование. Ч. 1. Материальная культура. Чебоксары, 1956. С. 364.
- ⁴⁹ Чуваши: история и культура. Том 1. Чебоксары, 2009. С. 388.

⁵⁰ Термины *чйкът* и *тйвара* пермскими чувашами используются и как синонимы для обозначения творожных колобков, термины для названия разных блюд традиционной кухни: *чйкът* – домашнего сыра, *тйвара* – колобков из творога.

⁵¹ Чуваши: история и культура. Том 1. ... С. 390.

⁵² Салмин А. К. Народная обрядность чувашей. Чебоксары, 1994. С. 102.

⁵³ Чуваши: история и культура. Том 1. ... С. 391.

⁵⁴ Там же. ... С. 390.

⁵⁵ Николаев В. В., Иванов-Орков Г. Н., Иванов В. П. Чувацкий костюм от древности до современности. Научно-художественное издание. Москва — Чебоксары — Оренбург, 2002.

⁵⁶ Ягафова Е. А. Чуваши Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – начало XX в.). Чебоксары, 2007. С. 71.

⁵⁷ Там же. С. 71.

⁵⁸ Иванов Л. А. Старинная женская национальная одежда чувашского населения Самарской Луки и Саратовского правобережья // Бытовая культура чувашей (Материалы к историко-этнографическому атласу). Чебоксары, 1985. С. 74.

⁵⁹ Чуваши: этнографическое исследование. Ч. 1. Материальная культура. Чебоксары, 1956. С. 265–268; Ягафова Е. А. Чуваши Урало-Поволжья... С. 48–50.

⁶⁰ Народы Поволжья и Приуралья... С. 186; Ягафова Е. А. Чуваши... С. 48–50.

⁶¹ Ягафова Е. А. Этническая история и культура... С. 102.

⁶² Таген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). Чебоксары: «Чувашгосиздат», 1960. С. 200.

⁶³ Таген-Торн Н. И. Указ. соч. С. 172; Ягафова Е. А. Чуваши Урало-Поволжья... С. 56.

⁶⁴ Таген-Торн Н. И. Указ. соч. С. 108–109; Трофимов А. А. Народные женские украшения чувашей // Бытовая культура чувашей (Материалы к историко-этнографическому атласу). Чебоксары, 1985. С. 83.

⁶⁵ Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. А. Усманова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1989; Листова Т. А. Обряды и обычаи, связанные с рождением ребёнка у русских западных областей РСФСР // Полевые исследования Института этнографии. М., 1896. С. 60–68. Ямурзина Л. Обряды семейного цикла мари в контексте теории обрядов перехода. (На примере восточных мари.) Дисс. докт. филос. (этнология). Tartu, 2011. С. 107–109.

⁶⁶ См., например: Черных А. В., Голева Т. Г., Щукина Р. И. Марийцы Пермского края: очерки истории и этнографии. Пермь, 2013. С. 257; Тулвинские татары и башкиры: этнографические очерки и тексты. Пермь, 2004. С. 141.

⁶⁷ Чуваши: история и культура. Том 2. Чебоксары, 2009. С. 122.

⁶⁸ Традиционная кукла народов Пермского края. СПб., 2013. С. 18–19.

⁶⁹ Петров И. Г. Чуваши Башкортостана. Уфа, 1994. С. 50.

⁷⁰ Салмин А. К. Народная обрядность чувашей... С. 119–120.

⁷¹ Ягафова Е. А. Чуваши Урало-Поволжья... С. 123.

⁷² Салмин А. К. Народная обрядность чувашей... С. 122.

⁷³ Фокин П. П. Свадебные традиции чувашей Самарской Луки // Чуваши Самарской Луки. Чебоксары, 2003. С. 94–95.

⁷⁴ Петров И. Г. Чуваши Башкортостана... С. 50.

⁷⁵ Фокин Н. П. Свадебные традиции... С. 96–97; Петров И. Г. Чуваши Башкортостана... С. 50.

- ⁷⁶ Салмин А. К. Народная обрядность чувашей... С. 130.
- ⁷⁷ Матвеев Г. Б. Рекрутские обряды [Электронный ресурс]: Чувашская энциклопедия. URL: <http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=3883> (дата обращения: 12.09.2014).
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Черных А. В. Поведенческие нормы в рекрутской обрядности (по материалам Пермского Прикамья) // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре: социальные и профессиональные статусы и роли. М.: Лабиринт, 2001. С. 145–146; Христолюбова Л. С. Обряды, связанные с воинской службой, у удмуртов // Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М., 1981. С. 135–136; Христолюбова Л. С. Семейные обряды удмуртов: традиции и процессы обновления. Ижевск: Удмуртия, 1984; Черных А. В. Военная служба и проводы в солдаты у тулвинских татар и башкир во второй половине XIX – XX в. // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и современность. Материалы региональной научно-практической конференции. Глазов, 2002. С. 60–62; Черных А. В., Голева Т. Г., Щукина Р. И. Указ. соч. С. 273–280.
- ⁸⁰ Кормина Ж. В. Проводы в армию в пореформенной России: опыт этнографического анализа. М., Новое литературное обозрение, 2005. С. 70–94.
- ⁸¹ Салмин А. К. Традиционные обряды и верования чувашей. СПб.: Наука, 2010. С. 100.
- ⁸² Христолюбова Л. С. Обряды, связанные с воинской службой, у удмуртов... С. 135–136; Христолюбова Л. С. Семейные обряды удмуртов...; Черных А. В., Голева Т. Г., Щукина Р. И. Указ. соч. С. 273–280.
- ⁸³ Салмин А. К. Традиционные обряды и верования чувашей... С. 100.
- ⁸⁴ Черных А. В. Поведенческие нормы в рекрутской обрядности... С. 142–149.
- ⁸⁵ Салмин А. К. Система религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. С. 279–280.
- ⁸⁶ Чуваш: история и этнография. Том 2... С. 148.
- ⁸⁷ С. 150.
- ⁸⁸ Салмин А. К. Народная обрядность чувашей... С. 101.
- ⁸⁹ Чуваш: история и этнография. Том 2... С. 122.
- ⁹⁰ Там же. С. 123.
- ⁹¹ Садиков Р. Р. Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). Уфа, 2008. С. 161.
- ⁹² Салмин А. К. Традиционные обряды и верования чувашей... С. 148.
- ⁹³ Чуваш: история и этнография. Том 2... С. 124–125.
- ⁹⁴ Там же. С. 124.
- ⁹⁵ Там же. Том 2. С. 123.
- ⁹⁶ Ягафова Е. А. Чуваш: Урало-Поволжья... С. 84.
- ⁹⁷ Ягафова Е. А. Чуваш: Урало-Поволжья... С. 84; Салмин А. К. Народная обрядность чувашей... С. 66.
- ⁹⁸ Салмин А. К. Народная обрядность чувашей... С. 66–68.
- ⁹⁹ Ивлева Л. М. Ряженье в русской традиционной культуре. СПб., 1994. С. 65.
- ¹⁰⁰ Ягафова Е. А. Чуваш: Урало-Поволжья... С. 83.
- ¹⁰¹ Ягафова Е. А. Чуваш: Урало-Поволжья... С. 83–85; Салмин А. К. Народная обрядность чувашей... С. 66–69.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ Ягафова Е. А. Чуваш: Урало-Поволжья... С. 88.

¹⁰⁴ *Салмин А. К.* Народная обрядность чувашей... С. 29–30; *Ягафова Е. А.* Чуваша Урало-Поволжья... С. 86–88; *Черных А. В.* Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX – середины XX в. Ч. II. Зима. Пермь, 2007. С. 158–258.

¹⁰⁵ *Черных А. В.* Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX – середины XX в. Ч. 1. Весна, лето, осень. Пермь: Изд-во «Пушка», 2006. С. 96–104; *Черных А. В.* Буйские удмурты: этнографический очерк. Пермь, 1996. С. 33; *Миннихметова Т. Г., Христолюбова Л. С.* Удмурты Башкортостана: история, культура, современность. Уфа, 1994. С. 16–17; *Климов В. В., Чагин Г. Н.* Круглый год праздников, обрядов и обычаев коми-пермяков. Кудымкар, 2005. С. 123–127; *Попов Н. С.* Марийский народный праздник «Кугече» // Полевые материалы Марийской этнографической экспедиции 80-х гг. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1993. С. 63–65; *Уразманова Р. К.* Обряды и праздники татар Поволжья и Урала (Годовой цикл. XIX – начало XX в.). Казань, 2001. С. 22–23.

¹⁰⁶ *Салмин А. К.* Народная обрядность чувашей... С. 51–55.

¹⁰⁷ *Ягафова Е. А.* Чуваша Урало-Поволжья... С. 89.

¹⁰⁸ Чуваша: история и этнография. Том 2... С. 128.

¹⁰⁹ *Салмин А. К.* Система религии чувашей... С. 140–141.

¹¹⁰ *Черных А. В.* Куединские праздники: календарная обрядность русских Куединского района Пермской области. Материалы и исследования. Пермь, 2003. С. 29–31; Сайгатка 2003. Календарные праздники и обряды русских Чайковского района Пермской области (конец XIX – первая половина XX в.). Сборник фольклорно-этнографических материалов / Сост. А. В. Черных. Пермь, 2003. С. 23.

¹¹¹ *Черных А. В.* Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX – середины XX в. Ч. 1. Весна, лето, осень... С. 175; *Черных А. В.* Календарная обрядность русских Прикамья в условиях трансформации общества в 1920–1930-е гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва – Магнитогорск – Новосибирск, 2009. № 1 (23). С. 544–551.

¹¹² Культура Чувашского края. Ч. I: Учебное пособие / В. П. Иванов, Г. Б. Матвеев, Н. И. Егоров и др. / Сост. М. И. Скворцов. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1994. С. 193–197.

¹¹³ *Салмин А. К.* Система религии чувашей... С. 87–89.

¹¹⁴ *Черных А. В.* Куединские праздники... С. 37–39.

¹¹⁵ Обряды, традиции и праздники [Электронный ресурс]: Культурное наследие Чувашии. URL: <http://nasledie.nbchr.ru/nasledie/obychai/obryady/> (дата обращения: 16.12.2013)

¹¹⁶ *Салмин А. К.* Система религии чувашей... С. 119.

¹¹⁷ *Черных А. В.* Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX – середины XX в. Ч. 1. Весна, лето, осень... С. 238.

¹¹⁸ Среди пермских чувашей записан рассказ об обычае, который совершался на их старой родине: «Дождик нету. А папёнке сказали, чтобы котёл принёс, которым суп сварим. Я домой пошла, котёл принёс. Два котла коромыслами. А надо из другой деревни воду этими котлами принести. Но ладно, пошла. Деревня такая – Умалуй была соседская. Я по-русски не знаю. Пошла туда. Через речку надо. А оттуда надо мне котёлом черпать ещё. Хоть как черпай. Не ведрами надо наливать, а котлом из колодца черпать. А я смотрела туда-сюда, туда-сюда, никого нету. Ну ладно, нету. Черпала котёл как-то. Там палками делали, конец железом какая-то была. Вот так надо было черпать как-то. А я взяла верёвку себе, с собой. И ведро сунула туда, и котёл туда сунула. Черпала всё равно, принесла воду-то. Думаю, если кто-нибудь увидит, чё мне скажет. Я ведь всё равно котёл с водой принесу. И в свой колодец надо наливать. Я туда налила. Много ли... Много ли мало ли время прошло, какой хороший дождик был, и грома не было. Как тёплый дождик был. И все радовались. Мы все радовались. Мне так сказали, заставили» (Куединский район, д. Дойная, информатор родом из д. Кугеево Октябрьского (Марпосадского) района).

¹¹⁹ *Денисова Н. П.* Летне-осенние календарные праздники и обряды чувашей (XIX – начало XX в.) // Чувашское народное творчество. Чебоксары, 1985. С. 79.

¹²⁰ *Черных А. В.* Куединские праздники... С. 64–65.

¹²¹ *Салмин А. К.* Система религии чувашей... С. 187.

¹²² Там же.

¹²³ Там же. С. 169–172.

¹²⁴ О русских престольных праздниках этого района см.: *Черных А. В.* Куединские праздники... С. 158–165.

¹²⁵ Сказки, живущие в Прикамье / Составление, вступительная статья, комментарии А. В. Черных. Пермь, 2002; Сказки, живущие в Прикамье / Составление, вступительная статья, комментарии А. В. Черных. М., 2004; Куединские песни. Традиционный фольклор русских, удмуртов, чувашей Куединского района Пермской области. Пермь, 2003.



СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Очерк 3



РАССЕЛЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ ЧУВАШЕЙ В ПЕРМСКОМ КРАЕ

Сведения о социально-демографическом облике чувашской этнической группы Пермского Прикамья в условиях современной России отражены в итогах последних Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 годов.

Общественное национально-культурное движение, начавшееся в среде некоторых народов как России, так и Пермского Прикамья, не изменило негативных тенденций ассимиляции, обозначившихся ещё в период существования СССР. С 1989 по 2002 год чувашское население Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа сократилось на 35 % и составило 7010 человек, или 0,25 % от населения Прикамья (в то время как в стране численность всего чувашского населения сократилась на 9 %¹). Несмотря на уменьшение и всего населения региона, доля чувашей в общей численности также сократилась с 0,34 % до 0,25 %. Мужчины в 2002 году составляли 47,9 %, женщины – 52,1 %. Сельское население чувашей сократилось на 25 % – до 3009 человек (0,25 % от сельского населения области), городское население уменьшилось на 41 % и составило 4001 человек (0,17 % от городского населения области). Динамика уменьшения городского населения у чувашей свидетельствует, что в сельской среде существовали более благоприятные условия для сохранения этничности, этнической культуры.

Среди сельского населения по-прежнему значительные группы чувашей были отмечены в южных районах Пермской области. В Куединском районе в 2002 году проживало 866 чувашей, что было значительно ниже уровня 1989 года (уменьшение на 411 человек), в Чайковском районе – 815 (уменьшение на 217), в Чернушинском районе – 600 (уменьшение на 261), в Еловском районе перепись зафиксировала 335 (уменьшение на 126).

Всероссийская перепись 2002 года продемонстрировала влияние негативных тенденций на чувашское население Пермской области. Общая убыль населения по области привела к сокращению и численности чувашей, однако ассимиляционные и урбанизационные процес-

сы повлияли на более резкое сокращение численности чувашей, чем в среднем по региону.

Данные тенденции не удалось переломить и в последующее десятилетие. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года в Пермском крае численность чувашей как в абсолютных цифрах, так и в доле от общего количества населения сократилась. В 2010 году в Пермском крае проживало 4715 (сокращение по сравнению с 2002 годом на 32 %) чувашей, или 0,18 % от всего населения региона. При этом следует отметить, что динамика сокращения чувашского населения в сельской местности за 2002–2010 годы была ниже, чем в среднем по области. В результате при общем сокращении сельского населения с 3009 до 1886 (на 37 %) его доля в общем количестве сельского населения за аналогичный период выросла с 0,25 % до 0,29 %. Чувашки по-прежнему были дисперсно расселены по районам края (в 2010 году в Пермском крае не было района, в котором не проживало бы чувашское население), компактное проживание зафиксировано в Куединском, Чернушинском, Еловском и Чайковском муниципальных районах. Процессы, характерные для всего края, отразились на гендерном распределении населения: число женщин (56,4 %, рост на 4,3 %) ещё более увеличилось по отношению к числу мужчин (43,6 %, сокращение на 4,3 %).

Несколько меньше темпы сокращения чувашского населения за период с 2002 по 2010 год отмечены в районах относительно компактного сельского расселения – в Еловском, Куединском, Чернушинском и Чайковском районах. Если в целом по региону численность чувашей сократилась на 33 %, то на юге Прикамья, в районах компактного проживания – на 30,5 % (с 2616 до 1809 человек). Доля чувашей в общей численности населения районов также сократилась, несмотря на отрицательную динамику естественного прироста и снижение в целом населения данных территорий. Если в 2002 году чувашки в названных четырёх районах составляли 1,26 % от общей численности населения, то в 2002 году – уже 0,94 %. Таким образом, можно подтвердить тезис не только о естественной убыли населения, но и об ассимиляционных процессах. При этом самое высокое сокращение чувашского населения отмечено в Еловском районе (на 46 %, на 13 % выше, чем в среднем по краю), самое низкое – в Чернушинском (на 25 %).

Данные о возрастном составе чувашей, полученные в ходе переписи населения 2010 года, также продемонстрировали влияние ассимиляционных процессов: большая часть людей, назвавших себя чувашами – представители старшего поколения. Итоги переписи показали,

что доля чувашского населения в возрасте до 40 лет в общем количестве чувашей была ниже, чем аналогичная возрастная категория в целом по краю. Если говорить о людях старше 40 лет, то здесь доля населения у чувашей, наоборот, значительно выше, чем в целом по краю. Например, количество чувашей в возрасте 20–29 лет в 4,5 раза меньше, чем чувашей в возрасте старше 70 лет. В то время как в целом по региону население в возрасте 20–29 лет составляет 16,7 % от всех жителей края, то старше 70 лет только 9,3 %. Это можно объяснить только тем, что во втором и третьем поколениях чувашаи Пермского Прикамья утрачивают своё этническое сознание. Данный факт позволяет прогнозировать снижение количества чувашей в переписях населения ближайших десятилетий.

Таблица 1

Чуваши Пермского края по возрастным группам² (в 2010 г.)

Возраст	Всё население (%)	Общее количество чувашей (%)
0–9	301 450 (11,4 %)	36 (0,8 %)
10–19	279 017 (11,3 %)	121 (2,6 %)
20–29	439 345 (16,7 %)	244 (5,2 %)
30–39	395 997 (15 %)	391 (8,3 %)
40–49	356 178 (13,5 %)	984 (20,7 %)
50–59	402 791 (15,2 %)	1274 (27 %)
60–69	215 170 (8,2 %)	666 (14,1 %)
Старше 70	244 910 (9,3 %)	999 (21, %)
Возраст не указан	418 (0,02 %)	
Итого	2 635 276 (100 %)	4715 (100 %)

В целом в 2010 году численность чувашей продолжила сокращаться, однако негативные тенденции ассимиляции и аккультурации, наметившиеся в 2002 году, прослеживаются уже не так явно. Данные переписи свидетельствовали, что в городской среде среди чувашского населения произошёл определённый рост национального самосознания, который можно объяснить возрождением общественного национально-

культурного движения чувашей как в России в целом, так и конкретно в Пермском крае. Однако в то же время следует признать, что продолжающиеся процессы ассимиляции, аккультурации и урбанизации в дальнейшем вновь приведут к уменьшению численности чувашей в регионе.

Таблица 2

Чуваши в Пермской области в 2002 году*

Район	Всего	Всего чувашей	Чувашей с родным языком /с русским языком	Всего мужчин чувашей	Всего мужчин чувашей с родным языком /с русским языком	Всего женщин чувашек	Всего женщин чувашек с родным языком /с русским языком
1	2	3	4	5	6	7	8
Пермская область	2819 421	7010 0,25 %	2214/4693	3356	1018/2236	3654	1196/2457
Городское население	2 121 647	4001 0,17 %	1003/2998	1857	463/1394	2144	540/1604
Сельское население	697 774	3009 0,25 %	1211/1795	1499	555/942	1510	656/853
г. Пермь	1010 947	1608 0,16 %	423/1164	731	191/531	877	232/633
Дзержинский район	153 403	255 0,17 %	84/170	122	39/82	133	45/88
Кировский район	126 960	262 0,21 %	63/197	105	23/80	157	40/117
Ленинский район	57 569	90 0,16 %	14/73	45	5/37	45	9/36
Мотовилихинский район	176 654	234 0,13 %	40/187	103	20/82	131	20/105
Орджоникидзевский район	111 631	212 0,19 %	64/145	103	30/72	109	34/73
Свердловский район	215 487	329 0,15 %	95/231	154	51/102	175	44/129
Индустриальный район	160 039	213 0,13 %	62/149	93	23/70	120	39/79
г. Александровск	36 508	73 0,2 %	15/58	29	7/22	44	8/36
г. Березники	175 297	262 0,15 %	54/204	117	26/89	145	28/115
г. Гремячинск	18 144	39 0,21 %	12/26	15	5/10	24	7/16
г. Губаха	45 955	143 0,31 %	50/91	80	26/54	63	24/37
г. Добрянка	62 580	130 0,21 %	26/98	51	12/37	79	14/61

1	2	3	4	5	6	7	8
г. Кизел	35 099	74 0,21 %	23/48	33	8/25	41	15/23
г. Краснокамск	71 390	130 0,18 %	28/100	57	10/46	73	18/54
г. Лысьва	85 905	96 0,11 %	42/53	40	17/23	56	25/30
г. Чайковский	109 768	815 0,74 %	189/624	364	78/285	451	111/339
г. Чусовой	77 111	100 0,13 %	16/84	53	8/45	47	8/39
Бардымский район (сельское население)	27 904	6 0,02 %	1/1	5	1/1	1	–
Берёзовский район (сельское население)	18 516	9 0,05 %	4/4	3	1/2	6	3/2
Большесосновский район (сельское население)	15 295	29 0,19 %	10/19	10	5/5	19	5/14
Вережагинский район	43 958	35 0,08 %	14/20	17	5/11	18	9/9
Городское население Вережагинского района	22 832	14 0,06 %	3/10	7	–/6	7	3/4
Сельское население Вережагинского района	21 126	21 0,1 %	11/10	10	5/5	11	6/5
Горнозаводский район	30 172	79 0,26 %	15/62	42	8/33	37	7/29
Городское население Горнозаводского района	28 088	71 0,25 %	13/56	37	7/29	34	6/27
Сельское население Горнозаводского района	2084	8 0,38 %	2/6	5	1/4	3	1/2
Еловский район (сельское население)	13 121	335 2,55 %	110/225	159	42/117	176	68/108
Ильинский район	21 141	12 0,06 %	2/10	3	1/2	9	1/8
Городское население Ильинского района	10 581	6 0,06 %	–/6	1	–/1	5	–/5

1	2	3	4	5	6	7	8
Сельское население Ильинского района	10 262	6 0,06 %	2/4	2	1/1	4	1/3
Карагайский район (сельское население)	24 792	23 0,09 %	9/14	7	1/6	16	8/8
Кишертский район (сельское население)	15 093	9 0,06 %	3/6	3	–/3	6	3/3
Красно-вишерский район	27 871	63 0,23 %	16/47	42	14/28	21	2/19
Городское население Красно-вишерского района	18 260	25 0,14 %	1/24	16	1/15	9	–/9
Сельское население Красно-вишерского района	9 611	38 0,4 %	15/23	26	13/13	12	2/10
Куединский район (сельское население)	31 429	866 2,8 %	441/422	423	190/231	443	251/191
Кунгурский район (сельское население)	46 332	56 0,12 %	16/40	26	8/18	30	8/22
Нытвенский район	47 779	100 0,21 %	15/84	46	4/42	54	11/42
Городское население Нытвенского района	33 342	65 0,19 %	12/53	26	3/23	39	9/30
Сельское население Нытвенского района	14 437	35 0,24 %	3/31	20	1/19	15	2/12
Октябрь-ский район	36 463	151 0,41 %	65/79	58	22/32	93	43/47
Городское население Октябрьского района	11 361	70 0,62 %	21/46	26	6/18	44	15/28
Сельское население Октябрьского района	20 882	81 0,39 %	44/33	32	16/14	49	28/19

1	2	3	4	5	6	7	8
Ординский район (сельское население)	17 077	12 0,07 %	5/5	7	3/3	5	2/2
Осинский район	33 666	81 0,24 %	17/63	34	7/27	47	10/36
Городское население Осинского района	23 452	54 0,23 %	13/38	22	6/16	32	9/22
Сельское население Осинского района	10 214	27 0,26 %	2/25	12	1/11	15	1/14
Оханский район	17 873	54 0,3 %	20/33	24	9/14	30	11/19
Городское население Оханского района	7994	31 0,39 %	12/18	12	5/6	19	7/12
Сельское население Оханского района	9879	23 0,23 %	8/15	12	4/8	11	4/7
Очёрский район	25 347	64 0,25 %	18/45	32	7/24	32	11/21
Городское население Очёрского района	18 971	31 0,16 %	10/21	17	5/12	14	5/9
Сельское население Очёрского района	6376	33 0,52 %	8/24	15	2/12	18	6/12
Пермский район	91 676	221 0,24 %	84/135	101	41/60	120	43/75
Городское население Пермского района	15 827	17 0,11 %	1/16	9	–/9	8	1/7
Сельское население Пермского района	75 849	204 0,27 %	83/119	92	41/51	112	42/68
Сивинский район (сельское население)	17 445	18 0,1 %	4/14	10	2/8	8	2/6
Соликамский район (сельское население)	18 333	102 0,56 %	55/46	79	44/35	23	11/11

1	2	3	4	5	6	7	8
Суксунский район	21 925	10 0,05 %	7/3	4	3/1	6	4/2
Городское население Суксунского района	8495	3 0,04 %	3/–	–	–	3	3/–
Сельское население Суксунского района	13 430	7 0,05 %	4/3	4	3/1	3	1/2
Уинский район (сельское население)	13 360	6 0,04 %	2/4	1	–/1	5	2/3
Усольский район	13 398	17 0,13 %	5/12	5	1/4	12	4/8
Городское население Усольского района	8061	9 0,11 %	–/9	2	–/2	7	–/7
Сельское население Усольского района	5337	8 0,15 %	5/3	3	1/2	5	4/1
Частинский район (сельское население)	14 675	39 0,27 %	5/34	22	2/20	17	3/14
Чердынский район	35 152	162 0,46 %	85/74	143	78/64	19	7/10
Городское население Чердынского района	13 256	33 0,25 %	14/19	30	13/17	3	1/2
Сельское население Чердынского района	21 896	129 0,59 %	71/55	113	65/47	16	6/8
Чернушинский район	53 746	600 1,12 %	187/407	284	70/211	316	117/196
Городское население Чернушинского района	35 713	278 0,79 %	79/197	133	43/89	145	36/108
Сельское население Чернушинского района	17 321	322 1,79 %	108/210	151	27/122	171	81/88
Коми-Пермяцкий автономный округ	136 076	91 0,67 %	34/53	40	11/25	51	23/28
Гайнский район	17 351	39 0,23 %	17/22	19	8/11	20	9/11

1	2	3	4	5	6	7	8
Косинский район	8541	4 0,05 %	1/2	3	–/2	1	1/–
Кочёвский район	12 856	3 0,02 %	3/–	1	1/–	2	2/–
Кудымкар- ский район	29 528	4 0,01 %	1/2	1	1/–	3	1/2
Юрлинский район	12 162	11 0,09 %	4/7	5	2/3	6	2/4
Юсьвинский район	23 724	14 0,06 %	6/6	4	–/2	10	6/4
г. Кудымкар	31 914	16 0,05 %	2/14	7	–/7	9	2/7

*Составлено и подсчитано по: Национальный состав населения Пермской области. Пермь, 2005.

Таблица 3

Чуваши в Пермском крае в 2010 году*

Район	Всего	Всего чувашей, %	Чувашей с родным языком / с русским	Всего мужчин чувашей	Всего мужчин чувашей с родным языком / с русским	Всего женщин чувашек	Всего женщин чувашек с родным языком / с русским
1	2	3	4	5	6	7	8
Край	2 635 276	4715 0,18 %	1444/3260	2056	575/1478	2659	869/1782
Городское население	1 976 070	2829 0,14 %	891/1932	1213	381/829	1616	510/1103
Сельское население	659 206	1886 0,29 %	553/1328	843	194/649	1043	359/679
Городской округ г. Пермь	991 170	1139	366/767	457	143/311	682	223/456
Городской округ г. Березники	156 466	174	57/117	72	25/47	102	32/70
Городской округ г. Кунгур	66 074	48	22/26	22	11/11	26	11/15
Городской округ г. Соликамск	97 384	100	34/66	44	10/34	56	24/32
ЗАТО Звёздный	9151	79	46/33	68	44/24	11	2/9
Александровский муниципальный район	31 477	49	26/23	20	9/11	29	17/12

1	2	3	4	5	6	7	8
Городское население Александровского района	27 647	40	22/18	17	8/9	23	14/9
Сельское население Александровского района	3830	9	4/5	3	1/2	6	3/3
Бардымский муниципальный район (сельское население)	25 538	3	1/1	1	–/1	2	1/–
Березовский муниципальный район (сельское население)	17 042	6	2/4	2	–/2	4	2/2
Больше-сосновский муниципальный район (сельское население)	13 215	22	7/14	6	2/4	16	5/10
Верещагинский муниципальный район	41 379	25	10/15	10	3/7	15	7/8
Городское население Верещагинского района	22 156	13	4/9	5	–/5	8	4/4
Сельское население Верещагинского района	19 223	12	6/6	5	3/2	7	3/4
Горнозаводский муниципальный район	26 044	59	25/34	31	11/20	28	14/14
Городское население Горнозаводского района	24 574	54	22/32	27	9/18	27	13/14
Сельское население Горнозаводского района	1470	5	3/2	4	2/2	1	1/–
Гремячинский муниципальный район	13 953	28	11/17	9	5/4	19	6/13

1	2	3	4	5	6	7	8
Городское население Гремячинского района	13 866	28	11/17	9	5/4	19	6/13
Сельское население Гремячинского района	87	–	–	–	–	–	–
Губахинский муниципальный район	38 996	78	24/54	41	10/31	37	14/23
Городское население Губахинского района	36 785	69	21/48	37	10/27	32	11/21
Сельское население Губахинского района	2211	9	3/6	4	–/4	5	3/2
Добрянский муниципальный район	57 010	84	25/59	33	9/24	51	16/35
Городское население Добрянского района	46 439	62	18/44	24	7/17	38	11/27
Сельское население Добрянского района	10 571	22	7/15	9	2/7	13	5/8
Еловский район (сельское население)	10 743	181	45/136	84	16/68	97	29/68
Ильинский муниципальный район	19 634	5	2/3	–	–	5	2/3
Городское население Ильинского района	10 149	4	2/2	–	–	4	2/2
Сельское население Ильинского района	9485	1	–/1	–	–	1	–/1
Карагайский район (сельское население)	22 875	13	7/6	5	–/5	8	7/1
Кизеловский муниципальный район	25 065	34	13/21	11	3/8	23	10/13

1	2	3	4	5	6	7	8
Городское население Кизеловского района	19 587	19	8/11	5	2/3	14	6/8
Сельское население Кизеловского района	5478	15	5/10	6	1/5	9	4/5
Кишертский район (сельское население)	12 777	8	3/5	4	1/3	4	2/2
Красновишерский муниципальный район	22 554	29	10/19	16	5/11	13	5/8
Городское население Красновишерского района	16 099	15	7/8	9	5/4	6	2/4
Сельское население Красновишерского района	6455	14	3/11	7	–/7	7	3/4
Краснокамский район	70 272	85	24/61	39	11/28	46	13/33
Городское население Краснокамского района	56 550	56	19/37	24	8/16	32	11/21
Сельское население Краснокамского района	13 722	29	5/24	15	3/12	14	2/12
Куединский муниципальный район (сельское население)	26 952	582	168/414	262	53/209	320	115/205
Кунгурский район (сельское население)	42 450	42	14/28	22	7/15	20	7/13
Лысьвенский муниципальный район	78 190	69	25/44	21	9/12	48	16/32
Городское население Лысьвенского района	65 918	50	17/33	13	7/6	37	10/27
Сельское население Лысьвенского района	12 272	19	8/11	8	2/6	11	6/5

1	2	3	4	5	6	7	8
Нытвенский муниципальный район	43 812	60	16/44	25	4/21	35	12/23
Городское население Нытвенского района	30 693	41	9/32	16	2/14	25	7/18
Сельское население Нытвенского района	13 119	19	7/12	9	2/7	10	5/5
Октябрьский муниципальный район	30 441	91	21/69	34	6/28	57	15/41
Городское население Октябрьского района	14 888	53	10/43	24	4/20	29	6/23
Сельское население Октябрьского района	15 553	38	11/26	10	2/8	28	9/18
Ординский район (сельское население)	15 605	10	4/6	5	1/4	5	3/2
Осинский муниципальный район	29 513	50	14/36	20	5/15	30	9/21
Городское население Осинского района	21 188	30	6/24	12	2/10	18	4/14
Сельское население Осинского района	8325	20	8/12	8	3/5	12	5/7
Оханский муниципальный район	16 272	40	12/28	18	5/13	22	7/15
Городское население Оханского района	7250	20	7/13	9	4/5	11	3/8
Сельское население Оханского района	9022	20	5/15	9	1/8	11	4/7
Очёрский муниципальный район	22 828	39	9/30	14	3/11	25	6/19

1	2	3	4	5	6	7	8
Городское население Очёрского района	17 429	23	4/19	7	1/6	16	3/13
Сельское население Очёрского района	5399	16	5/11	7	2/5	9	3/6
Пермский муниципальный район (сельское население)	103 444	167	51/115	70	23/47	97	28/68
Сивинский муниципальный район (сельское население)	14 843	16	6/10	9	2/7	7	4/3
Соликамский муниципальный район (сельское население)	17 165	27	11/16	10	3/7	17	8/9
Суксунский муниципальный район	20 099	7	1/6	3	1/2	4	–/4
Городское население Суксунского района	8022	3	–/3	–	–	3	–/3
Сельское население Суксунского района	12 077	4	1/3	3	1/2	1	–/1
Уинский район (сельское население)	11 440	3	1/2	–	–	3	1/2
Усольский муниципальный район	14 232	16	5/11	4	1/3	12	4/8
Городское население Усольского района	5694	6	2/4	1	–/1	5	2/3
Сельское население Усольского района	8538	10	3/7	3	1/2	7	2/5
Чайковский муниципальный район	103 849	599	144/455	243	53/190	356	91/265

1	2	3	4	5	6	7	8
Городское население Чайковского района	82 895	390	96/294	159	38/121	231	58/173
Сельское население Чайковского района	20 954	209	48/161	84	15/69	125	33/92
Частинский муниципальный район (сельское население)	12 817	29	6/23	16	3/13	13	3/10
Чердынский муниципальный район	24 568	41	25/16	34	22/12	7	3/4
Городское население Чердынского района	10 443	21	12/9	19	10/9	2	2/–
Сельское население Чердынского района	14 125	20	13/7	15	12/3	5	1/4
Чернушинский муниципальный район	50 593	447	118/329	208	39/169	239	79/160
Городское население Чернушинского района	33 272	226	56/170	103	21/82	123	35/88
Сельское население Чернушинского района	17 321	221	62/159	105	18/87	116	44/72
Чусовской муниципальный район	71 187	69	16/53	36	8/28	33	8/25
Городское население Чусовского района	55 322	51	10/41	27	5/22	24	5/19
Сельское население Чусовского района	15 865	18	6/12	9	3/6	9	3/6
Коми-Пермяцкий округ	116 157	62	17/44	27	9/18	35	8/26
г. Кудымкар	28 967	15	3/12	3	–/3	12	3/9

1	2	3	4	5	6	7	8
Гайнский муниципальный район (сельское население)	13 802	25	6/19	14	5/9	11	1/10
Косинский муниципальный район (сельское население)	7246	2	2/–	2	2/–	–	–
Кочевский муниципальный район (сельское население)	11 167	2	1/1	1	–/1	1	1/–
Кудымкарский муниципальный район (сельское население)	25 808	4	1/3	2	1/1	2	–/2
Юрлинский муниципальный район (сельское население)	9609	5	1/4	3	1/2	2	–/2
Юсьвинский муниципальный район (сельское население)	19 558	9	3/5	2	–/2	7	3/3

* Составлено и подсчитано по: Материалы Федерального управления государственной статистики по Пермскому краю. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Пермскому краю. Национальный состав населения.

Особенности расселения чувашей в Пермском Прикамье на современном этапе существенно не изменились в сравнении с предыдущим периодом. По-прежнему большинство представителей этого народа проживает дисперсно в разных административных районах Пермского края. При этом численность их в 2010 году была различна в разных территориях: от одного человека в Ильинском районе до 1139 человек в краевом центре. Среди территорий с наибольшим количеством чувашей следует назвать города: Пермь (1139 человек), Березники (174), Соликамск (100), Чайковский (390), Чернушка (226), в сельской местности – Пермский район (167), Еловский (181), Куединский (582), сельские поселения Чайковского района (209), сельские поселения Чернушинского района (221).

Среди сельских населённых пунктов в 1989 году значительная численность чувашей была отмечена в Еловском районе: деревни Прохорята (32 % от 56 жителей), Малая Талица (22 % от 18 жителей), Шумово (39 % от 233); в Чернушинском районе: деревни Садовая (25 % из 12 жителей), Ключи (20 % из 68 жителей), Шишовка (50 % от 10 жителей), Ивановка (21 % от 55 жителей), Тёмное (46 % от 129 жителей); в Чайковском районе: деревня Бормист (33 % от 169 жителей); в Куединском районе: сёла Большие Кусты (20 % от 810 жителей), Пантелеевка (35 % из 349), деревни Верхний Тымбай (23 % от 160), Нижний Тымбай (24 % от 166), Малые Кусты (64 % из 53), Дойная (39 % из 450), Маламалки (20 % из 10), Верхняя Ошья (21 % из 184), Батманы (37 % из 124), Дубленёвка (48 % из 86), Коровино (54 % из 57)³. Как видно, и в местах относительно компактного расселения чувашей в Куединском, Еловском, Чернушинском и Чайковском районах характер их проживания также можно назвать смешанным, дисперсным, так как лишь в некоторых населённых пунктах они составляли большинство.

Более поздние материалы показывают уменьшение доли чувашей в названных поселениях, дисперсность их расселения в большей части сельсоветов указанных районов. Данные об особенностях расселения чувашей в сельских поселениях Пермского края получены по материалам полевых исследований в сельских районах Пермской области в начале 2000-х годов, по данным похозяйственных книг, отмечавших в тот период национальность жителей населённых пунктов. Так, в Альняшинском сельсовете Чайковского района, в прошлом территории наиболее компактного расселения чувашей в районе, в 2001 году в деревне Бормист отмечено 35 чувашей из 153 жителей, или 22,9 %; в селе Альняш – 53 из 948 жителей (5,6 %); в деревне Романята – 7 чувашей из 96 её жителей (9,3 %). В других сельских советах Чайковского района характер расселения был ещё более дисперсным. В Фокинском сельском совете чуваша отмечены в сёлах Фоки (41 человек из 3832 жителей), Завод Михайловский (1 из 229), в деревнях Лукинцы (1 из 126), Гаревая (7 из 479), Чумна (17 из 478), Карша (3 из 97), Русалёвка (7 из 204), Каменный Ключ (1 из 216), а вот в деревнях Жигалки, Оралки, Ваньчики, посёлке Детский Дом данного сельсовета чувашей не отмечено. Всего на его территории проживало 78 чувашей из 5886 жителей, что составляло 1,3 % от населения территории.

В Куединском районе Пермского края, лидере по численности чувашского населения среди сельских районов края и территории наиболее компактного расселения, в Большекустовском сельском совете чуваша были отмечены во всех населённых пунктах. Однако их соотношение с другим населением было разным: в селе Большие Кусты на 799 жителей приходилось 86 чувашей (10,8 % от числа всего населения), в деревнях: Кашка из 201 жителя было 9 чувашей (4,4 %), Нижний Тымбай из 151 жителя было 22 чуваша (14,6 %), Верхний Тымбай на 142 человека – 28 чувашей (19,7 %). Только в деревне Малые Кусты чуваша составляли большинство: 27 человек из 40 жителей (67,5 %). То есть в целом по сельскому совету чуваша составляли 12,9 % от всего населения. В соседнем Большеусинском сельском совете численность чувашей была незначительной, большая их часть проживала в селе Большая Уса⁴. В деревнях: Верх-Уса зафиксирован один представитель чувашского народа из 173 жителей, Дубовик (5 из 163), Верхний Иргин (10 из 95), Окулов починок (1 из 131), Каменный Ключ (3 из 19). В Ошбинском сельском совете в селе Ошья в 2001 году проживало 42 чуваша из 713 жителей (5,9 %), в деревне Верхняя Ошья на 134 жителя приходилось 35 чувашей (26,1 %). В Пантелеевском сельском совете, также наиболее компактной территории проживания чувашей, в деревнях Коровино проживало 24 чуваша из 47 человек жителей (51 %), Дубленёвка 27 чувашей из 64 всего населения (42,2 %), Батманы 29 из 93 человек (31,2 %), в Пантелеевке 115 чувашей из 361 жителя села (31,9 %). В целом по сельсовету отмечено 195 чувашей, составлявших 34,5 % населения. В деревне Дойная, центре Дойнинского сельсовета, в тот период отмечено 172 чуваша, или 33,5 % от всех жителей населённого пункта (514). На примере этой деревни виден полиэтнический состав населения, который был характерен для каждого населённого пункта проживания чувашей в настоящее время. В деревне Дойная среди 514 жителей русские составляли 58,9 % (303 человека), чуваша – 33,5 % (172 человека), удмурты – 3,1 % (16 человек), татары – 1,2 % (6), башкиры – 1 % (5), казахи – 0,4 % (2), украинцы – 0,8 % (4), коми-пермяки – 0,6 % (3), карелы – 0,6 % (3).

Таким образом, для современного расселения чувашей в Пермском крае характерно преобладание городского населения, дисперсность расселения в большинстве административных территорий края. По-прежнему наиболее значительное и относительно компактное расселение чувашей отмечено в нескольких сельских поселениях Куединского района.

ЭТНИЧНОСТЬ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ЧУВАШЕЙ ПЕРМСКОГО ПРИКАМЬЯ

Современные этнокультурные процессы в чувашской этнической группе Прикамья демонстрируют результаты этносоциологического исследования, проведённого в 2001–2002 годах в сельских населённых пунктах Пермской области, где зафиксировано проживание чувашей: в Куединском районе это населённые пункты Пантелеевка (20 человек), Батманы (14), Верхняя Ошья (46), Дубленёвка (4), Большие Кусты (40), Коровино (14), Малые Кусты (17), Кашка (9), Верхний Тымбай (12), Нижний Тымбай (11), Дойная (53), Большая Уса (11 человек); в Чайковском районе – Маракуши (9), Сосново (6), Ольховочка (3), Фоки (8), Ванюки (2), Вассята (6 человек); в Чернушинском районе – Слудка (1 человек), Чернушка (5). Ещё пять человек не указали место своего проживания.

Всего исследованием были охвачены 296 человек разных возрастных групп (см. Таблицу 1), из них 191 – женщины (63,6%), 105 (36,4%) – мужчины.

Таблица 1

Вопрос: *укажите год рождения*

Годы	Кол-во	%
До 1930	37	12,5%
1931–1940	61	20,6%
1941–1950	36	12,2%
1951–1960	54	18,2%
1961–1970	39	13,2%
1971–1980	28	9,5%
Младше 1980	24	8,1%
Нет ответа	17	5,7%

Перечень вопросов включал в себя несколько смысловых блоков: этническая идентичность, владение языком, оценка современного состояния и развития традиционной культуры чувашей в Пермском крае. В целом полученные в ходе анкетирования результаты позволили сделать выводы о внутренних процессах чувашской этнической группы Пермского края.

Большая часть пермских чувашей (61,8%) родились на территории Пермского края, то есть представляют второе, третье и четвёртое поколения чувашских переселенцев, и только чуть более трети (34,8%) –

в Чувашии. При этом в качестве мест происхождения своих предков во втором и третьем поколениях респонденты сохранили в памяти районы Чувашской АССР. Основными районами-«донорами» были названы Канашский, Ибресинский, Вурнарский, Урмарский, Марпо-садский и Цивильский районы ЧАССР.

Таблица 2

Вопрос: в каком населённом пункте Вы родились?

Варианты	Кол-во чел.	%
Пермская область	183	61,8%
Чувашия	103	34,8%
Прочие регионы	7	2,4%
Нет ответа	3	1%

Большая часть респондентов на момент проведения анкетирования относилась к категории работающего населения (50,3%), 29,7% учились в школе или вузе, 12,5% – пенсионного возраста, 3,4% не работали, а 1,7% занимались домашним хозяйством.

Таблица 3

Вопрос: работаете ли Вы сейчас?

Варианты	Кол-во чел.	%
Да	149	50,3%
Нет:	140	47,4%
Пенсионер	37	12,5%
Учусь	88	29,7%
Домохозяйка	4	1,4%
Безработный	10	3,4%
Другое	2	0,6%
Нет ответа	5	1,7%

Интересные сведения содержал блок информации о профессиональной деятельности чувашей. Подавляющее большинство трудилось в сфере сельского хозяйства – 55,1%, далее по списку следовали сферы «Образование, культура, наука, здравоохранение» – 17,9%, «Торговля, бизнес, услуги» – 5,7%, «Промышленность, транспорт, связь» – 5,1%, «Строительство» – 2,7% и др. 10,1% респондентов оставили данный вопрос без ответа.

Таблица 4

Вопрос: в какой отрасли народного хозяйства Вы работаете или работали до выхода на пенсию?

Варианты	Кол-во чел.	%
Сельское хозяйство	163	55,1 %
Строительство	8	2,7 %
Промышленность, транспорт, связь	15	5,1 %
Образование, культура, наука, здравоохранение	53	17,9 %
Торговля, бизнес, услуги	17	5,7 %
Управление, армия, милиция	5	1,7 %
Другое	5	1,7 %
Нет ответа	30	10,1 %

В национальном составе коллектива, в котором работали или учились респонденты, не удалось выявить особенностей. Преимущественно чувашские коллективы были только у 11,1 % опрошенных, у 50,3 % коллеги по учёбе и работе преимущественно не были чувашами, а у 27,1 % чуваша составляли примерно половину коллектива. Можно заключить, что национальный состав рабочих коллективов в принципе соответствует характеру расселения чувашей в этих районах Пермского Прикамья.

Таблица 5

Вопрос: каков национальный состав коллектива, в котором Вы работаете или учитесь?

Варианты	Кол-во чел.	%
Преимущественно чуваша	33	11,1 %
Чувашей примерно половина	80	27,1 %
Преимущественно не чуваша	149	50,3 %
Нет ответа	34	11,5 %

Отдельный блок касался вопросов этнической самоидентификации. Респондентам предлагалось оценить свою этническую принадлежность по личному ощущению. Требовалось указать, чувствуют они себя стопроцентным чувашом, чувашом и русским одновременно, стопроцентным русским или просто гражданином России. К первой из указанных категорий себя отнесли 43,5 %, ко второй – 29,7 %, к третьей – 13,8 %, к последней – 12,3 %. Таким образом, из 268 ответивших чувашей «по происхождению» уверенно чувашами ощущали себя менее

половины, при этом значительная часть ассоциировала себя с русским народом, для трети респондентов характерна двойственная чувашско-русская идентичность.

Таблица 6

Вопрос: кем Вы себя ощущаете?

Варианты	Кол-во чел.	%
Чуваши	129	43,5 %
Русский и чуваш	88	29,7 %
Русский	41	13,8 %
Гражданин России	36	12,3 %
Нет ответа	2	0,7 %

Отдельный вопрос ставился респондентам, ощущающим себя чувашами и русскими одновременно (29,7 %). Им предлагалось определить, чувствуют они себя в большей степени русскими или чувашами. Как показали ответы, данная категория респондентов по большей части затруднилась дать конкретный ответ на вопрос о своей этнической принадлежности: большая часть (44,3 %) ощущала себя и русским, и чувашом в равной мере, 12,5 % набрал вариант «чувствую себя по преимуществу русским».

Таблица 7

Вопрос: кем Вы себя ощущаете (для ощущающих двойную идентичность)?

Варианты	Кол-во чел.	%
Чувствую себя по преимуществу чувашом	11	12,5 %
Чувствую себя скорее чувашом, чем русским	9	10,2 %
Чувствую себя в равной мере и чувашом, и русским	39	44,3 %
Чувствую себя по преимуществу русским	11	12,5 %
Другой ответ	3	3,4 %
Нет ответа	15	17,1 %

Учитывая ответы на предыдущие вопросы, весьма важную информацию содержали представления респондентов о том, в чём, по их мнению, выражается чувашская этническая принадлежность. В следующем вопросе им предлагалось выбрать наиболее подходящие варианты ответа на этот вопрос. Для большинства наиболее важным свойством

принадлежности к культуре стал язык (38,2%), на втором месте – «общее историческое прошлое» (21,6%) и др. Среди собственных вариантов респонденты указывали «запись в паспорте» (2), «родственные связи» (3), «песни» (1). Следует также отметить, что 21,6% затруднились ответить на этот вопрос, а 16,2% оставили его без ответа. Это может свидетельствовать об отсутствии у них интереса к вопросу о своей этнической принадлежности или об ассимиляционных процессах, отсутствии у них представлений о дифференцирующих от соседнего населения этнических маркерах.

Таблица 8

Вопрос: *в чём, прежде всего, заключается для Вас лично ваша чувашская национальная принадлежность?*

Варианты	Кол-во чел.	%
Язык	113	38,2%
Общее историческое прошлое	64	21,6%
Черты характера, психология	29	9,8%
Национальная одежда	21	7,1%
Все элементы чувашской культуры	33	11,2%
Затрудняюсь ответить	64	21,6%
Другой вариант		
Нет ответа	48	16,2%

Этот тезис подтверждают ответы на следующий вопрос: «Насколько важен для Вас вопрос вашей национальной принадлежности?». Большинство (38,5%) данному вопросу значения не придают, для 31,1% он важен, для ещё 17,2% этот вопрос имеет небольшое значение.

Таблица 9

Насколько важен для Вас вопрос вашей национальной принадлежности?

Варианты	Кол-во чел.	%
Важно, придаю ему большое значение	92	31,1%
Придаю ему некоторое значение, но небольшое	51	17,2%
Не придаю значения, безразличен к этому вопросу	114	38,5%
Другой ответ	–	–
Затрудняюсь ответить	30	10,1%
Нет ответа	9	3,1%

Среди комплексов этнической культуры чувашей респонденты отметили сохранение в регионе разных элементов, чаще всего оцениваемых как маркеры этничности. Однако оценки сохранения каждого из комплексов были поставлены разные. Каждый из участников опроса мог выбрать несколько вариантов ответа. Самым распространённым в итоге стал вариант «Язык» (52,7 %), далее шли «Традиционная пища» (27,7 %), «Традиционный костюм» (23,3 %), «Календарные праздники и обряды» (17,2 %), «Похоронно-поминальные обряды» (8,1 %), «Свадебный обряд» (6,7 %), «Другие элементы культуры» (5,4 %). А 26,4 % затруднились с ответом на данный вопрос.

Таблица 10

Вопрос: *как Вы считаете, какие элементы чувашской культуры сохранились сегодня у чувашей Пермской области?*

Варианты	Кол-во чел.	%
Традиционный костюм	69	23,3 %
Традиционная пища	82	27,7 %
Календарные праздники и обряды	51	17,2 %
Свадебный обряд	20	6,7 %
Похоронно-поминальные обряды	24	8,1 %
Язык	156	52,7 %
Другие элементы культуры	16	5,4 %
Нет ответа	78	26,4 %

Ответы на вопросы данного блока показали влияние ассимиляционных процессов. Среди тех, кто по этническому происхождению являлись чувашами, более половины ощущали себя русскими. Сам вопрос об этнической принадлежности для большинства являлся сложным, значительная часть вообще не придала ему значения. Результаты других социологических исследований в Пермском крае также показывали более низкий уровень сохранения языка и культуры у чувашей в сравнении с проживающими компактно рядом удмуртами⁵.

Взгляды чувашей на межнациональные браки видны из ответов на вопрос о национальности супруга (разведённым нужно было указать национальность бывшего супруга). Всего на вопрос ответил 241 человек (81,4 %). 43,6 % из ответивших (105 человек) указали, что их супруг по национальности русский, 51,5 % (124 человека) – чуваш. У оставшихся 4,9 % супруги были представителями других народов (башкиры, татары, коми-пермяки, удмурты). Таким образом, материалы исследования показывают высокую интенсивность межэтнических связей пермских чувашей.

Таблица 11

Вопрос: укажите национальность супруга

Варианты	Кол-во чел.	%
Русский	105	43,6%
Чуваш	124	51,5%
Другое	12	4,9%

Высокую интенсивность межнациональных браков подтверждают и материалы похозяйственных книг 2001 года некоторых сельсоветов Куединского района. Так, в селе Пантелеевка чувашско-русские браки составляли 26,2 % от числа всех браков в населённом пункте, в то время как чувашские семьи составили 24,8 %, то есть почти половина браков чувашей в данном поселении были смешанными. В деревне Коровино чувашские семьи составляли 50 % в составе поселения, чувашско-русские – 20 %, в деревне Верхний Тымбай – 23,4 % составляли чувашские семьи, 8,5 % – чувашско-русские, в деревне Дубленёвка чувашские семьи составляли 37 %, русско-чувашские – 22,2 %, чувашско-татарские – 7,4 %, в деревне Верхняя Ошья чувашских и смешанных русско-чувашских семей было поровну – 23,8 %.

Для пермских чувашей, которые представлены в большинстве своём первым, вторым и третьим поколениями мигрантов, по-прежнему остаются актуальны связи с исторической родиной и метрополией. Большая часть этих связей обусловлена наличием там родственников. На наличие связей с Чувашской Республикой по этой причине указали 53,4 %, а на их отсутствие – 39,2 %. Для большинства респондентов эти связи выражались в поездках к родственникам (36,5 %) либо в переписке с родными и близкими (35,5 %). Таким образом, для большинства пермских чувашей связь с исторической родиной ощущается не через культурные и общественные контакты, а исключительно как отношения с родственниками.

Таблица 12

Вопрос: сохраняются ли у Вас связи с Чувашией в настоящее время?

Варианты	Кол-во чел.	%
Нет	116	39,2%
Да, так как там продолжают жить родственники	158	53,4%
Другое	3	1%
Нет ответа	19	6,4%

Таблица 13

Вопрос: *в какой форме поддерживаются эти связи?*

Варианты	Кол-во чел.	%
Письма	105	35,5 %
Поездки к родственникам	108	36,5 %
Другое	6	2,1 %
Нет ответа	141	47,6 %

Интересно отметить и тот факт, что большинство респондентов считали, что Чувашская Республика должна заботиться о чувашах, проживающих за пределами исторической родины (52,4 %). Отрицательно к этому утверждению отнеслись 12,8 %, а 30,1 % затруднились с ответом.

Таблица 14

Вопрос: как Вы считаете, должна ли Чувашская Республика заботиться о культурном и языковом развитии чувашей, проживающих за её пределами, в том числе и о чувашах Пермской области?

Варианты	Кол-во чел.	%
Да	155	52,4 %
Нет	38	12,8 %
Затрудняюсь ответить	89	30,1 %
Нет ответа	14	4,7 %

Таким образом, на время проведения этносоциологического исследования в районах относительно компактного расселения чувашей была характерна высокая интенсивность межэтнических контактов, проявившаяся в большом числе межэтнических браков. Для значительного числа респондентов была характерна русско-чувашская этническая идентичность. В то же время особенно старшее поколение сохраняло устойчивое чувашское самосознание.

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

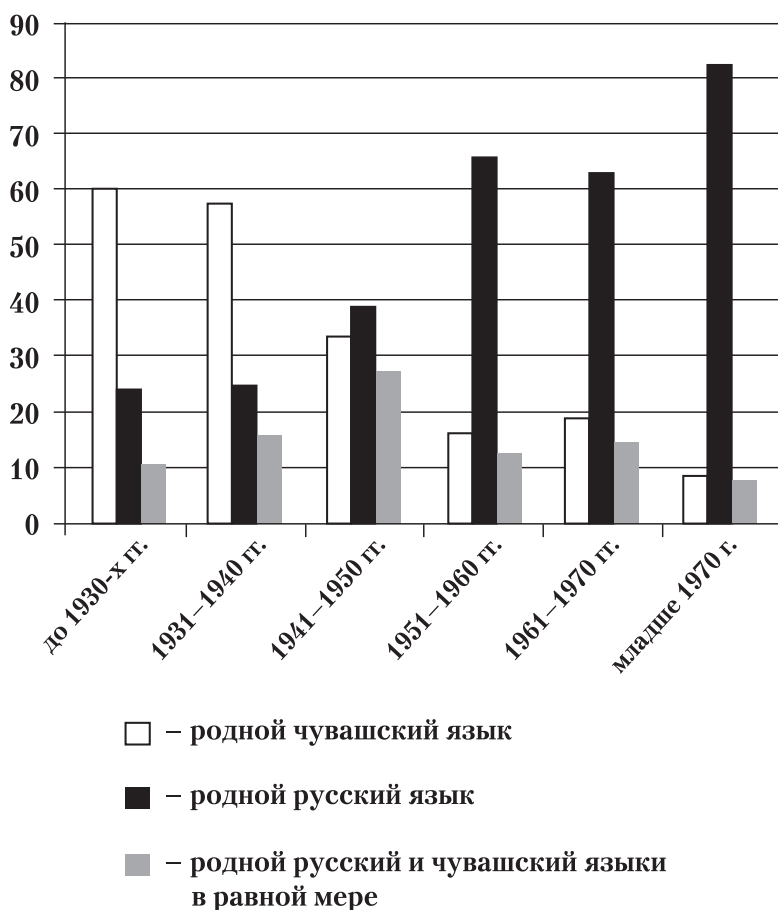
Язык выступает важным фактором сохранения этничности и трансляции этнической культуры. В настоящее время в чувашской диаспоре Пермского Прикамья наблюдаются негативные тенденции в плане сохранения родного языка. По данным Всероссийской переписи населения 2002 года, родным чувашский язык назвали 2214 человек, что составляло 31,6 % всего чувашского населения (против 49,8 % в 1989 году).

Количество чувашей Пермской области, считавших родным языком чувашский, за 13 лет сократилось на 3154 человека. В городской среде на родной чувашский язык указали 25,1 %, в сельской местности – 40,2 %. Сельские чуваша показывали лучшее владение родным языком. Следует отметить, что количество чувашей, считавших чувашский язык родным, только в одном муниципальном образовании области превысило количество чувашей, считавших родным языком русский: в Куединском районе родным чувашский язык назвали 50,9 % представителей этого народа.

Материалы следующей переписи населения 2010 года отметили, что количество чувашей, считающих чувашский язык родным, составило 1444 человека (сократилось на 35 %), однако доля считавших чувашский язык родным в общей численности чувашского населения практически не изменилась, составив 30,6 % (в 2002 году – 31,5 %). Перепись 2010 года показала изменение соотношения родного чувашского языка у городского и сельского населения. Если в 2002 году количество чувашей, считавших чувашский родным языком, в общей численности городского чувашского населения составляло 25,1 %, то в 2010 году уже 31,5 % (в г. Перми – 26,3 % и 32,1 % соответственно), в то время как в сельской местности 40,2 % и 29,3 % соответственно. В районах компактного проживания чувашей на юге Пермского Прикамья также зафиксировано сокращение владеющих чувашским языком, причём количество считающих чувашский язык родным в 2010 году снизилось до 24–30 % и составило: в Еловском муниципальном районе – 24,8 %, в Куединском муниципальном районе – 28,9 %, в Чернушинском муниципальном районе – 26,4 %, в Чайковском муниципальном районе – 24 %. Значительное уменьшение доли считавших чувашский язык родным в Куединском районе связано со сменой поколений, уходом старшего поколения, владеющего всеми компонентами родного языка.

Во время этносоциологического исследования вопросы о родном языке составляли отдельный блок. Более половины респондентов считали родным языком чувашский. При этом значительная часть ответивших назвали родным языком русский (32,4 %), для 13,9 % русский и чувашский языки оказались в равной мере родными. Динамика ответа на вопрос «Какой язык является для Вас родным?» по итогам исследования напрямую зависела от возраста отвечающих. Доля респондентов, назвавших чувашский язык родным, в общей численности возрастной категории постепенно снижалась с 59,5 % для людей старше 1931 г. р.

до 7,8% для людей младше 1970 г. р. В обратной пропорции возрастала доля назвавших родным языком русский – с 24,3% до 82,4% соответственно. При этом доля респондентов, выбравших вариант «Русский и чувашский в равной мере», изменилась с 10,8% до 7,8%. Но в возрастной категории 1941–1950 г. р. (на момент проведения исследования респондентам было 50–60 лет) она составила 27,8%, то есть в этом возрасте представлено наибольшее количество чувашей, сохраняющих в качестве родных и чувашский, и русский языки одновременно. Младшее поколение, видимо, в отличие от старшего, находившегося в ситуации свободного двуязычия, представляет группу, владеющую исключительно одним, русским языком.



№	Возрастная группа	Количество респондентов	Родной язык – чувашский (%)	Родной язык – русский (%)	Русский и чувашский в равной мере (%)	Нет ответа (%)
1	до 1930 г. р.	37	22 (59,5%)	9 (24,3%)	4 (10,8%)	2 (5,4%)
2	1931–1940	61	35 (57,3%)	15 (24,6%)	10 (16,4%)	1 (1,7%)
3	1941–1950	36	12 (33,4%)	14 (38,8%)	10 (27,8%)	–
4	1951–1960	49	8 (16,3%)	32 (65,3%)	6 (12,2%)	3 (6,2%)
5	1961–1970	41	8 (19,5%)	26 (63,4%)	6 (14,7%)	1 (2,4%)
6	После 1970 г. р.	51	4 (7,8%)	42 (82,4%)	4 (7,8%)	1 (2%)

Респондентам предлагалось также указать причины, по которым они считали выбранный язык родным. Для тех, кто выбрал в качестве родного чувашский, самым распространённым ответом был вариант «Это язык моего народа» (54,4%), только 8,1% (12 человек) назвали чувашский родным, потому что лучше всего его знают, а 18,8% выбрали его потому, что начали на нём говорить в детстве. Для тех, кто выбрал в качестве родного русский язык, самым распространённым ответом стал «Это язык, на котором я начал говорить» (39,4%), а вариант «Это язык, на котором говорят повсюду в моей местности» указали 36,9% респондентов. В целом очевидно, что для большинства чувашей родным являлся чувашский язык, но лишь по той причине, что он воспринимается как маркер этничности и является одним из показателей принадлежности к чувашскому народу.

Таблица 15

Варианты	Кол-во чел.	%
1	2	3
<i>Родной язык – чувашский</i>		
Это язык моего народа	81	54,4%
Это язык, который я лучше всего знаю	12	8,1%
Это язык, на котором говорят повсюду в моей местности	8	5,4%
Это язык, на котором я начал говорить	28	18,8%
<i>Родной язык – русский</i>		
Это язык моего народа	–	–
Это язык, который я лучше всего знаю	37	23,5%
Это язык, на котором говорят повсюду в моей местности	58	36,9%
Это язык, на котором я начал говорить	62	39,4%
<i>Чувашский и русский в равной мере родные</i>		
Это язык моего народа	11	26,8%

1	2	3
Это язык, который я лучше всего знаю	2	4,9 %
Это язык, на котором говорят повсюду в моей местности	5	12,2 %
Это язык, на котором я начал говорить	5	12,2 %
Нет ответа	36	12,2 %

На современном этапе основным языком коммуникации для пермских чувашей является русский язык, что обусловлено дисперсным характером расселения, отсутствием моноэтнической среды даже в сельских поселениях чувашей. На русском языке, по результатам исследования, предпочитали общаться 68,9 % респондентов. Примечателен и тот факт, что 12,8 % (38 человек), назвав в предыдущих вопросах чувашский язык родным, в данном вопросе выбирали русский как наиболее удобный для общения. Чувашский язык в этом качестве отметило только 10,5 % опрошенных, 18,9 % выбрали ответ «Русский и чувашский языки в равной мере».

Таблица 16

Вопрос: на каком языке Вы предпочитаете говорить?

Варианты	Кол-во чел.	%
Русский	204	68,9 %
Чувашский	31	10,5 %
Русский и чувашский в равной мере	56	18,9 %
Нет ответа	5	1,7 %

Респондентам было предложено оценить свои навыки владения чувашским языком по пятибалльной шкале. По результатам ответов, владение основными навыками языка также зависело, в первую очередь, от возраста респондентов. Примечательно, что оценку «5» по всем параметрам поставили себе 18,4 % (52 человека), а оценку «1» – 14,2 % (40 человек).

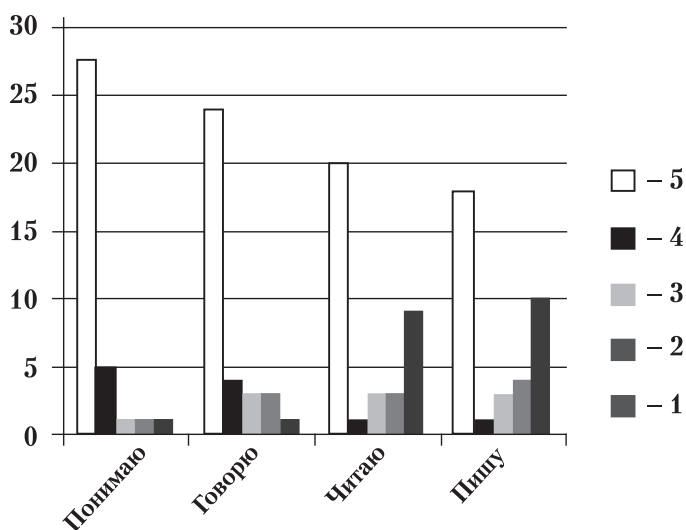
Таблица 17

Вопрос: оцените свой уровень владения чувашским языком

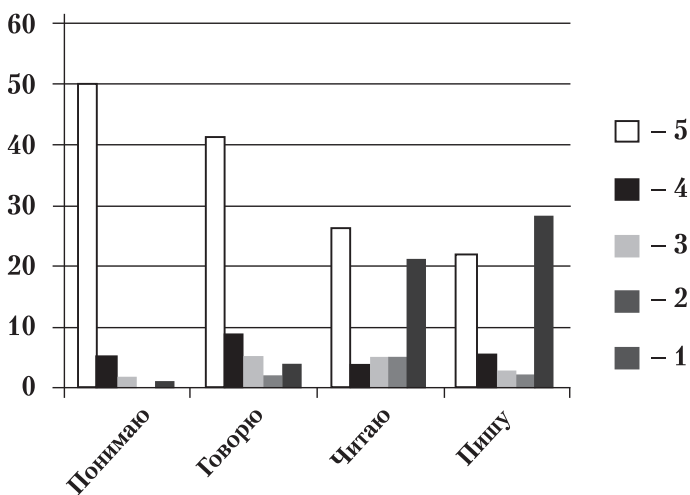
Варианты	Средний балл
Говорю	3,24
Читаю	1,96
Пишу	1,31
Понимаю	3,78
Нет ответа	15

Оценка уровня владения чувашским языком

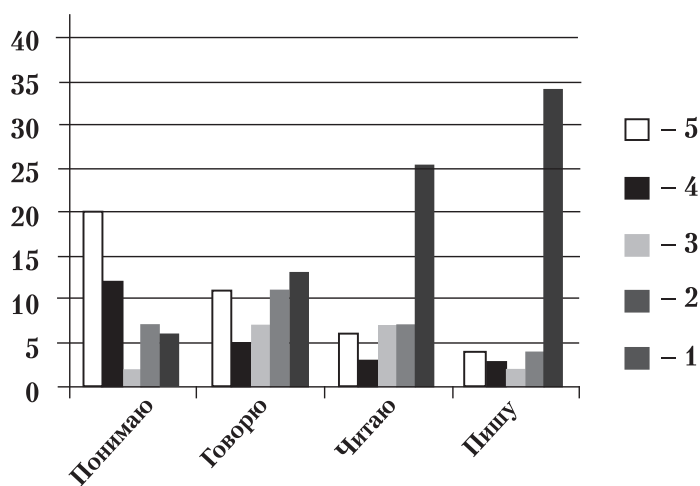
Респонденты до 1930 г. р.



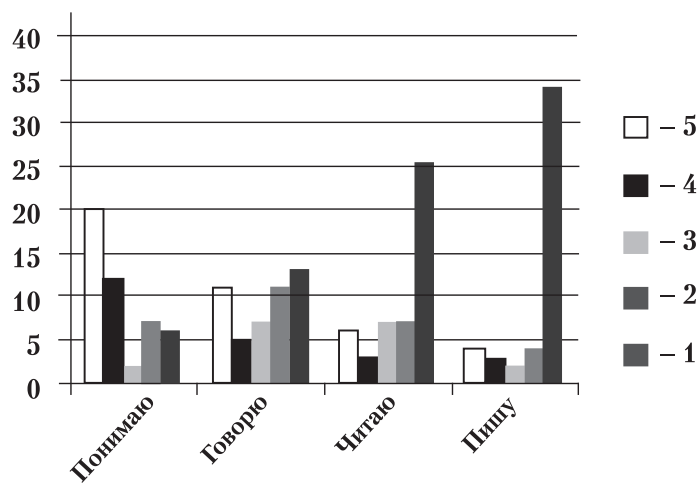
Респонденты 1931–1940 г. р.



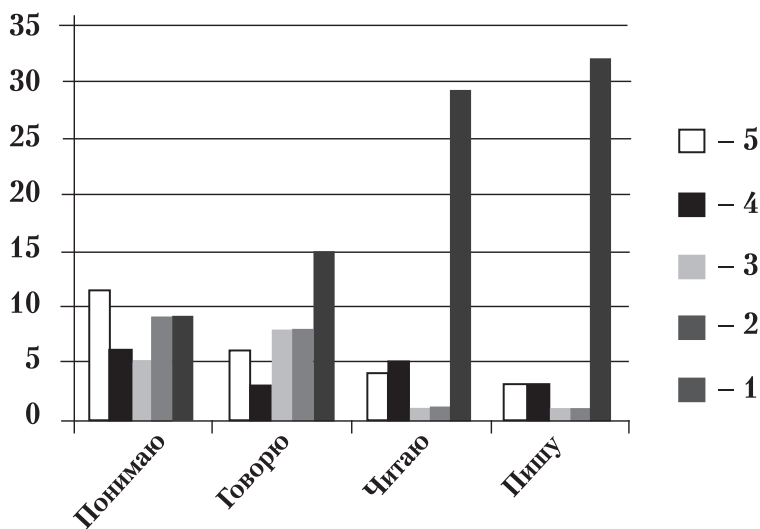
Респонденты 1941–1950 г. р.



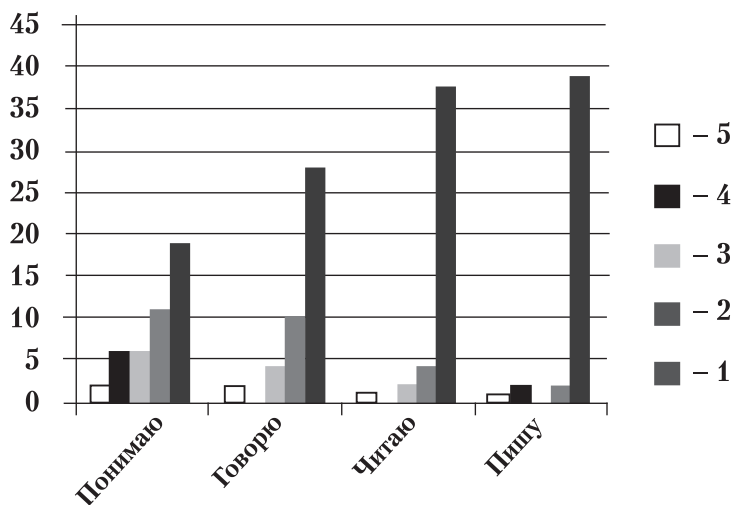
Респонденты 1951–1960 г. р.



Респонденты 1961–1970 г. р.



Респонденты младше 1970 г. р.



Анализ диаграмм показывает, что во второй половине XX века у чувашей Прикамья происходило постепенное снижение уровня владения основными языковыми навыками. Наиболее низкие показатели

при этом выявлены у поколения, родившегося после 1970 года, которое, согласно данным опроса, уже не является носителем чувашского языка, в лучшем случае владеет навыками «понимания».

Низкий уровень грамотности на родном языке (чтение и письмо) был обусловлен, в первую очередь, отсутствием у респондентов преподавания родного языка в школе. Большая часть отметивших факт изучения языка – мигранты первого поколения, получившие школьное образование в Чувашской Республике. Согласно данным опроса, 70,6% (209 человек) не изучали чувашский язык в школе. Из изучавших родной язык 3,4% (10 человек) учили его 1–3 года, 13,2% (39 человек) – 4–9 лет, 2,3% (7 человек) – 10–11 лет, 10,5% (31 человек) на данный вопрос не ответили.

Таблица 18

Вопрос: сколько лет Вы изучали в школе чувашский язык?

Варианты	Кол-во чел.	%
1–3 года	10	3,4%
4–9 лет	39	13,2%
10–11 лет	7	2,3%
Не изучал	209	70,6%
Нет ответа	31	10,5%

Ответы на следующий вопрос должны были показать интенсивность и сферы использования чувашского языка. Следует констатировать, что даже на уровне семьи преобладало общение на русском языке. Большинство опрошенных (63,2%) указали на русский язык как единственный язык семейного общения. В равной мере на чувашском и на русском общались дома 18,6% респондентов. Приоритет чувашскому языку отдали только 6,8% опрошенных.

Таблица 19

Вопрос: на каком языке вы обычно общаетесь дома?

Варианты	Кол-во чел.	%
Только на чувашском	20	6,8%
Только на русском	187	63,2%
В основном на русском	29	9,8%
В равной мере на чувашском и на русском	55	18,6%
Другое	1	0,3%
Нет ответа	4	1,3%

Меньшее число положительных ответов было получено на вопрос об использовании чувашского языка при общении с младшими членами семьи, детьми, что важно для трансляции языковых навыков следующему поколению. Ответы коррелировали с данными предыдущего вопроса об общении в семье. Только на русском общались 63,5 % респондентов, а только на чувашском – 1,4 % (4 человека). Таким образом, показатели в ответах на данный вопрос ниже, чем при ответе об использовании чувашского языка в семейном общении. Материалы опроса показали отсутствие в настоящий момент передачи языковых навыков младшему поколению, что, скорее всего, в будущем приведёт к дальнейшему снижению уровня владения родным языком и, как следствие – к ассимиляционным процессам.

Таблица 20

Вопрос: на каком языке вы общаетесь с малолетними детьми, братьями, сёстрами?

Варианты	Кол-во чел.	%
Только на чувашском	4	1,4 %
В основном на чувашском	4	1,4 %
В равной мере на чувашском и на русском	11	3,7 %
В основном на русском	36	12,1 %
Только на русском	188	63,5 %
Другое	1	0,3 %
Нет ответа	52	17,6 %

Среди других сфер коммуникации чувашский язык в сельских районах Пермского края использовался и при общении в рабочих коллективах. Согласно материалам опроса, 54,1 % чувашей общались на работе только на русском языке (данные совпадают с количеством чувашей, работавших в коллективах, в составе которых были преимущественно не чувашаи), 16,2 % общались в основном на русском, 11,4 % разговаривали на русском и чувашском языках, а 3,1 % общались только на чувашском. В целом данные об общении в трудовом коллективе коррелируют с ответами на вопрос о национальном составе коллективов.

Таблица 21

Вопрос: на каком языке Вы преимущественно разговариваете на работе?

Варианты	Кол-во чел.	%
Только на чувашском	9	3,1 %
В основном на чувашском	4	1,4 %
В равной мере и на чувашском, и на русском	34	11,4 %
В основном на русском	48	16,2 %
Только на русском	160	54,1 %
Нет ответа	41	13,8 %

Сохранение и развитие языка обеспечивается также за счёт различных носителей информации на чувашском языке. Ряд вопросов анкеты был посвящён и этой теме. Респондентам нужно было указать, часто ли они читают газеты и журналы на чувашском языке. В итоге 54,7 % ответили, что не читают их совсем, 10,5 % отметили, что делают это нерегулярно, вариант «Регулярно» выбрали лишь 5,1 % респондентов.

Таблица 22

Вопрос: часто ли Вы читаете газеты и журналы на чувашском языке?

Варианты	Кол-во чел.	%
Регулярно	15	5,1 %
Нерегулярно	31	10,5 %
Не читаю	162	54,7 %
Затрудняюсь ответить	63	21,3 %
Нет ответа	25	8,4 %

Кассеты или книги на чувашском языке, как показали ответы на следующий вопрос, хранились только у 20,9 % чувашей, принявших участие в анкетировании. Чаще всего это художественная литература (11,5 %) либо аудиокассеты и пластинки (8,1 %). Большинство респондентов отметили, что дома никаких носителей на чувашском языке не имеют (66,9 %).

Таблица 23

Вопрос: *есть ли у вас дома книги, кассеты на чувашском языке?*

Варианты	Кол-во чел.	%
Нет	198	66,9 %
Да		
– художественная литература	34	11,5 %
– учебники	2	0,7 %
– детская литература	4	1,4 %
– песенники	13	4,4 %
– аудиокассеты, пластинки	24	8,1 %
– видеокассеты	3	1,1 %
– другое	–	
Нет ответа	36	12,2 %

В то же время, несмотря на низкие показатели владения родным чувашским языком и активности его применения, язык выступает важным фактором этничности, оценивается как необходимая составляющая этнической принадлежности. Почти все респонденты согласились с тезисом о необходимости знания чувашского языка. В анкете предлагалось согласиться или отвергнуть утверждение, что каждый чуваш должен знать свой родной язык. Вариант «Безусловно, согласен» выбрали 60,4 % респондентов, второй по значимости ответ «Скорее согласен» указали 14,9 %, «Скорее не согласен» выбрали 7,8 %, «Другое» – 3,7 %.

Таблица 24

Вопрос: *согласны ли Вы с утверждением, что каждый чуваш должен знать чувашский язык?*

Варианты	Кол-во чел.	%
Безусловно, согласен	179	60,4 %
Скорее согласен	44	14,9 %
Скорее не согласен	23	7,8 %
Затрудняюсь ответить	32	10,8 %
Другое	11	3,7 %
Нет ответа	7	2,4 %

В настоящее время в школах Пермского края не ведётся преподавание чувашского языка. По мнению лишь пятой части опрошенных

(22%), преподавание чувашского языка в школах должно быть обязательно. Однако большая часть ответивших оставила выбор изучать или не изучать язык за детьми и родителями – 56,4%. Вариант «Безусловно, не согласен» выбрали 9,8%, а для 9,1% респондентов этот вопрос не имел значения. Таким образом, соглашаясь, что чувашки должны знать родной язык, большинство респондентов не настаивали на его обязательном изучении в школе.

Таблица 25

Вопрос: *считаете ли Вы, что в школах чувашских населённых пунктов Пермской области дети должны обязательно изучать чувашский язык?*

Варианты	Кол-во чел.	%
Да, обязательно	65	22 %
Нет, только по желанию	167	56,4 %
Мне это безразлично	27	9,1 %
Безусловно, не согласен	29	9,8 %
Нет ответа	8	2,7 %

В целом чувашский язык ещё сохраняется в Пермском Прикамье, однако, согласно данным опроса, уровень владения им снижается с каждым поколением, сужены сферы его применения, отсутствует трансляция языка молодому поколению даже на уровне семейных коллективов.

ОБЩЕСТВЕННОЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ ЧУВАШЕЙ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Национально-культурное движение по сохранению и развитию чувашской культуры в Пермском крае датируется началом 2000-х годов. Сегодня эта работа представлена сразу в нескольких направлениях, среди которых и общественное движение, и работа в сфере образования, и деятельность в сфере культуры и спорта.

Общественные организации

Работа по созданию общественной чувашской организации началась в 2000-х годах при участии местных чувашских активистов, учёного сообщества и областных властей. Информация об общественной и культурной деятельности чувашей в Пермской области была широко

известна ещё в начале 1990-х годов, однако организационно они никак не были представлены.

Создание общественной организации пермских чувашей происходило в русле общих процессов развития общественного национально-культурного движения в регионе. К началу 2000-х годов в Пермской области был накоплен серьёзный опыт в реализации государственной национальной политики⁶. В этот период началась реализация третьей по счёту комплексной Программы развития и гармонизации национальных и межнациональных отношений народов Прикамья на 1999–2003 годы⁷. К 2001 году в Пермской области было уже 42 общественных национально-культурных организаций⁸. В этом же году был подписан указ о создании Координационного совета по национальным вопросам при администрации Пермской области⁹, что повысило статус и значимость данного коллегиального органа. В совет было решено включить представителей крупнейших этнических сообществ Прикамья.

Начало 2000-х годов можно назвать и новым периодом в формировании общественных институтов народов Прикамья. Именно тогда представители ряда народов, опираясь на опыт коллег, начавших работу в 1990-е годы, создали свои общественные объединения. В 2001 году в Прикамье начала работу общественная организация украинцев «Украинский дом», в 2003 году – «Общественный центр белорусов Пермской области» и «Русское национально-культурное общество». В этом ряду стоит и организационное оформление общественной организации пермских чувашей.

Отправной точкой для начала серьёзной работы по сохранению чувашской культуры в Пермской области и организационного оформления общественного движения стало участие чувашского ансамбля «Юрату» из деревни Дойная Куединского района в проекте «Ключи от XXI века» – мастер-классе антропологического кино для специалистов учреждений культуры, образования, журналистов субъектов Приволжского федерального округа. Его реализовал фонд «Нанук» при поддержке администрации Пермской области. Работа мастер-класса проходила в июне 2001 года в селе Ключи Суксунского района. Один из дней был посвящён чувашской культуре, которую презентовали участники ансамбля. На организаторов и гостей фестиваля выступление коллектива из деревни Дойная Куединского района произвело огромное впечатление¹⁰. После успешного выступления ансамбль стал известен в Пермской области, он участвовал в областных и региональных

фестивалях, встречах и акциях в Перми, Чайковском, Чернушке. После участия в проекте и при поддержке администрации Пермской области и лидеров чувашского сообщества были предприняты активные усилия по организации общественного института.

Действующий председатель Национально-культурного центра чувашей Пермского края (НКЦЧПК) Г.А. Абакшина так рассказала об истории создания центра: «Если говорить об инициативе, то работа шла ещё с 1950-х годов. А в 2001 году прошёл мастер-класс антропологического кино и телевидения, нас пригласил поучаствовать в мероприятии Александр Петрович (Макаров Александр Петрович – в 2001 году заместитель главы Куединского района Пермской области – *авт.*). Сказали привезти блюда чувашской кухни, пару номеров показать. Это было в селе Ключи Суксунского района. Там наши бабушки, участницы фольклорного коллектива, поразили всех своей простотой, открытостью. И тогда Раиса Ивановна (Щукина Раиса Ивановна – консультант сектора политики, религиозных и национальных отношений отдела общественных связей администрации Пермской области – *авт.*) говорит, что нам бы хотелось, чтобы вы официально были представлены»¹¹.

Руководящий центр автономии было решено создать именно в Куединском районе, поскольку здесь в начале 2000-х годов было сосредоточено наибольшее количество чувашей. Изначально рассматривались варианты создания национально-культурной автономии.

6 декабря 2001 года в деревне Дойная Куединского района прошёл практический семинар по теме «Национально-культурная автономия как институт самоорганизации этноса». Мероприятие было инициировано администрацией Пермской области¹². В нём принимали участие заведующий сектором политики, религиозных и национальных отношений отдела общественных связей администрации Пермской области С.В. Неганов и консультант того же отдела Р.И. Щукина, а также заместитель редактора газеты «Красный маяк» Чернушинского района Л.В. Симонова. От администрации Куединского района – первый заместитель главы района А.П. Макаров, начальник управления культуры Т.И. Гагарина и главы сельских администраций, на территории которых компактно проживали чуваше: Г.А. Абакшина (д. Дойная), Н.А. Павлов (с. Большие Кусты), Л.А. Клячина (с. Пантелеевка), В.А. Азанов (с. Большая Уса)¹³. В ходе обсуждения стороны пришли к пониманию необходимости создания национально-культурной автономии чувашей Пермской области¹⁴. По итогам семинара была

сформирована инициативная группа во главе с председателем Дойнинской сельской администрации Г. А. Абакшиной для создания организации.

16 апреля 2002 года в Дойной состоялась учредительная конференция, целью которой было создание региональной национально-культурной автономии чувашей Пермской области. Участие в конференции приняли 38 представителей из населённых пунктов с компактным проживанием чувашей Куединского (сёла Большие Кусты, Пантелеевка, деревни Дойная, Коровино, Дубленёвка, Батманы, Малые Кусты), Чернушинского (село Тёмное, деревни Трун, Текловка, Ивановка), Чайковского (деревня Бормист) и Еловского (сёла Малая Уса, Суганка, Брюхово) районов, а также представители администрации Куединского района и администрации Пермской области¹⁵. Приветственные адреса участникам конференции направили заместитель губернатора, председатель Координационного совета по национальным вопросам администрации Пермской области Н. А. Яшин и заместитель министра культуры и по делам национальностей Чувашской Республики М. Н. Краснов.

Задачи конференции: создание национально-культурной автономии (НКА) чувашей Пермской области для содействия удовлетворению этносоциальных потребностей чувашского населения Пермской области; принятие Устава НКА; выборы актива НКА чувашей; обсуждение перспектив деятельности НКА на 2002 год в рамках реализации областной целевой программы гармонизации национальных отношений народов Прикамья¹⁶. На конференции были заслушаны три доклада (А. П. Макаров – доклад «О сотрудничестве администрации Куединского района с районными национально-культурными объединениями как пути гармонизации межнациональных отношений и становления демократических институтов на территории района»; С. В. Неганов – доклад «Концептуальные подходы администрации Пермской области в реализации национальной политики на региональном уровне»; А. В. Черных, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Пермского областного краеведческого музея – доклад «Об этнической истории чувашей Пермской области»), а также выступления глав сельских администраций. Г. А. Абакшина подвела итоги работы инициативной группы чувашей Пермской области по созданию национально-культурной автономии.

Участники конференции приняли Устав организации, избрали руководящие органы, приняли соответствующую резолюцию. Пред-

седателем автономии была выбрана Г. А. Абакшина, заместителем – глава администрации Большекустовского совета Н. А. Павлов. В Совет автономии вошли руководители 11 местных объединений¹⁷. Отделения местного уровня решено было создать в сёлах Большие Кусты, Ошья, Пантелеевка, деревнях Дойная, Верхняя Ошья, Коровино (Куединский район), городе Чернушке и деревне Ананьино (Чернушинский район), сёлах Суганка и Малая Уса (Еловский район). Основными задачами организации, получившей название «Национально-культурная автономия чувашей Пермской области "Юрату", были: сохранение и развитие языка, культуры, обычаев, традиций чувашского народа; восстановление связей с Чувашской Республикой. На конференции общественные активисты организовали презентацию чувашской кухни, выставку предметов материальной культуры чувашей: домашней утвари и национальной чувашской одежды¹⁸.

К моменту создания общественной организации и активизации национального общественного движения чувашей в Пермском крае, по материалам этносоциологического исследования, большинство респондентов отмечали слабое внимание со стороны власти к проблемам развития чувашей в области.

При оценке деятельности местных властей большинство респондентов отметили, что они не уделяют им должного внимания (34,8 %), а 14,2 % согласились, что им уделяют лишь «некоторое внимание». Необходимо также отметить, что 21,9 % чувашей затруднились с ответом, а 17,6 % не ответили совсем. Эти результаты свидетельствуют, что на момент проведения опроса не весь имеющийся этнокультурный потенциал чувашского населения был использован и востребован.

Таблица 26

Вопрос: *как много внимания руководство района и области уделяет чувашам в решении важных проблем?*

Варианты	Кол-во чел.	%
Уделяет большое внимание	17	5,7 %
Уделяет некоторое внимание	42	14,2 %
Оставляет желать лучшего	9	3,1 %
Не уделяет внимания	103	34,8 %
Другой ответ	8	2,7 %
Затрудняюсь ответить	65	21,9 %
Нет ответа	52	17,6 %

Ответы на следующий вопрос также продемонстрировали отсутствие положительной динамики этнокультурного возрождения. 56,8% респондентов указали, что их отношение к родному языку и культуре в последние годы не изменилось. Однако нужно отметить, что 58 человек (19,6%) отметили, что интерес усилился.

Таблица 27

Вопрос: *изменилось ли Ваше отношение к языку, культуре чувашей в последнее время?*

Варианты	Кол-во чел.	%
Не изменилось	168	56,8%
Интерес усилился	58	19,6%
Интерес упал	12	4 %
Затрудняюсь ответить	41	13,9%
Нет ответа	17	5,7%

В следующем вопросе, касавшемся видимых респондентами изменений в возрождении чувашского народа, ответы не были столь однозначны: 41,2% опрошенных указали, что значительных изменений не произошло, но 30,1% ответили, что заметили признаки возрождения чувашского народа.

Таблица 28

Вопрос: *заметили ли Вы в последние годы признаки возрождения чувашского народа?*

Варианты	Кол-во чел.	%
Да, заметил	89	30,1 %
Значительных изменений не произошло	122	41,2%
Ситуация ухудшилась	21	7,1 %
Затрудняюсь ответить	50	16,9%
Нет ответа	14	4,7 %

Среди значимых событий в жизни чувашской общественной организации Пермской области – включение её председателя с 2004 года в состав Координационного совета по национальным вопросам администрации Пермской области (с 2012 года – в краевой Координации

онный совет по национальным вопросам при губернаторе Пермского края).

Первые годы общественная организация чувашей Пермской области работала в статусе автономии, а в 2008 году была зарегистрирована в качестве общественной организации «Национально-культурный центр чувашей Пермского края» (НКЦЧПК).

Сегодня она является одной из ведущих общественных национально-культурных организаций Пермского края. Базовым центром организации является деревня Дойная Куединского района, однако работа центра распространяется и на другие поселения Куединского, Еловского, Чернушинского, Чайковского районов, с которыми выстроены партнёрские отношения.

В Чернушинском районе с 2002 года чувашским центром как отделением создаваемой автономии руководила заместитель редактора газеты «Красный маяк» Л. В. Симонова. В 2007 году в этом районе чувашский центр был открыт в селе Ананьино. Центр объединил чувашских активистов из Чернушки, Ананьино и Слудки. Действующий руководитель чувашского центра Л. И. Шукшина ведёт работу по сохранению и популяризации чувашской культуры. В последние несколько лет её руками создан «альбом чувашей» Чернушинского района, куда вносятся сведения о чувашах, проживающих на данной территории¹⁹. Сегодня чувашский центр активно участвует в общественной и культурной жизни Чернушинского муниципального района.

В Еловском районе в настоящее время общественная работа ведётся преимущественно в Суганском сельском поселении и селе Дуброво. Активисты центра Н. П. Уральский (руководитель местного отделения) и Л. В. Лозинская участвуют в мероприятиях районного и межрайонного уровней, проводят встречи с детьми школьного возраста из чувашских семей, рассказывая о культуре и языке этого народа²⁰.

Участие в общественном движении чувашей России

Активные контакты и взаимодействие пермских чувашей и Чувашского национального конгресса начались с момента создания общественной организации чувашей в Пермской области. Президент Конгресса чувашей России Г. Н. Архипов в июне 2002 года посетил деревню Дойная Куединского района Пермской области с официальным визитом, который был приурочен к первому в Пермской

области традиционному чувашскому празднику «Акатуй», состоявшемуся 5 июня 2002 года. Уже 6–7 июня 2002 года делегация чувашей Пермской области в составе председателя А. Г. Абакшиной и руководителя объединения чувашей в Дойной, заведующей Дойнинским домом культуры М. М. Поповой впервые приняла участие в межрегиональном мероприятии – научно-практической конференции «Национально-культурное развитие как важный фактор стабильности общества», которая прошла в Чебоксарах. В рамках конференции Г. А. Абакшина выступила с сообщением о достижениях, проблемах и перспективах развития национально-культурного и общественного движения чувашей Пермской области. От администрации Пермской области на конференции выступила консультант управления по взаимодействию с органами местного самоуправления и общественных связей администрации Пермской области Р. И. Щукина. Она рассказала о путях гармонизации межнациональных отношений и становления демократических институтов на территории области. Делегация также встретилась с председателем Чувашского национального конгресса Г. Н. Архиповым²¹. После этого пермские чувашаи официально вошли в состав Чувашского национального конгресса – высшего представительного собрания, действующего от имени чувашского народа.

25–27 сентября 2002 года делегация Пермской области приняла участие в работе V съезда Конгресса чувашей России. Национально-культурную автономию чувашей Пермской области представляли девять делегатов из Куединского и Чернушинского районов во главе с председателем автономии Г. А. Абакшиной. Пермяки привезли с собой журналы «Пермь Великая», «Сокровища Пермского края» и газету «Акатуй», а 27 сентября 2002 года выступления пермских делегатов транслировались в полчасовой передаче на Радио Чувашии²².

На последнем, VIII Конгрессе, состоявшемся 25–26 октября 2013 года, Пермский край представляла делегация из четырёх человек²³. Делегаты приняли участие в выборах высшего органа (Совета) и президента Конгресса.

Помимо работы в Конгрессе чувашаи Прикамья активно участвуют во всех мероприятиях и акциях, проводимых для чувашей на всероссийском уровне.

Одно из крупных мероприятий Чувашского национального конгресса – общероссийский конкурс «Чувашская красавица». Раз в два

года конкурс объединяет несколько десятков участниц, представляющих чувашские организации из разных регионов страны. В 2003 году конкурс проходил в несколько этапов, в том числе и в Пермской области. Первый этап прошёл в деревне Дойная Куединского района, куда съехались несколько участниц из разных районов области. Победу в областном конкурсе одержала воспитатель местного детского сада Ольга Белоцерковская. Затем она представляла Пермскую область на финальном этапе конкурса в Москве. В своей программе О. Белоцерковская исполнила песню о родном селе, представила собственноручно сделанные костюм и предметы быта с чувашскими орнаментами (куклы, полотенца), станцевала чувашский танец. На конкурс блюд участница от Прикамья выставила чувашское пиво, чем вызвала бурные овации. В итоге О. Белоцерковская заняла в конкурсе третье место²⁴. В дальнейшем участницы из Пермского края ежегодно принимали участие в конкурсе чувашских красавиц: в 2007 году Кристина Антонова из деревни Дойная получила приз «Мисс обаяние», в 2009 году её землячка Светлана Кондратьева – «Мисс Хранительница чувашских традиций», в 2011 году Юлия Трекова из Перми – «Мисс Шарм»²⁵.

Направления работы по сохранению и развитию языка и культуры чувашей в системе образования

Одно из направлений работы общественных институтов пермских чувашей – развитие этнокультурного компонента в образовании в условиях полиэтнического пространства региона.

Сегодня чувашский этнокультурный компонент реализуют несколько образовательных учреждений Пермского края. В детском саду и школе деревни Дойная Куединского района создана система образования с этнокультурным компонентом, построенным на чувашском языке и культуре. Начиная с дошкольного возраста, дети знакомятся с основами чувашской культуры и языка, культурой других народов края. При участии НКЦЧПК в дошкольном образовательном учреждении «Дойнинский детский сад» (зав. Н. В. Коврыгина) реализуются программы «Модель воспитательной системы "Понимаю и принимаю тебя"» и «Активная жизненная позиция – путь к успеху», цель которых – развивать межнациональное общение в дошкольном учреждении, создавать условия для развития самобытной чувашской культуры

в Пермском крае. Дошкольное образование ведётся по нескольким направлениям. На занятиях дети знакомятся с героями чувашских народных сказок. Отдельное помещение в садике выделено под музей чувашской национальной культуры, где проходят встречи с участниками фольклорного ансамбля «Юрату», проводятся национальные праздники. В музейном уголке выставлены экспонаты материальной культуры чувашского народа. Иногда занятия в музее проходят в виде тематических игр, когда экскурсоводом выступает один из чувашских национальных героев²⁶. В центре «Народоведение» собраны материалы о культуре чувашского народа.

В последние годы дошкольным образовательным учреждением совместно с НКЦЧПК реализован целый ряд проектов. В 2010 году запущен проект «Понимаю и принимаю тебя». «Проект нацелен на изучение культур разных народов, – пояснила заведующая ДОУ Н. В. Коврыгина. – Сейчас 30 процентов детей – из приёмных семей, конечно, разных национальностей. И вот мы запустили такой проект. Его задача – к концу года дети должны знать культуры тех народов, которые проживают в нашей местности. Мы в гости приглашали бабушек, делали куклы, игрушки разные. Бабушки сами садились, показывали и рассказывали всё им, говорили, в какие игры играли, какие праздники отмечали, чем занимались и т.д.»²⁷. По словам председателя НКЦЧПК Г. А. Абакшиной, на базе детского сада при участии районных властей будет создана опытно-экспериментальная площадка²⁸.

На уровне школьного образования этнокультурный компонент сохраняется и реализуется в Дойнинской основной общеобразовательной школе (директор С. Н. Абакшина). На уроках литературы и краеведения учащиеся узнают об истории и культуре чувашского народа, знакомятся с основами чувашского языка, произведениями чувашской литературы: «На уроках литературы мы изучаем сказки народов мира, пословицы и поговорки, чувашские особенно разбираем, фольклор чувашский...»²⁹. В 2011 году при участии учителя русского языка Г. А. Дуровой и активистов НКЦЧПК был реализован проект «Особенности чувашского фольклора в жизни деревни Дойная». Цель проекта – погрузить учащихся в особенности народного фольклора на примере чувашской культуры: «Мы собирали пословицы и поговорки чувашские, изучали их в игровой форме. Допустим, учитель говорит пословицу на чувашском, переводит её, а потом ребятам надо подобрать похожую русскую пословицу»³⁰. Педагоги, дети и родители

принимают активное участие в проводимых НКЦЧПК мероприятиях и праздниках: «Как таковых уроков чувашского языка у нас нет, но во внеклассной работе у нас всё тесно связано. Спортивные мероприятия, чувашские праздники, какие-то проекты, наши дети и школа – всегда активные участники»³¹. Образовательные учреждения Дойной работают в тесном сотрудничестве с администрацией поселения, Дойнинским сельским клубом культуры, общественной организацией НКЦЧПК.

Созданная в Дойнинском сельском поселении система непрерывного образования с этнокультурным компонентом позволяет воспитанникам детского сада и школы не только познакомиться с различными элементами народной культуры на примере чувашей, но и уважительно относиться к разным культурам, видеть их сосуществование на территории поселения.

Этнокультурный чувашский компонент представлен и в деятельности образовательных учреждений села Большие Кусты. В Большекустовской средней общеобразовательной школе (директора Т. В. Николаева, Н. Л. Суханова, О. Н. Данилова) в период с 2001 по 2006 год была реализована программа развития «Этнопедагогика в действии». В ходе работы над программой были осуществлены сбор, систематизация и внедрение этнопедагогического компонента в преподавание учебных предметов в образовательные области учебного плана. Этнокультурный компонент строился с учётом этнического состава села и района, основу населения которого составляют русские, чуваша и удмурты. Другим направлением работы по освоению этнокультурного компонента явилась внеучебная деятельность, система дополнительного образования³².

В летний период в образовательном учреждении в рамках детских оздоровительных лагерей и площадок была организована исследовательская работа учащихся: сбор материала об истории села, культуре народов села и деревень округа – русских, чувашей и удмуртов. Итоги летней исследовательской деятельности на протяжении нескольких лет, сбора исторического и этнографического материала нашли отражение в исследовательских проектах учащихся и педагогов, организации школьного музея³³.

В 2005 году в Большекустовской школе был открыт историко-этнографический музей (руководитель Н. А. Роголёва, при содействии Г. Н. Кустовой, Т. В. Николаевой, Н. Н. Горбуновой и др.), который получил в 2006 году официальный статус «Школьный музей». Среди

этнографических коллекций музея – предметы традиционного костюма и быта чувашей села, фотографии. Большая часть чувашских экспонатов представлена в экспозиции музея «В семье единой – многонациональной». Материалы о чувашах Куединского района стали и основой выставки «Чувашский народ в контексте села». Музей стал площадкой для проведения экскурсий, уроков, музейных мероприятий, а его экспонаты и материалы – основой для подготовки исследовательских работ учащихся и педагогов.

Работа школы строится во взаимодействии с Большекустовским детским садом (заведующая О.А. Белоцерковская), в котором также используют этнокультурный региональный компонент.

Этнокультурный чувашский компонент присутствовал и в деятельности Центра дополнительного образования «Альтаир» города Чернушки (с 2011 года в составе учреждения дополнительного образования детей «Детская школа искусств»). Программа «Венок Прикамья», разработанная центром, предусматривала изучение культуры народов региона, в том числе и чувашей. Работа по реализации программы строилась во взаимодействии с национальными культурными центрами Чернушинского района. Предметы традиционного костюма чувашей представлены в музее образовательного учреждения³⁴.

Таким образом, чувашская культура стала одним из компонентов в работе образовательных учреждений районов компактного расселения чувашей в Пермском крае – Куединского и Чернушинского. Наиболее активным периодом в реализации этнокультурного компонента были 2000-е годы. Он был использован в работе дошкольных образовательных учреждений, учреждений дополнительного образования и школ. Знакомство с языком и культурой чувашей реализовывалось через изучение чувашской истории и культуры, создание и работу музеев образовательных учреждений, внеурочную деятельность и дополнительное образование. Вопрос о преподавании языка в этот период уже не ставился, так как для большинства школьников-чувашей родным языком уже являлся русский. Происходило лишь знакомство с чувашским алфавитом и языком в рамках факультативных и дополнительных занятий.

Этнокультурные проекты и мероприятия

Начиная с 2002 года, чувашаи Пермского Прикамья ведут активную работу по сохранению своей этнической культуры на уровне района и региона. Среди многочисленных проектов и мероприятий, реализо-

ванных в Прикамье, отметим лишь наиболее значимые. Так, с 2003 года чувашаи Чернушинского и Куединского районов принимают участие в ежегодном фестивале национальных культур «На земле единой – в семье Прикамской», который проходит в Чернушке, районных, краевых этнокультурных акциях и мероприятиях, проводят традиционный чувашский праздник «Акатуй».

В 2003 году дойнинское отделение национально-культурной автономии провело акцию «Дорога дружбы», целью которой было «активизировать чувашское население в развитии национальной культуры»³⁵. Творческие концерты и презентации чувашской культуры прошли во всех сельских населённых пунктах Куединского района, где проживали чувашаи.

Одним из ключевых направлений работы стало организация и проведение традиционного чувашского праздника «Акатуй», символизирувавшего окончание полевых работ. Первый состоялся в 2002 году в деревне Дойная: "Акатуй" – это праздник плуга и земли, впервые здесь его провели в 2002 году, в советские времена никогда не праздновали. Девушек в сани запрягали, петуха на столб вешали, делали "шурпе", суп из баранины»³⁶. После успешного проведения первого праздника было решено проводить его в разных населённых пунктах с компактным проживанием чувашей. Уже в 2004 году «Акатуй», который прошёл в селе Пантелеевка Куединского района, стал межрайонным праздником: участие в нём приняли делегации Еловского и Чернушинского районов. В рамках праздника прошла этносоциальная акция «Национальные традиции – в семью». Первый тур её прошёл в разных деревнях, а в селе Пантелеевка собрались семьи-победители. Они демонстрировали предметы быта, вышивки, блюда традиционной кухни, генеалогические древа. На празднике также состоялся концерт чувашских самодеятельных коллективов³⁷. Сегодня этот чувашский национальный праздник проводится почти ежегодно и является одной из визитных карточек не только Куединского муниципального района, но и всего Пермского края. Перед гостями праздника выступают чувашские фольклорные коллективы, проводятся выставки чувашских народных промыслов и ремёсел. Украшением каждого «Акатауя» являются соревнования по борьбе «керешу».

В 2007 году к 5-летию юбилею общественного центра чувашей была организована выставка «Чуваши Прикамья, были, есть и будут», проведён агитпробег «Маленький юбилей – копилка традиций, или Как живёшь, Чувашская Автономия?». Программа состояла из трёх

направлений: слайд-презентация о работе автономии за пять лет; концерт творческих коллективов и показательные выступления по чувашской национальной борьбе «керешу»; «круглый стол» о перспективах развития общественного движения чувашей. Агитпробег проходил по семи малым деревням Куединского района с компактным проживанием чувашей³⁸. В этом же году было подписано Соглашение о сотрудничестве между НКЦЧПК и администрацией губернатора Пермского края. Значимым событием в деятельности общественной организации стало открытие 20 ноября Чувашского центра в селе Ана-ньино Чернушинского района³⁹.

17 ноября 2011 года коллектив Национально-культурного центра чувашей Пермского края принял участие в краевом Дне толерантности, представив несколько творческих номеров и блюда национальной кухни⁴⁰.

На высоком уровне 22 декабря 2012 года прошли торжественные мероприятия, посвящённые 10-летию «Национально-культурного центра чувашей Пермского края». На празднике был представлен доклад об итогах работы за 10 лет, состоялся концерт чувашских коллективов и приглашённых гостей, презентация чувашской кухни. Председатель организации Г. А. Абакшина была награждена Благодарственным письмом губернатора Пермского края с формулировкой «За существенный вклад в укрепление межнационального согласия и развитие этнокультурного многообразия народов Пермского края».

24 января 2013 года Национально-культурным центром чувашей Пермского края был организован и проведён конкурс «Чувашский костюм от древности до современности», участие в котором приняли чувашские общественные организации Чернушинского, Куединского и Еловского районов⁴¹.

Таким образом, за 10 лет работы НКЦЧПК удалось провести целый ряд запоминающихся этнокультурных акций и мероприятий, представить чувашскую культуру на праздниках и акциях районного и краевого уровней.

Развитие национальных видов спорта

Развитие национальных видов спорта чувашей в современной России, в первую очередь, связано с традиционной борьбой на поясах «керешу». В рамках работы V Чувашского национального конгресса, в котором впервые принимали участие пермяки, в том числе был рас-

смотрен вопрос о возможности открытия секции по «керешу» в Прикамье. В результате при содействии администрации Пермской области в деревне Дойная Куединского района такая секция была открыта. 30 октября 2002 года здесь побывал первый вице-президент межрегиональной федерации чувашской национальной борьбы «керешу», мастер спорта Виталий Петрович Васильев. Он провёл несколько мастер-классов по борьбе «керешу» для учителей и спортсменов. Учитывая, что в Куединском районе уже сложились традиции подготовки спортсменов по классической борьбе, приглашённый тренер отметил хороший уровень работы местной секции.

С 2003 года пермские спортсмены регулярно принимают участие в общенациональных соревнованиях по этому виду спорта. Уже в 2003 году школьник из деревни Дойная С. Абакшин привёз домой бронзовую медаль со всероссийских соревнований. В 2005 году в этой деревне был организован лагерь по национальной борьбе «керешу», в котором прошли обучение 45 детей разных национальностей из Куединского района. В течение 10 дней они изучали особенности чувашской национальной борьбы. Тренировал ребят сам В. П. Васильев, который специально приехал в лагерь. На закрытии лагеря спортсмены провели показательные выступления, поучаствовали в первом турнире по «керешу» Куединского района, который проходил в пяти весовых категориях. А местная жительница Зинаида Кирилловна Трекова подарила победителю соревнований С. Абакшину барана⁴². В 2012 году по ходатайству НКЦЧПК за личный вклад в развитие чувашского национального спорта в Пермском крае В. П. Васильев был награждён Благодарственным письмом Министерства физической культуры и спорта Пермского края⁴³.

В последние годы на соревнованиях по «керешу» пермские спортсмены неизменно показывают высокие результаты. В 2012 году на соревнованиях в городе Новочебоксарске команда Пермского края состояла из девяти человек. Четыре спортсмена, Евгений Клячин, Роман Матвеев, Валентин Дуров, Виктор Глухов, заняли третьи места⁴⁴. По итогам турнира команда Пермского края заняла общее третье место. В 2013 году из семи спортсменов Пермского края трое заняли третьи места.

Национально-культурный центр чувашей Пермского края занимается не только развитием национальной борьбы, но и проведением спортивных соревнований межнационального характера. Одним из таких стал ежегодный межнациональный турнир по волейболу

на приз НКЦЧПК. Впервые он был проведён 20 октября 2012 года во время празднования 10-летия общественной работы, участие в турнире приняли пять команд из Бардымского района, сёл Бикбарда, Большой Гондырь Куединского района и из города Перми. Сегодня мероприятие уже стало ежегодным. Традицией стало и участие в турнире победителя краевой спартакиады «За межнациональное согласие и спортивные принципы отношений» на приз губернатора Пермского края. В 2013 году в турнире приняли участие пять команд из сёл Барда, Большой Гондырь, Бикбарда, деревни Дойная и Перми (команда ПРОО «Союзы кыргызстанцев»), в 2014 году – шесть команд из деревни Дойная, сёл Суганка, Большая Уса, Большие Кусты, Пантелеевка и деревни Узяр.

Нельзя не отметить, что 21–22 декабря 2013 года команда НКЦЧПК заняла первое место в соревнованиях по волейболу и мини-футболу в краевой спартакиаде «За межнациональное согласие и спортивные принципы отношений» на приз губернатора Пермского края В. Ф. Басаргина.

Благодаря усилиям общественных активистов сегодня в Пермском крае достигнуты большие результаты в развитии чувашской национальной борьбы, по инициативе пермских чувашей спорт также становится одним из средств межнациональных коммуникаций.

Творческие коллективы пермских чувашей

Обращение к чувашскому народному творчеству в деятельности коллективов и учреждений культуры в районах компактного проживания чувашей происходило задолго до начала активного национального общественного движения. Так, в селе Пантелеевка Куединского района до сих пор вспоминают театрализованную постановку чувашской свадьбы в сельском клубе в 1950-е годы. С 1958 года в деревне Дойная Куединского района ведёт свою историю самостоятельный фольклорный чувашский коллектив при сельском Доме культуры. С начала 1990-х годов он стал называться «Юрату» («Любимые»). В 1990-х – начале 2000-х годов коллектив стал одним из наиболее заметных фольклорных национальных ансамблей Пермской области. В 2000 году «Юрату» успешно выступил на форуме «Ключи XXI века», который проходил в селе Ключи Суксунского района⁴⁶. В этот период в составе коллектива выступали жители деревни: З. К. Трекова, Л. И. Белова, Е. А. Егорова,

К. В. Бахмутова, Е. В. Бахмутова, З. И. Егорова, А. Т. Данилова, Н. И. Сергеева, А. Г. Газиева, М. М. Попова, О. А. Белоцерковская, С. Г. Кондратьева, П. А. Поляков, Ю. В. Кылосов⁴⁷. В репертуаре коллектива – чувашские обрядовые и лирические песни, частушки, а также русские хороводные и игровые песни деревни Дойная Куединского района Пермского края. Фольклорный ансамбль неоднократно принимал участие в фестивалях и праздниках на разных территориях Пермского края (Куединский район, города Пермь, Чернушка, Чайковский и др.).

В 2010 году Совет НКЦЧПК, учитывая накопленный опыт работы, принял решение создать два детских чувашских ансамбля – «Щирла» («Ягодка») с ребятами до 10 лет и «Щелдер» («Звёздочка») – с детьми в возрасте от 10 до 12 лет⁴⁸. Хотя работа по созданию коллективов проводилась с 2002 года. «Началось всё с танцев в 2002 году. Как учили? Сначала спрашивали у старожил, какие есть движения, где-то, может, делали их посовременней. Потом начали песни изучать. Когда Интернета не было, мы кассеты брали. Сейчас с Интернетом вообще проблем нет никаких. Сначала мы выбираем какую-то песню, потом прослушиваем фонограмму, слова произносим. Потом приглашаем старожил, какого-нибудь, чтобы всё поправил и скорректировал. Потом записываем чувашские слова русскими буквами, потом раздаём детям, дети это учат. Вот дети сидят, слушают, им всё это нравится. Какое слово что означает. Если б были инструменты, мы бы, может, и играли на них. Сейчас мы приобрели свистульки, трещотки», – отметила в интервью руководитель ансамблей Татьяна Петровна Антонова⁴⁹.

Сегодня на занятиях ребята, входящие в коллективы, изучают традиционные чувашские песни и танцы⁵⁰. Практически с самого основания они ежегодно участвуют в различных конкурсах районного и краевого уровней. «Начинали выступать с праздников, потом стали покорять сцены района. И с тех пор в районном конкурсе "В песне душа народа" не было года, чтобы мы какое-то место не заняли. В этом году (2014 год – *авт.*) жюри не знало, кому отдать первое место – старшей группе или младшей»⁵¹. С 2009 года детский ансамбль «Щирла» трижды становился дипломантом краевого конкурса детской песни «Выше радуги», а в 2011 году стал его лауреатом⁵².

Успешная работа по созданию коллективов «Щирла» и «Щелдер» создаёт условия для реализации новых инициатив. Появились новые исполнители чувашских песен: «Сейчас у нас дуэт Дурова и Антонова

(Галина Алексеевна Дурова, Татьяна Петровна Антонова – активисты центра), они и в районе, и в Чернушке уже известны»⁵³. Сейчас в репертуаре коллективов НКЦЧПК более 15 песен, в планах – расширение репертуара и привлечение новых участников в детские коллективы.

Чувашские активисты Чернушинского района также организовали фольклорную группу «Хевель» («Солнышко»). В репертуаре ансамбля песни на чувашском языке, чувашские танцы. Участники коллектива неоднократно принимали участие в разных культурных акциях, праздниках, встречах.

Анализируя деятельность Чувашского национально-культурного центра в Прикамье в 2002–2014 годах, можно констатировать, что за 10 с небольшим лет активистам НКЦЧПК удалось создать эффективную систему работы по сохранению и популяризации чувашской культуры. Создана и функционирует общественная организация, через этнокультурный компонент в системе образования, через спорт, культурные проекты и общественную деятельность открыто сразу несколько направлений для реализации этнокультурного потенциала чувашского населения Прикамья. Безусловно, в перспективе данная работа сыграет важную роль в сохранении и популяризации чувашской культуры, презентации чувашей в многонациональном сообществе Пермского края.

Таким образом, современный этап этнокультурного развития чувашей Пермского края характеризуется протеканием сложных и противоречивых процессов. С одной стороны, при отсутствии нового миграционного притока в условиях дисперсного расселения для пермских чувашей характерны высокая степень интенсивности ассимиляционных процессов, слабое владение родным языком и основными компонентами этнической культуры. Эти процессы в дальнейшем приведут как к уменьшению численности чувашского населения региона, так и снижению показателей владения чувашским языком. С другой стороны, последние десятилетия характеризуются усилением интереса к истории и культуре чувашей Пермского Прикамья, активизацией общественного движения чувашей в крае, реализацией целой серии этнокультурных проектов, направленных на развитие и популяризацию языка и чувашской культуры региона. Всё это позволяет сегодня чувашскому сообществу региона быть заметным в этнокультурном пространстве и национальном общественном движении Пермского края.

¹ Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение населения РСФСР по наиболее многочисленным национальностям и языку [Электронный ресурс]: Демоскоп-weekly. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_lan_89_ru_1.php (дата обращения: 14.09.2013).

² Население наиболее многочисленных национальностей по возрастным группам и полу [Электронный ресурс]: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. URL: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default (дата обращения: 03.09.2014).

³ *Иванов В.П.* Чувашская диаспора: расселение и численность. Этнографический справочник. Чебоксары, 1999. С. 169–170.

⁴ По некоторым населённым пунктам сложно определить национальный состав жителей, так как для большинства национальностей в источнике не определена.

⁵ *Баландин А.М.* Национальное самосознание малых народов // Государственная национальная политика в XX–XXI веках: региональный аспект. Пермь, 2003. С. 126–127.

⁶ Межэтнический мир Прикамья. Опыт этнополитической деятельности администрации Пермской области: в 4 т. / Рос. Акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Центр по изуч. межнац. отношений. М., 1996–2001. Т. 1, 3–4.

⁷ Решение Законодательного собрания Пермской области от 29.11.1999 № 693 «О целевой комплексной Программе гармонизации национальных и межнациональных отношений народов Прикамья на 1999–2003 годы» [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW368;n=17932> (дата обращения: 12.10.2013).

⁸ *Щукина Р.И.* Национальные общественные объединения в Пермском крае // Народы Пермского края: История. Становление. Развитие. Пермь, 2010. С. 52.

⁹ Указ губернатора Пермской области от 27 февраля 2001 г. № 50 «О координационном совете по национальным вопросам администрации Пермской области» [Электронный ресурс]: Референт. URL: <http://www.referent.ru/129/12487> (дата обращения: 29.10.2013).

¹⁰ Из жизни чувашского этноса Прикамья. Пермь, 2002. С. 10.

¹¹ ПМА-2014. Галина Анатольевна Абакшина, 1961 г. р., д. Дойная Куединского района.

¹² О практическом семинаре «Национально-культурная автономия как институт самоорганизации этноса» // «Акатуй» – специальный выпуск газеты «Вести с Урала». 2002. 6 июля.

¹³ Там же.

¹⁴ Автономии быть! // Куединский вестник. 2001. 21 дек.

¹⁵ С надеждой на будущее // Куединский вестник. 2002. 23 апр.

¹⁶ Об учредительной конференции по созданию региональной национально-культурной автономии чувашей Пермской области // «Акатуй» – специальный выпуск газеты «Вести с Урала». 2002. 6 июля.

¹⁷ Однако зарегистрировать автономию как юридическое лицо не удалось по ряду формальных причин. В 2008 году автономия была перерегистрирована в общественную организацию – Национально-культурный центр чувашей Пермского края.

¹⁸ Мечта стала реальностью // Куединский вестник. 2002. 12 апр.

¹⁹ ПМА-2014. Лидия Ивановна Шукшина, 1946 г. р., с. Ананьино Чернушинского района.

²⁰ ПМА-2014. Лидия Вячеславовна Лозинская, 1958 г. р., с. Дуброво Еловского района.

²¹ Конференция // «Акатуй» – специальный выпуск газеты «Вести с Урала». 2002. 6 июля.

²² Помогаем, понимаем, поддерживаем // Куединский вестник. 2002. 11 окт.

²³ АНКЦЧПК. Протоколы заседаний правления НКЦЧПК. Отчёт работы национально-культурного центра чувашей за 2013 год.

²⁴ Чувашская красавица сразила жюри... пивом // Труд. Прикамье. 2004. 22 янв.

²⁵ АНКЦЧПК. Протоколы заседаний правления НКЦЧПК. Протокол № 1. О деятельности НКЦЧ по сохранению национально-культурного своеобразия чувашского населения с 2002 года по 2012 год в Пермском крае.

²⁶ Архив НКЦЧПК. Протоколы заседаний правления НКЦЧПК. Работа по приобщению детей к национальной культуре МДОУ «Дойнинский детский сад».

²⁷ ПМА-2014. Надежда Васильевна Коврыгина, 1969 г. р., д. Дойная Куединского района.

²⁸ ПМА-2014. Галина Анатольевна Абакшина, 1961 г. р., д. Дойная Куединского района.

²⁹ ПМА-2014. Галина Алексеевна Дурова, 1973 г. р., д. Дойная Куединского района.

³⁰ ПМА-2014. Галина Алексеевна Дурова, 1973 г. р., д. Дойная Куединского района.

³¹ ПМА-2014. Галина Алексеевна Дурова, 1973 г. р., д. Дойная Куединского района.

³² Николаева Т. В. Из опыта работы МОУ «Большекустовская СОШ» по внедрению этнопедагогического компонента в учебно-воспитательный процесс // Этническая культура и современная школа. Материалы межрегиональной научно-практической конференции (17–18 апреля 2008 г., г. Кунгур). Вып. 6. Пермь: Изд-во ООО «ИД «Типография купца Тарасова», 2009. С. 128–129.

³³ Горбунова Н. Н. Изучение народных традиций через исследовательскую деятельность в летний период // Этническая культура и современная школа. Материалы межрегиональной научно-практической конференции 15–16 апреля 2004 г., г. Нытва. Вып. 2. Пермь, 2005. С. 195–197.

³⁴ Ахмадуллина С. П. Обновление содержания образования на основе региональных этнокультурных традиций в Центре дополнительного образования детей «Альтаир» // Этническая культура и современная школа. Материалы межрегиональной научно-практической конференции 19–20 апреля 2007 г., п. Ильинский Пермского края. Вып. 5. Пермь, 2007. С. 26–28.

³⁵ Дорога дружбы // Куединский вестник. 2004. 30 янв.

³⁶ ПМА-2014. Галина Анатольевна Абакшина, 1961 г. р., д. Дойная Куединского района.

³⁷ Акатуй по-пермски // Прикамье многонациональное. Приложение к областной еженедельной газете «Досье 02». 2004. 23 июля.

³⁸ АНКЦЧПК. Протоколы заседаний правления НКЦЧПК. О системе взаимодействия, сотрудничества и партнёрстве НКЦЧ Куединского района Пермского края.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Абакшина Г. А. Чуваша Пермского края: 10 лет вместе // Пермский край – территория межнационального согласия. СПб., 2011. С. 46–47.

⁴¹ АНКЦЧПК. Протоколы заседаний правления НКЦЧПК. Протокол № 1 от 24 января 2013 г.

⁴² Крепнет связь поколений // Куединский вестник. 2005. 23 авг.

⁴³ АНКЦЧПК. Протоколы заседаний правления НКЦЧПК. Ходатайство в Министерство физической культуры и спорта Пермского края.

⁴⁴ АНКЦЧПК. Протоколы заседаний правления НКЦЧПК. Участники чемпионата и первенства России по борьбе «керешу» памяти лётчика-космонавта СССР А. Г. Николаева 12–13 апреля в г. Чебоксары и результаты.

⁴⁵ Юрату – любимые // «Акатуй» – специальный выпуск газеты «Вести с Урала». 2002. 6 июля.

⁴⁶ Это нужно потомкам // Куединский вестник. 2002. 16 апр.

⁴⁷ АНКЦЧПК. Протоколы заседаний правления НКЦЧПК. Протокол № 1 от 25 марта 2010 г.

⁴⁸ ПМА-2014. Татьяна Петровна Антонова, 1970 г. р., д. Дойная Куединского района.

⁴⁹ АНКЦЧПК. Протоколы заседаний правления НКЦЧПК. Отчёт о работе национально-культурного центра чувашей за 2013 год.

⁵⁰ ПМА-2014. Татьяна Петровна Антонова, 1970 г. р., д. Дойная Куединского района.

⁵¹ АНКЦЧПК. Протоколы заседаний правления НКЦЧПК. Протокол № 1. О деятельности НКЦЧ по сохранению национально-культурного своеобразия чувашского населения с 2002 года по 2012 год в Пермском крае.

⁵² ПМА-2014. Татьяна Петровна Антонова, 1970 г. р., д. Дойная Куединского района.

⁵³ Помни корни свои // Маяк Приуралья. 2010. № 45. 10 июня. С. 3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История чувашей в Пермском крае насчитывает несколько столетий. Она началась в XVII веке и продолжается в настоящее время. За счёт миграционного прироста в XX столетии чувашаи стали одним из значительных этнических сообществ в Пермском Прикамье.

Регион испытал несколько миграционных волн чувашского населения в XVII–XX веках.

Первая миграционная волна XVII – начала XVIII века привела к появлению переселенцев-чувашей в Сылвенско-Иренском поречье на территории Кунгурского уезда. Миграции этого периода не были значительными и не привели к формированию компактной этнической группы чувашей в Пермском Прикамье, чувашаи в этот период большей частью ассимилировались и влились в состав других этнических общностей региона.

Вторая миграционная волна из районов Поволжья в Пермское Прикамье в начале XX века привела к формированию в Оханском и Красноуфимском уездах чувашских поселений. Однако численность чувашского населения в регионе по-прежнему была незначительной. Дисперсность расселения и малочисленность групп в Оханском и Красноуфимском уездах уже в середине века привели к их ассимиляции и растворению в иноэтничном окружении.

Третья миграционная волна – это переселение чувашских крестьян в южные районы современного Пермского края в конце 1920-х годов, формирование значительного и относительно компактного ареала расселения, сохраняющегося и в настоящее время в Куединском, Чернушинском, Чайковском и Еловском районах Прикамья. Первые три миграционные волны были связаны с крестьянским, сельскохозяйственным освоением чувашами территории Пермского Прикамья.

Четвёртая миграционная волна была связана с проводимой переселенческой кампанией в начале 1950-х годов для привлечения трудовых ресурсов в лесное и сельское хозяйство, на промышленные предприятия. Большая часть переселенцев этого периода расселилась дисперсно в административных территориях и поселениях края. Миграционный прирост в первой половине XX века обусловил значительное увеличение численности чувашей в Пермском Прикамье.

Язык и этническая культура по-разному сохранялись и развивались среди переселенцев разных миграционных волн. Наиболее благоприятные условия для сохранения и развития этнокультурных комплексов сложились в ареале наиболее компактного сельского расселения чувашей в Куединском и сопредельных районах Пермского края. Формирование этого относительно компактного ареала приходится на 1920-е годы, когда чувашские переселенцы, обосновавшись в русских деревнях, составили в некоторых из них более половины населения. Этнокультурные комплексы чувашей этой территории можно характеризовать как смешанные, так как их формирование происходило на основе традиций, принесённых из разных районов Чувашии. Другая их особенность – активное взаимодействие с традициями иноэтничного, русского окружения. Значительная сохранность чувашских традиций отмечена в системе питания, календарных праздниках и обрядах, некоторых семейных традициях.

Ассимиляционные процессы достаточно рано стали проявляться в чувашском сообществе Пермского Прикамья. Причинами этих процессов стали: дисперсность расселения в большинстве территорий региона, отсутствие компактных анклавов расселения, а также тот факт, что миграционные процессы происходили в период активного разрушения традиционной культуры, высокой интенсивности интеграционных процессов. В результате этих процессов во второй половине XX века, когда отсутствовали массовые миграции с основной этнической территории, численность чувашей Пермского Прикамья стала сокращаться. Эти процессы продолжаются и сегодня. Безусловно, они и в дальнейшем приведут к уменьшению численности чувашского населения региона, снижению показателей владения чувашским языком.

Между тем в условиях построения многонациональной российской идентичности и оживления чувашского национально-культурного движения в России и в регионе у чувашей Пермского края возвращается интерес к своей этнической истории и культуре. Отдельного внимания заслуживает деятельность по популяризации культуры чувашей среди населения Пермского края. Последние десятилетия характеризуются усилением интереса к истории и культуре чувашей Пермского Прикамья, активизацией общественного движения чувашей Пермского края, реализацией целой серии этнокультурных и образовательных проектов, направленных на развитие и популяризацию языка и чувашской культуры региона. В Куединском и Чернушинском муниципальных районах Пермского края наличие и деятельность чувашских национально-культурных организаций уже является неотъемлемой частью общественной жизни, механизмом позиционирования района.

Все это позволяет сегодня чувашскому сообществу региона быть заметным в этнокультурном пространстве и национальном общественном движении Пермского края и России.

Несмотря на современные ассимиляционные тенденции, интерес к истории народа, работа по популяризации чувашской культуры могут привести к росту национального самосознания и конструированию этнической идентичности нового типа – русскоязычного чувашского населения, сохраняющего представления о своей уникальности, обладающего собственной исторической памятью и комплексом этнической культуры.